

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

Научный журнал

№ 4(39) 2020

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

**ACTUAL ISSUES
OF MODERN PHILOLOGY
AND JOURNALISM**

Scientific journal

№ 4(39) 2020

- Linguistics
- Methods of teaching languages
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-70532 от 25.07.2017.

Журнал «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» включен в перечень ведущих научных изданий, в котором публикуются результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал выходит четыре раза в год.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Н.Н. Лапынина, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – С.А. Скуридина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминева** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Н.Б. Бугакова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Н.Н. Коростылева** – доктор социологических наук – Москва, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Н.В. Цымбалистенко** – доктор филологических наук – Салехард, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия.

Технический редактор – О.В. Сулемина.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Юридический адрес издателя: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.

Фактический адрес издателя: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.

Адрес редакции: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473) 271-50-48.



© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2020

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology

Deputy chief editor – N.N. Lapygina, PhD in philology

Executive secretary – S.A. Skuridina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **N.B. Bugakova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Ereemeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Novgorod, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **N.N. Korostyleva** – doctor of sociology – Moscow, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **D. Lesnevska** – PhD – Sophia, Bulgaria; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **Yu.S. Popova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtgotogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **N.V. Tsybalistenko** – doctor of philology – Salekhard, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia;

Technical editor – O.V. Sulemina.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Legislative address of the publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

Factual address of the publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.



© Voronezh State Technical University, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ковалева Л.В.</i> Вступительное слово главного редактора.....	6
К 110-летию со дня рождения А.Т. Твардовского	
<i>Королева И.А.</i> Образы вождей в поэмах А.Т. Твардовского: ономастический уровень.	7
Лингвистика	
<i>Загоровская О.В.</i> Этапы развития русского языка в новейший период его истории (рубеж XX-XXI веков).....	16
<i>Долгова Е.Ю.</i> Лексикографическое портретирование лексемы «погрязнуть» (X – XVII вв.).....	23
<i>Гурова И.В.</i> Гейт-производные 2018-2019 гг. в русском дискурсе.....	31
Методика преподавания языков	
<i>Цыганенко В.В.</i> Обучение иностранных студентов-фармацевтов составлению реферата-резюме.....	36
<i>Дубских А.И.</i> Предметно-языковое интегрированное обучение иностранному языку студентов неязыковых направлений: преимущества и проблемы внедрения.....	44
<i>Малыхина Н.И., Шишкина Н.М.</i> Использование календаря памятных дат как способ воспитания патриотизма в иноязычном образовательном процессе.....	52
Аспекты изучения художественного текста	
<i>Богумил Т.А.</i> Лики В.М. Шукшина: Мартин Иден, Гамлет, Степан Разин.....	59
<i>Новикова О.В., Лапынина Н.Н.</i> Антропонимическое пространство романа А. Варламова «Душа моя Павел».....	66
<i>Акимова Т.И.</i> «Галантный диалог» как авторская стратегия А. Кантемира.....	77
<i>Аминева В.Р.</i> Жанр «парча» в современной татарской литературе: особенности функционирования (на материале «малой» прозы Р. Габдулхаковой).....	83
<i>Паринова А.С.</i> Комплекс мотивов рая и ада в современной русской прозе, посвященной лагерной тематике (на материале романов Захара Прилепина «Обитель» и Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза»).....	91
Лингвокультурология	
<i>Верховых Л.Н.</i> Топонимические реликты в воронежских фамилиях.....	96
<i>Голованова Н.Ю.</i> Репрезентанты цветовой палитры в повести Л.Н. Андреева «В тумане».....	101
Межкультурная коммуникация	
<i>Кожжевникова Е.В., Вязовская В.В.</i> Специфика преподавания курсов «Лингвокультурология» и «Межкультурная коммуникация» в китайских вузах.....	108
Язык СМИ	
<i>Селеменова О.А.</i> Бисубстантивные предложения в коммерческих рекламных текстах.....	115
<i>Никитина О.А., Гудкова О.А.</i> Контаминация как проявление игрового словотворчества в дискурсе о пандемии COVID-19 (на материале новообразований немецкого языка).....	123
<i>Романова Г.В.</i> Устойчивые выражения в средствах массовой информации периода пандемии коронавирусной инфекции.....	133
Правила оформления статей	144

CONTENTS

<i>Kovaleva L.V.</i> Opening remarks of the chief editor	6
<i>On the 110th anniversary of A.T. Tvardovsky</i>	
<i>Koroleva I.A.</i> The images of the leaders in poems by A.T. Tvardovsky: onomastic level.	7
<i>Linguistics</i>	
<i>Zagorovskaya O.V.</i> The stages of Russian language development in the newest period of its history (at the turn of XX-XXI centuries).....	16
<i>Dolgova E.Yu.</i> Lexicographical portrait of the lexeme «POGRYAZNUT'» (X – XVII centuries).....	23
<i>Gurova I.V.</i> Gate-derivatives formed in 2018-2019 in Russian discourse.....	31
<i>Methods of teaching languages</i>	
<i>Tsyganenko V.V.</i> Training of international pharmaceutical students for composition of abstract-summary.....	36
<i>Dubskikh A.I.</i> Content and language integrated learning in foreign language to students of non-linguistic specialities: advantages and problems of implementation.....	44
<i>Malykhina N.I., Shishkina N.M.</i> Using the calendar of memorable dates as a way to foster patriotism in the process of teaching a foreign language.....	52
<i>Literary text: aspects of study</i>	
<i>Bogumil T.A.</i> Faces of V.M. Shukshin: Martin Iden, Hamlet, Stepan Razin.....	59
<i>Novikova O.V., Lapynina N.N.</i> Antroponymic space of A. Varlamov's novel «My soul Pavel».....	66
<i>Akimova T.I.</i> «Gallant Dialogue» as author 's strategy of A. Cantemir.....	77
<i>Amineva V.R.</i> Genre of «parcha» in modern Tatar literature: features of functioning (on the material of R. Gabdulhakova's «small» prose).....	83
<i>Parinova A.S.</i> The complex of motives of hell and paradise in modern Russian prose dedicated to the labour camp theme (based on novels «The Monastery» by Z. Prilepin and «Zuleikha opens her eyes» by G. Yakhina).....	91
<i>Language and culture studies</i>	
<i>Verkhovykh L.N.</i> Toponymic relicts in Voronezh surnames.....	96
<i>Golovanova N.Y.</i> The representatives of colour palette in the novel «In the fog» by L.N. Andreev.....	101
<i>Intercultural communication</i>	
<i>Kozhevnikova E.V., Vyazovskaya V.V.</i> Specificity of courses in linguoculturology and intercultural communication in Chinese universities.....	108
<i>Language of mass media</i>	
<i>Selemeneva O.A.</i> Bisubstantive sentences in the commercial advertising texts.....	115
<i>Nikitina O.A., Gudkova O.A.</i> Contamination as a manifestation of the ludic word creation in the discourse about the COVID-19 pandemic (based on the material of new German words).....	123
<i>Romanova G.V.</i> Sustained expressions in the media space during the pandemic of COVID-19.....	133
<i>Layout of the articles</i>	144

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей тридцать девятый выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Лингвистика», II – «Методика преподавания языков», III – «Аспекты изучения художественного текста», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Язык СМИ». Отдельно представлен раздел «К 110-летию со дня рождения А.Т. Твардовского».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 18 научных работ.

В раздел «К 110-летию со дня рождения А.Т. Твардовского» входит работа, посвященная исследованию литературной ономастики (Королева И.А.). Раздел «Лингвистика» включает статьи, рассматривающие особенности развития русского языка в разные исторические эпохи (Загоровская О.В.; Долгова Е.Ю.; Гурова И.В.). Раздел «Методика преподавания языков» представлен работами, связанными с обучением иностранных студентов-фармацевтов составлению реферата-резюме (Цыганенко В.В.), со спецификой предметно-языкового интегрированного обучения иностранному языку студентов неязыковых направлений: преимущества и проблемы внедрения (Дубских А.И.), с возможностью использования календаря памятных дат как способа воспитания патриотизма в иноязычном образовательном процессе (Малыхина Н.И., Шишкина Н.М.). Раздел «Аспекты изучения художественного текста» включает статьи, затрагивающие проблемы образности (Богумил Т.А.), выбора имен собственных (Новикова О.В., Лапынина Н.Н.), авторской стратегии (Акимова Т.И.), жанра (Аминева В.Р.), реализации комплекса мотивов (Паринова А.С.) Раздел «Лингвокультурология» содержит работы, которые посвящены анализу топонимических реликтов в воронежских фамилиях (Верховых Л.Н.) и репрезентантов цветовой палитры в индивидуально-авторской картине мира (Голованова Н.Ю.). Раздел «Межкультурная коммуникация» включает работу, исследующую специфику преподавания курсов «Лингвокультурология» и «Межкультурная коммуникация» в китайских вузах (Кожевникова Е.В., Вязовская В.В.) Раздел «Язык СМИ» представлен работами, описывающими бисубстантивные предложения в коммерческих рекламных текстах (Селеменова О.А.), игровое словотворчество и устойчивые выражения в средствах массовой информации в дискурсе о пандемии (Никитина О.А., Гудкова О.А.; Романова Г.В.)

Содержащиеся в выпуске 4(39) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, методики преподавания, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ



Ковалева Л.В.

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.Т. ТВАРДОВСКОГО ON THE 110-TH ANNIVERSARY OF A.T. TVARDOVSKY

УДК 811.161.1'373.232

DOI 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.001

Смоленский государственный университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
Королева И.А.
Россия, г. Смоленск, тел. +7-910-780-0272
e-mail: innakor@mail.ru

Smolensk State University
The chair of Russian language
Doctor of Philology, full professor
Koroleva I.A.
Russia, Smolensk, tel. +7-910-780-0272
e-mail: innakor@mail.ru

И.А. Королева

ОБРАЗЫ ВОЖДЕЙ В ПОЭМАХ А.Т. ТВАРДОВСКОГО: ОНОМАСТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

В статье рассматривается ономастический уровень функционирования исторических антропонимов *Сталин* и *Ленин* в поэмах великого русского поэта XX века А.Т. Твардовского (1910 – 1971). Анализируется лексический фон именованных вождей; показано, как фоновая информация, отражающая национально-культурные и исторические сведения, содержащиеся в непонятном плане онимов, позволяет выявить групповую и индивидуальную оценку образов вождей в произведениях А.Т. Твардовского 30-х гг. и 60-х гг. XX века. Показано, как семантическое окружение антропонимов помогает выявлять авторскую оценку Сталина и Ленина как ключевых эпохальных фигур, изменение этой оценки с изменениями взглядов мастера слова на роль личности в истории. Анализ исторических антропонимов и их информативного поля позволил на ономастическом уровне проследить за изменением отношения А.Т. Твардовского к Сталину, так как эта личность играла большую роль в судьбе поэта и его семьи. Доказано, что индивидуальная оценка мастера слова исторических событий реально изменилась в 1960-е годы. Отмечены некоторые стилистические приемы введения исторических антропонимов в канву художественного текста, которые помогли автору представить образы вождей. Комплексный анализ ономастического уровня на примере антропонимов *Сталин* и *Ленин* в поэмах, которые являются наиболее значимыми А.Т. Твардовского, проведен впервые.

Ключевые слова: А.Т. Твардовский, поэма, ономастика, исторический антропоним, лексический фон имени собственного, групповая и индивидуальная оценка.

I.A. Koroleva

THE IMAGES OF THE LEADERS IN POEMS BY A.T. TVARDOVSKY: ONOMASTIC LEVEL

The article considers the onomastic level of functioning of the historical anthroponyms Stalin and Lenin in the poems of the great Russian poet of the twentieth century, Alexander Trifonovich Tvardovsky (1910 - 1971). The lexical background of the leaders' naming is analyzed. It is shown how the background information reflecting the national-cultural and historical information containing in the non-conceptual plan of the onyms allows us to identify the group and individual assessment of the images of leaders in the works by Tvardovsky in the 1930s and 1960-s. It is shown how the semantic field of anthroponyms helps to identify the author's assessment of Stalin and Lenin as the key epochal figures and the change in this assessment with the changes in the views of the poet on the role of the person in history. The analysis of historical anthroponyms and their informative field makes it possible on the onomastic level to follow the change in Tvardovsky's attitude to Stalin, since this person played a great role in the fate of the poet and his family. It is proved that the poet's individual assessment of historical events really changed in the 1960s in comparison to the 1930s. Some stylistic techniques of introducing historical anthroponyms into the outline of a literary text are noted

which helped the poet to present the images of the leaders. The complex onomastic level of analysis of the anthroponyms 'Stalin' and 'Lenin' in the poems, which are the most significant for A.T. Tvardovsky, was carried out for the first time.

Keywords: A.T. Tvardovsky, poem, onomastics, historical anthroponym, lexical background of the proper name, group and individual assessment.

В 2020 году вся российская общественность отмечает 110-ю годовщину со дня рождения великого русского поэта XX века Александра Трифоновича Твардовского. Естественно, научное сообщество тоже не обходит стороной знаменательную дату. Так, на родине мастера слова, в Смоленске, на базе Смоленского государственного университета, где работает центр по изучению творчества А.Т. Твардовского, в июне состоялась научная конференция «Жизнь и творчество Александра Твардовского в историческом контексте». В декабре 2020 года в Смоленске же на базе универсальной научной библиотеки, носящей имя поэта, состоятся 16-е Твардовские чтения. Наша статья является своеобразным вкладом в изучение наследия одного из основоположников Смоленской поэтической школы, незабываемого редактора «Нового мира», автора «Василия Теркина».

О значимости творчества А.Т. Твардовского, о его влиянии на развитие русской литературы хорошо сказал известный воронежский твардовед В.М. Акаткин, который назвал его русским классиком, великим писателем – реалистом, поэтом – философом, подвижником – редактором, духовным ходатаем «за Россию, за народ и за все на свете» [1, с. 3].

Ономастикой произведений А.Т. Твардовского активно занимаются в Смоленске и Воронеже, где в годы войны (1942 – 1943) поэт служил в редакции фронтовой газеты «Красная Армия» [2, с. 3]. На родине мастера слова только за последние пять лет вышло около 20 ономастических публикаций [3; 4; 5; 6 и др.]; в основном это работы автора настоящей статьи, возглавляющего Смоленскую ономастическую школу, известную в России и за рубежом. К сожалению, в других регионах имена собственные в произведениях А.Т. Твардовского настоящее время практически не изучаются, поэтому мы надеемся, что юбилейные публикации вызовут определенный интерес ономастов.

Стоит напомнить об особом месте А.Т. Твардовского в русской литературе, в частности – о его роли в развитии советской поэзии. Так, еще в 1960 г. смолянин Адриан Владимирович Македонов, ставший известным литературным критиком, выделил особое литературное направление в развитии советских поэтических объединений – Смоленскую поэтическую школу; он также определил трех ее «китов», трех основоположников – М.В. Исаковского, А.Т. Твардовского и Н.И. Рыленкова. Подчеркнуто, что именно Твардовский стал «наиболее крупным представителем всей «школы»» [7, с. 4].

Одной из особенностей представителей Смоленской поэтической школы, поэтов-реалистов, явился, как считает А.В. Македонов, показ нового труженика-героя советской эпохи – это простые люди, описанные автором весьма конкретно: у каждого есть адрес, имя, личная и общая жизнь. У Твардовского это Никита Моргунок, семья Фроловых, дед Данила, песенник Лазарь, тетка Дарья, Андрей и Анна Сивцовы, конечно же, Василий Теркин, народный герой. Впереди же этой галереи образов, по словам того же А.В. Македонова, – фигуры вождей революции во главе с Лениным [Там же, с. 15]. Эта особенность характерна и для М.В. Исаковского [8], но у А.Т. Твардовского, в силу личных причин, образы Ленина и Сталина (особенно последний) получили в поэмах, крупнейших, самых ярких, известных произведениях, особое воплощение. Попробуем показать своеобразную авторскую оценку Ленина и Сталина на ономастическом уровне.

Прежде, чем рассматривать исторические антропонимы *Ленин* и *Сталин*, которые занимают особое место в антропонимии поэм А.Т. Твардовского, мы должны обратиться к понятиям «лексический фон» и «фоновые знания». Наличие лексического фона у слов убедительно показали Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, которые определили его как некую совокупность непонятных информативных сведений комплексного характера, являющихся своеобразным фиксатором индивидуальной и групповой (общественной) информации. По их словам, «подобно тому, как слово обладает свойством массовой воспроизводимости, так и

лексический фон в его основных, стержневых семантических долях устойчиво известен всем членам национально-культурной и языковой общности людей» [9, с. 44]. Иными словами, лексический фон содержит фоновые знания, которые носят национально-специфический характер и служат своеобразным транслятором истории и культуры народа.

Имена собственные (ИС) также обладают лексическим фоном, имеют в структуре своего значения объемные непонятные сегменты с культурологической, исторической, этнографической, психологической и иной информацией. Они не только соотносятся с вполне конкретными объектами номинации (людьми, географическими объектами, животными, вещами и пр.), но и имеют лексический фон, то есть комплекс разнообразной информации, которая входит в план содержания ИС и очень часто составляет национально-культурную его часть, содержит богатый страноведческий материал [10, с. 16]. Информация закодирована, то есть оним – это свернутый текст, который надо уметь раскодировать и прочесть. Процесс осознания лексического фона ономастической единицы происходит в речи, в определенной коммуникативной ситуации [11, с. 358]. Чтобы отразить фоновое содержание имени собственного, нужно выявить и его групповую, и его индивидуальную (авторскую) информацию.

Особый вид речи – это художественные тексты, в которых авторы используют имена собственные разных разрядов; введение ономастического материала в семантическое окружение помогает декодировать лексический фон того или иного ИС. Однако фоновые знания носят исторический характер и не всегда просто выявляются. Зачастую фоновые знания с течением времени теряют свою актуальность, могут менять свой статус.

ИС могут приобретать символическое значение, становиться выражением оценки, причем эта оценка значима для языкового сообщества; она может быть групповой, а также авторской (если речь идет об ИС в художественном тексте). Оценки могут совпадать, а могут и отличаться, так как авторская оценка может содержать индивидуальные дополнительные смыслы. На ономастическом уровне можно раскодировать лексический фон двух исторических антропонимов – *Сталин* и *Ленин*, образы которых представлены в поэмах А.Т. Твардовского.

Вполне очевидно, что в литературе 1930-х гг. образ Сталина предьявлялся всеми писателями-реалистами, которые так или иначе затрагивали тему коллективизации [12]. По мнению В.М. Акаткина, тема «Поэт и вождь» для Твардовского была одной из самых сложных, знаковых, связанных с его биографией. Именно поэтому она требует самого пристального рассмотрения, максимально «тесного контакта с текстами» [13, с. 7]. В ранних поэмах образ Сталина не появляется произвольно – он сюжетная веха, отражающая хронотоп произведений. Так, в поэме «Вступление» (второе название «Путь Василия Петрова») (1931) Сталин появляется на страницах в качестве народного мифологического символа справедливости. Крестьяне, силой загнанные в колхоз, встретили сталинскую знаменитую статью «Головокружение от успехов» как своего рода избавление от беспредела (здесь и далее цитаты даются по следующему изданию: А.Т. Твардовский «Путь Василия Петрова» // Ж. «Смоленская дорога». №1 (2). 2008. С. 151-163):

*Стойте, – поднялся Бобков, –
Сталин чего требует?
Чтоб не сгоняли силком,
Чтоб принуждения не было.*

Словами старого крестьянина Лексашина, выразившего и мысли самого поэта, показывается восприятие Сталина народом:

*Сколько я пострадал,
Какой обливался кровью...
А Сталин теперь написал,
Что я невинно страдал,
И дай ему бог здоровья...*

Все семантическое окружение исторического антропонима указывает на народную веру в вождя-благодетеля. Поэма была написана уже после раскулачивания семьи поэта и ссылки

в Сибирь; по сюжету раскулачивают кузнеца Гордеича, в образе которого А.Т. Твардовский показал своего отца. Именно ему принадлежит реплика-сомнение в справедливости ареста:

*Сталин-то, Сталин – Что?
Я говорил и ранее.*

Но общее мнение все же на стороне справедливости Сталина как защитника крестьян:

*И как газету прислали,
Как прилетел верховой,
Как мы прочли, что Сталин
Пишет своей рукой...
Так и сказали:
Вот!
Вот это так. Толково.
Вот он его подход,
Вот оно его слово...*

Так это было. ИС *Сталин* употреблено в поэме 6 раз с исключительно позитивным контекстом.

Образ Сталина представлен и в лучшей ранней поэме А.Т. Твардовского «Страна Муравия» (1936), в которой также показан в соответствии с реалиями времени. Групповой лексический фон исторического антропонима Сталин и личное восприятие этого образа А.Т. Твардовским совпадают.

Антропоним *Сталин, товарищ Сталин* (традиционное обращение к вождю) упомянут трижды. Это личность и стоящая на пьедестале, и близкая одновременно. Сталин – непререкаемый авторитет (цитаты даются по следующему изданию: А.Т. Твардовский. Избранные сочинения. М.: Художественная Литература, 1981. 671 с.):

*Росла, невнятная сперва,
Неслась, как радио, молва,
Как отголосок по лесам.
Бежала по стране.
Что едет Сталин, едет сам
На вороном коне.*

Сам – это хозяин, отец. Показана народная мечта: его с нетерпением ждут крестьяне, чтобы он смог решить наболевшие вопросы, разъяснить, что такое колхозная жизнь.

Более широкий контекст позволяет увидеть Сталина таким, каким он реально воспринимался людьми ТОЙ эпохи: в шинели, с трубкой, все пишет в книжечку свою, беседует с людьми.

К Сталину обращаются люди с вопросами. Обращается и Моргунок:

*Товарищ Сталин!
Дай ответ,
Чтоб люди зря не спорили:
Конец предвидится ай нет
Всей этой суетории?..*

Растерянность и непонимание ситуации находит отражение в авторском неологизме «суетория».

Никита не готов еще к колхозной жизни, как и многие в те годы. Он озабочен лишением частной собственности, обобществлением личного хозяйства. Поэтому он просит Сталина:

*Вот я, Никита Моргунок,
Прошу, товарищ Сталин,
Чтоб и меня, и хуторок
Покамест что...оставить.
И объявить: мол, так и так, –
Чтоб зря не обижали, –*

*Оставлен, мол, такой чудак
Один во всей державе...*

И не следует искать «зловещего смысла» в следующих строках:

*... И надо всей страной – рука,
Зовущая вперед!*

Это просто, повторим, реалии времени. Групповой лексических фон исторического антропонима *Сталин* и личное восприятие этого образа А.Т. Твардовским совпадают.

ИС *Ленин* упомянуто лишь однажды. Это символ эпохи. Показательно, что через упоминание имени вождя революции подчеркивается значимость и позитивность деятельности председателя колхоза Андрея Фролова: он «свято линию берег, что Ленин указал». Имя *Ленин* как бы приподнимает деятельность председателя колхоза в восприятии читателя, делает ее верной и необходимой. Да, так было: это и авторская оценка, и групповая.

А.Т. Твардовский хотел усилить образ Сталина в поэме, о чем говорят его «Рабочие тетради», думал даже сделать отдельную главу, так как поэт остро переживал трагедию семьи и искал ответа на вопрос: «За что?». Но в окончательном тексте отдельная глава не получилась, а сам вождь появляется только в 7 главе, в которой представлен образ-сон, фантазия народная, миф. А.Т. Твардовский не уточнил, что встреча с вождем у Моргунка не состоялась: ее и не могло быть, так как показан народный миф молвы.

Далее обратимся к анализу ИС *Ленин* и *Сталин* в поэме А.Т. Твардовского «За далью – даль» (1960). Особо следует сказать об именовании *Ленин*, пять раз использованном в конце поэмы.

Владивосток сопоставляется с Ленинградом, городом Ленина: «Большим и кровным сходством схожи Владивосток и Ленинград». Ленин – у истоков СССР. А.Т. Твардовский связывает два прецедентных имени – Царя Петра и великого Ленина (имена нарицательные из текста) – заботой о мощи и величии России. Сегодня стало явью то, что было замыслено еще в веках! В оценке октябрьских событий и последующих изменений в России А.Т. Твардовский выступает как мудрый аналитик:

*Что ж, если опыт вышел боком,
Кому пенять, что он таков?
Великий Ленин не был богом
И не учил творить богов.*

Штамп *великий Ленин* не имеет в тексте никаких дополнительных коннотаций. Точно так же, как и в четверостишии, где говорится о том, что Сталин стоял у гроба Ленина. Так это было.

Иначе вводится в поэму образ Сталина, без которого, естественно, нельзя обойтись, описывая время. Очень точно и емко название главы поэмы – «Так это было».

Глава фактически вся посвящена Сталину, но сам вождь ни разу не назван. Он – это «грозный дух»; «божество»; «как бог»; «сын востока»... Уже в первом четверостишии – местоимение ОН:

*...Когда кремлевскими стенами
Живой от жизни огражден,
Как грозный дух он был над нами, –
Иных не знали мы имен.*

...
*Гадали, как еще восславить
Его в столице и в селе.
Тут ни убавить,
Ни прибавить, –
Так это было на земле.*

В последнее время Сталин уже и сам себя именовал особо:

*Уже и сам себя нередко
Он в третьем называл лице.*

Исповедь поэта воздействует сильнее любых обличений:

*Так это было: четверть века
Призывом к бою и труду
Звучало имя человека
Со словом Родина в ряду.*

Это было имя божества: он «всем заведовал, как бог»; «постирались эти руки над страной»; «его имя – знамя»; его звали «отцом в стране-семье»...

Твардовский объективен в оценках, как никто:

*Так на земле он жил и правил,
Держа бразды крутой рукой.
И кто при нем его не славил,
Не возносил –
Найдись такой!*

Вождь правил страной, и его воле доверяли «никак не меньше, чем себе». Видели, знали – но...

*...и у самого предела
Тоски, не высказанной вслух,
Сама с собой – и то не смела
Душа ступить за некий круг.*

И, наконец, смерть вождя: «Мы все как будто постарели – Нет, повзрослели – в этот час».

Но далее народ стал оживать и жить самостоятельно:

*Страну от края и до края,
Судьбу свою, судьбу детей
Не божеству уже вверяя,
А только собственной своей
Хозяйской мудрости.*

Народ стал добрее, мягче. И пошли за годом год, за вехой веха... За далью – даль.

Сталин так и не назван ни разу по имени. Зато в конце главы еще раз именуется Ленин. Мы не даем комментариев отрывку – пусть каждый его прочтет, но все же представляется, что все не так просто с позитивной или негативной оценкой вождей. Не всегда все однозначно – есть полутона:

*И высших нет для нас велений –
Одно начертано огнем:
В большом и малом быть, как Ленин,
Свой ясный разум видеть в нем.*

Далее мы рассматриваем роль имен собственных в самой трагической поэме автора – «По праву памяти» (1963-1969), которую он намеревался опубликовать на страницах своего любимого детища «Нового мира», закрытого в 1969 году. Память – одно из ключевых слов А.Т. Твардовского. В последнем своем произведении поэт отдает дань прошлому, производит окончательный расчет со сталинизмом, с покаянным, очистительным чувством воссоздает истинный облик отца, как бы возвращает сыновий долг «по праву памяти живой».

Поэма состоит из трех глав и небольшого вступления публицистического характера. Ключевой является вторая глава – «Сын за отца не отвечает». Автор вспоминает о жестоких страницах своей судьбы сына раскулаченного и сосланного крестьянина, рисует образ отца, показывая его истинный облик хозяина, труженика, его рабочие руки, сетуя на несправедливость его доли. Параллельно А.Т. Твардовский обращается к образу Сталина, которому беззаветно верил в молодые годы. Название главы – прецедентный текст, известное высказывание вождя, которое многим сначала казались верхом великодушия. На самом же деле этот тезис освобождал близких от нравственных обязательств друг перед другом, поощрял разрыв семейных и родственных связей, поощрял предательство.

В главе ключевым антропонимом является, конечно же, имя *Сталин*, но используется оно всего лишь однажды. Чаще всего встречаем именованья «ОН», «отец народов», «отец родной», «вождь»:

*Тот, кто для всех нас был одним
Судеб вершителем земным,
Кого народы величали
На торжествах отцом родным...*

Сталин противопоставлен всем – даже Ленину и Калинин:

*Не Ленин, даже не Калинин
Был адресат всея Руси...*

Только Сталин решает все.

Третья глава – «О памяти» – содержит всего три имени собственных. Два ключевых антропонима – *Ленин* и *Сталин* – и название литературного объединения *Главлит*.

Именно в этой главе подводятся своеобразные лирико-публицистические итоги размышлений о роли и месте Сталина в советской истории. Своим пафосом глава близка к главе «Так это было» из поэмы «За далью – даль». Именно поэтому центральным является единственное как бы обобщающее именование вождя – *Сталин*, употребленное после всех публицистических, очень личностных рассуждений о сталинизме и его последствиях:

*А вы, что ныне норовите
Вернуть былую благодать,
Так вы уж Сталина зовите –
Он богом был –
Он может встать*

Так Твардовский отвечает на все отчетливее обозначавшееся в брежневскую эпоху стремление затенить, свернуть сталинскую тему.

Второй ключевой антропоним – *Ленин* – дважды употреблен в главе. Отношение к Ленину у поэта не претерпевает изменений – он пытается отделить его от Сталина. Об этом прямо свидетельствуют следующие строки:

*Всегда, казалось, рядом был
Свою земную сдавший смену,
Тот, кто оваций не любил,
По крайней мере знал им цену.*

...

*Чей образ вечным и живым
Мир уберег за гранью брэнной,
Кого учителем своим
Именовал о т е ц (разрядка Твардовского) смиренно...*

...

*И, грубо сдвоив имена,
Мы как одно их возглашали
И заносили на скрижали,
Как будто суть была одна...*

Здесь поэт употребляет свой характерный прием: сначала дается образное описание вождя через штампы советизма, потом вводится антропоним:

*Вот если б Ленин встал из гроба,
На все, что стало, поглядел...*

...

*И Ленин нас судить не встанет:
Он не был богом и живым*

Ленин не несет ответственности за то, что сделал Сталин. Это разные имена.

Итак, рассмотрев ономастический уровень изображения образов вождей – Сталина и Ленина – в поэмах А.Т. Твардовского, мы пришли к следующим выводам.

1. Имена собственные – исторические антропонимы – обладают объемным информативным полем, которое содержит историко-культурологическую информацию, как групповую, так и индивидуально-авторскую, реализующуюся в художественном тексте.

2. Это имена-символы – знаки эпохи, которые зачастую являются ключевыми в произведениях.

3. Реализовывать лексический фон ИС, которые являются средствами авторской оценки, помогает контекстуальное окружение онима.

4. Исторические антропонимы *Сталин* и *Ленин* в текстах поэм А.Т. Твардовского, несомненно, значимы в создании образов вождей и передают авторскую оценку. Эта оценка разная в 30-е гг. и в 60-е гг. XX в., так как отражает изменившиеся взгляды поэта.

5. В 1930-е гг. А.Т. Твардовский оценивает Сталина и Ленина в соответствии с групповой оценкой этих образов, что отражает реалии эпохи. В 60-е гг. оценка образа Сталина полностью пересмотрена. Так, в поэме «По праву памяти» именованья Сталина прямо и в контексте указывают на то, что А.Т. Твардовский полностью переосмыслил роль Сталина в советской истории. Поэт использовал своеобразный текстовый языковой прием: сначала идут оценочные описания личности вождя через штампы-советизмы, а потом как обобщение употребляется имя собственное, чем и объясняется невысокая частотность ключевого самого онима. Образ Ленина практически неизменен: поэт не разуверился в ленинских идеалах; возможно, поэтому сам исторический антропоним Ленин более частотен. Авторская оценка вождя соответствует его групповой оценке.

6. Характер и объем фоновых знаний, содержащихся в информативном поле исторических антропонимов *Сталин* и *Ленин*, таким образом, с одной стороны, соответствует восприятию имен вождей в реальное время написания поэм российским сообществом той эпохи, с другой стороны – дается индивидуально-авторская оценка исторической и культурологической составляющей этих онимов.

Библиографический список

1. Акаткин В.М. А.Т. Твардовский. Страницы творчества. Работы разных лет. Воронеж: ВГУ, 2008. 368с.

2. Ковалев Г.Ф. Ономастика поэм А.Т. Твардовского. Воронеж: НАУКА – ЮНИПРЕСС, 2018. 124 с.

3. Королева И.А. Имя Василий в контексте антропонимикона поэзии А.Т. Твардовского // Литературное наследие А.Т. Твардовского в смене поколений: сб. научных статей. Смоленск: Свиток, 2015. С. 133 – 136.

4. Королева И.А. Загорье в контексте поэзии А.Т. Твардовского // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. № 5. Смоленск: СмолГУ, 2017. С. 45 – 49.

5. Королева И.А. О названии поэмы А.Т. Твардовского «Страна Муравия» // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. № 6. Смоленск: СмолГУ, 2018. С. 38 – 42.

6. Королева И.А. Ономастика поэмы А.Т. Твардовского «Василий Теркин» // Твардовские чтения. Книга 12. Смоленск: Маджента, 2018. С. 145 – 152.

7. Македонов А.В. Очерки советской поэзии. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1960. 244 с.

8. Курс К.Ю. «Вожди революции» в творчестве А.Т. Твардовского и М.В. Исаковского // Литературное наследие А. Т. Твардовского в смене поколений. Сб. научных статей. Смоленск: Свиток, 2015. С. 168 – 174.

9. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.

10. Бирилло Ж. Национально-фондовая специфика семантики личного имени // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Материалы II Международной научной конференции 7 – 8 апреля 1999 года. В 3-х частях. Ч. 1. Минск: БГУ, 1999. С. 14 – 16.

11. Максимчук Н.А. Ассоциативно-культурный фон как форма существования и способы представления внеязыкового содержания имени собственного // Региональная ономастика: проблемы и

перспективы исследования: Сб. научных статей. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2016. С. 356 – 360.

12. Лагуновский А.М. Образ Сталина в русской литературе XX века // В мире литературы: Сб. научных трудов. Вып. 7. Брест: БГУ им. А.С. Пушкина, 2007. С. 57 – 74.

13. Акаткин В.М. Сталинский сюжет в поэмах и рабочих тетрадях А.Т. Твардовского 30-х годов // А.Т. Твардовский и русская поэма XX века: Материалы международной научной конференции. 9-10 ноября 2008г., Воронеж. Воронеж: ВГУ, 2008. С. 5 – 17.

References

1. Akatkin V.M. A.T. Tvardovsky. Pages of creativity. Works of different years. Voronezh State University, 2008. 368 p.

2. Kovalev G.F. Onomastics of A.T. Tvardovsky's poems. Voronezh, 2018. 124 p.

3. Koroleva I.A. The name Vasily in the context of the anthroponymicon of A.T. Tvardovsky's poetry. // Literary heritage of A.T. Tvardovsky in the change of generations: collection of works, scientific articles. Smolensk, 2015. P. 133 - 136.

4. Koroleva I.A. Zagorie in the context of A.T. Tvardovsky's poetry // Onomastics in Smolensk and Vitebsk: problems and research prospects. Vol. 5. Smolensk State University, 2017. P. 45 - 49.

5. Koroleva I.A. About the title of A.T. Tvardovsky's poem "The Country of Ants" // Onomastics in Smolensk and Vitebsk: problems and research prospects. Vol. 6. Smolensk State University, 2018. P. 38 - 42.

6. Koroleva I.A. Onomastics of the poem "Vasily Terkin" by A.T. Tvardovsky // Tvardovsky readings. Book 12. Smolensk, 2018. P. 145 - 152.

7. Makedonov A.V. Essays on Soviet poetry. Smolensk, 1960. 244 p.

8. Kurs K.Y. "Leaders of the revolution" in the works by A.T. Tvardovsky and M.V. Isakovsky // Literary heritage of A.T. Tvardovsky in the change of generations. Smolensk, 2015. P. 168 - 174.

9. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Language and culture. Linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language. Moscow, 1990. 246 p.

10. Birillo J. Nationally based specificity of the proper name semantic // National and cultural component in the text and language: In 3 parts. Part 1. Minsk: Belarus State University, 1999. P. 14 - 16.

11. Maksimchuk N.A. Associative and cultural background as a form of existence and ways of representing the extra-linguistic content of proper names // Regional onomastics: problems and prospects of research. Vitebsk State University named after P.M. Masherov, 2016. P. 356 - 360.

12. Lagunovsky A.M. The image of Stalin in Russian literature of the twentieth century // In the world of literature. Iss. 7. Brest State University named after A.S. Pushkin, 2007. P. 57 - 74.

13. Akatkin V.M. Stalin's plot in the poems and works by A.T. Tvardovsky in the 1930s // A.T. Tvardovsky and Russian poem of the 20th century. Voronezh State University, 2008. P. 5 - 17.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 81

DOI 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.002

*Воронежский государственный
педагогический университет
доктор филологических наук
профессор кафедры русского языка,
современной русской и зарубежной
литературы
Загоровская О.В.
Россия, г. Воронеж, тел. 8-905-655-71-94
e-mail: olzagor@yandex.ru*

Voronezh State Pedagogical University

*Doctor of Philology
The chair of the Russian Language,
Modern Russian and Foreign Literature*

*Zagorovskaya O.V.
Russia, Voronezh, 8-905-655-71-94
e-mail: olzagor@yandex.ru*

О.В. Загоровская

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В НОВЕЙШИЙ ПЕРИОД ЕГО ИСТОРИИ (РУБЕЖ XX-XXI ВЕКОВ)

Статья посвящена проблемам типологических особенностей новейшего периода истории русского языка, начавшегося во второй половине 80-х годов XX в. и продолжающегося до настоящего времени. Целью исследования является выделение темпоральных составляющих названного периода и определение их существенных характеристик. На основе сопоставительного анализа развития русской лингвокультуры в последние десятилетия XX в. и первые десятилетия XXI в. сделаны выводы о неоднородности новейшего периода развития русского языка и возможности выделения в нем двух этапов: «постсоветского» (с середины 80-х годов XX в. до начала нового тысячелетия) и «собственно новейшего» (первые десятилетия XXI в.). Доказано, что названные этапы различаются и причинами языковых изменений, и их содержательными характеристиками. Если на первом («постсоветском») этапе развитие русской лингвокультуры определялось прежде всего общественными процессами внутри России, то на втором («собственно новейшем») этапе основными причинами языкового развития становятся процессы глобализации, а также виртуализации («цифровизации») общения. При этом «собственно новейший» этап современного периода развития русского языка характеризуется не только известными изменениями в языковой системе (прежде всего – на лексико-семантическом уровне), а также изменениями в общем характере функционирования русского языка, но также и принципиальными изменениями в структуре форм бытования русского языка и возникновением новых модусов его существования, прежде всего – мультимодусной русской цифровой речи. Результаты исследования расширяют представления о развитии русского языка на рубеже XX-XXI вв., динамических процессах в его организации и функционировании. Материалы и выводы работы могут найти применение в научных исследованиях в области русистики, а также в практике преподавания русского языка.

Ключевые слова: новейший период истории русского языка, динамические процессы развития русского языка, русская лингвокультура, модус существования языка, виртуальное общение, мультимодусная русская речь.

О.В. Zagorovskaya

THE STAGES OF RUSSIAN LANGUAGE DEVELOPMENT IN THE NEWEST PERIOD OF ITS HISTORY (AT THE TURN OF XX-XXI CENTURIES)

The article is devoted to the problems of typological features of the latest period of the history of the Russian language which began in the second half of the 1980s and continues up to now. The purpose of the research is to identify the temporal components of the named period and determine their essential characteristics. On the basis of the comparative analysis of the development of Russian linguistic culture in the last decades of the 20th century and the first decades

of the 21st century conclusions are drawn about the heterogeneity of the recent period of the Russian language development and the possibility of distinguishing two stages in it: "post-Soviet" (from the middle of the 1980s to the beginning of the new Millennium) and "actually modern" (the first decades of the 21st century). It is proved that these stages differ both in the causes of language changes and their content characteristics. Whereas at the first ("post-Soviet") stage the development of Russian linguistic culture was determined primarily by social processes within Russia, at the second ("actually modern") stage the main causes of language development are the processes of globalization, as well as the virtualization ("digitalization") of communication. The "newest" stage of the modern period of development of the Russian language is characterized not only by certain changes in the language system (primarily at the lexical and semantic level), as well as changes in the General nature of the functioning of the Russian language, but also by fundamental changes in the structure of the forms of Russian language existence and the emergence of new modes of its existence, primarily multi – modus Russian digital speech. The results of the research expand the understanding of the development of the Russian language on the boundary of the 20th – 21st centuries, the dynamic processes in its organization and functioning. The materials and conclusions of the work can be used in scientific research in the field of Russian studies, as well as in the practice of teaching the Russian language.

Key words: the latest period of the history of the Russian language, dynamic processes in the development of the Russian language, Russian linguistic culture, language mode of existence, virtual communication, multi-modus Russian speech.

В настоящее время достаточно принятой является точка зрения, согласно которой на рубеже XX-XXI веков русский язык переживает новый яркий период своей истории, сменивший так называемый «советский» этап языкового развития и характеризующийся существенными изменениями как на уровне языковой системы, так и на уровне ее функционирования, в том числе изменениями в словарном составе русского языка, некоторых синтаксических структурах, моделях словообразования, функциональных и социальных разновидностях национального русского языка, нормах литературного словоупотребления (орфоэпических, лексических, грамматических, стилистических), а также существенными трансформациями в русской дискурсивной практике, появлением новых форм русского дискурса и т.п. (см. об этом работы Е.А. Земской, Л.П. Крысина, Н.С. Валгиной, О.П. Ермаковой, М.Я. Гловинской, Е.И. Галановой, Е.В. Какориной, Е.В. Сенько, М.Е. Кронгауза, В.Г. Костомарова, О.В. Загорюковой, Г.Н. Скляревской, И.А. Стернина, Н.В. Юдиной, Е.В. Мариновой, Г.А. Заварзиной, Т.Н. Даньковой, О.В. Григоренко и др.).

Названный этап развития русского языка в научной лингвистической литературе именуется по-разному: «постсоветским», «новым», «новейшим» и др. (см. об этом: [1; с.23]) и его изучение обычно осуществляется по двум традиционным направлениям: с точки зрения анализа того или иного уровня русской языковой системы (чаще всего лексического или грамматического) или с точки зрения реализации языковой системы в современном дискурсе и тех или иных его жанровых разновидностях. При этом достаточно утвердившимся является мнение о том, что основными причинами языковых изменений в русском языке новейшего периода (рубежа XX-XXI вв.) выступают трансформации в российском обществе: экономические, социально-политические, идеологические, наряду с которыми следует также говорить и о влиянии на развитие русского языка других языков и процессов глобализации в целом, а также и о влиянии технического развития современного мира и изменений в характере и способах коммуникации. Ср., например, следующие высказывания: «Специфика нынешнего состояния русского языка в России (речь идет о состоянии русского языка на рубеже XX-XXI веков – О.З) в том, что подавляющее большинство изменений в языке связано с изменениями в обществе – точнее, основные изменения в языке и общении являются прямыми следствиями общественных изменений» [2, с. 3]; «Определяющее влияние на судьбы русского языка на рубеже XX-XXI вв. оказали внешние факторы и прежде всего – российское общество» [1, с. 26]; ср. также: [3; 4]. Сам же названный период в большинстве научных лингвистических исследований рассматривается как единое целое и в общей истории русского языка встраивается в такой ряд знаковых этапов его развития, как, например, Петровская эпоха, ломоносовский, карамзинский, пушкинский периоды, постреволюционный и «советский» этапы развития русского языка. Именно применительно ко всему периоду последних полутора десятилетий XX века – первых двух десятилетий XXI века обычно говорится об ускорении языковой эволюции, массовости пополнения словарного состава русского языка иноязычными заимствованиями

(интенсификации процессов заимствования), сокращении внутренних функций русского языка, размывании понятия «русский литературный язык» и т.п. (ср.: [1; 2; 3; 4]).

Вместе с тем, как показывают новейшие исследования и научный анализ развития русской лингвокультуры в последние два десятилетия (см., например: [5]), изложенная выше точка зрения о целостности современного периода развития русского языка (которой придерживался ранее и автор данной работы) должна быть серьезно скорректирована.

В настоящее время совершенно очевидно, что «новый» период развития русского языка, начавшийся с середины 80-х годов XX века (со времени так называемой перестройки в российском обществе) и продолжающийся до настоящего времени, не является однородным. В составе названного периода следует разграничивать по меньшей мере два составляющих его «подпериода» (этапа) исторического развития: 1) с конца 80-х годов XX века до рубежа веков (возможно, до первых нескольких лет XXI века); 2) с самого начала XXI века (примерно с 2000–2002 годов) по настоящее время. Первый из названных этапов соответствует развитию русского языка в перестроечное (с 1985 по 1991 гг.) и постперестроечное время (с 1991 г. до начала нового тысячелетия) (ср. в этой связи точку зрения И.Т. Вепревой о выделении двух социолингвистических периодов в социальном контексте новейшей истории русского языка: «перестроечного» и «постперестроечного» [6, с. 19], второй – развитию русского языка в постиндустриальном и цифровом обществе первых десятилетий XXI века.

Выделенные этапы развития русского языка, которые условно могут быть названы «постсоветским» и «собственно новейшим», различаются и причинами языковых изменений и их содержательными характеристиками.

Основными причинами существенных изменений в русском языке в постсоветский период его истории были прежде всего общественные процессы внутри России: изменения в экономической и социально-политической системах, отказ от советской идеологии, ориентация на демократические изменения в обществе и т.п., отразившиеся в его «языковом существовании» и получившие также отражение «в обыденном метаязыковом сознании» [Там же]. Ср. также основные идеи академического издания «Русский язык конца XX столетия [7] и близкое к указанным идеям высказывание Н.С. Валгиной: «Возросшие темпы языковой динамики 1990-х годов объясняются прежде всего меняющимся составом и обликом российского общества, сменой социальных, политических, экономических, а также психологических установок. <...> ...игнорировать эти процессы нельзя (речь идет о процессах обновления русского языка, в том числе о разрушении традиционной нормативности русского литературного языка – О.З.), в них заложены объективные потребности нового общества, нового поколения – более раскованного, более технически образованного, более контактирующего с носителями других языков» [4; с. 8].

Основными же причинами языковых изменений в русском языке начала XXI века (т.е. в собственно новейший период его истории) стали процессы мировой глобализации, развития электронной коммуникации и «виртуализации» (цифровизации) общества. Ср. мнение А.В. Кириловой и Е.С. Гриценко о том, что осознание глобализационных процессов (в широком понимании данного термина) и носителями русского языка, и его исследователями вначале было «замедлено существованием советского общественного строя», а затем – примерно с 1985 г. – «бурные события внутри страны и связанные с ними языковые изменения заслонили процессы внешние, которые в России активизировались и стали заметными несколько позже – в начале первого десятилетия XXI века» [8, с. 57]. По мнению названных авторов, которое представляется весьма справедливым, в настоящее время ясно, что в истории русского языка «примерно с 2000–2002 гг. начался новый этап, более связанный с глобализацией и «перекраиванием» всей российской жизни по новым «лекалам» [Там же].

Различия в причинах языковых изменений, характерные для двух названных этапов развития русского языка в последние десятилетия XX века – первые десятилетия XXI века, определили существенные расхождения и в содержании динамических трансформаций русской лингвокультуры на указанных этапах, в том числе применительно и к системе русского языка, и к формам его существования, и к процессам функционирования.

На первом – «постсоветском» – этапе новейшего периода развития русского языка (в последние полтора десятилетия XX века) под влиянием изменений в российском обществе на уровне системы русского языка, помимо общих процессов расширения лексического состава языка за счет новых иноязычных заимствований и собственных новообразований (ср., например неологизмы *имидж, маркетинг, дайджест, киллер, шоу, компьютер, постсоветский, посткоммунистический, разгосударствление, силовые структуры, ЯБЛОКО, словик* и др.), особенно существенными были процессы перераспределения словесных знаков между активным и пассивным запасами русской лексики, происходившие по двум направлениям: 1) дезактуализация и устаревание так называемых «советизмов» (*СССР, КПСС, доска почета, соцсоревнование, пятилетка, герой труда* и др.); 2) актуализация и возрождение лексических единиц, ранее относившихся к разряду устаревших (*губернатор, губернантка, Дума, биржа* и т.п.) или малоупотребительных по политическим, идеологическим или морально-этическим соображениям (*храм, крещение, венчание; милосердие, добродетель, покаяние; мафия, наркотики; секс, проститутка* и др.) (подробнее о названных процессах см.: [1]). Массовый характер на указанном этапе развития русского языка имели также процессы изменения семантики русских словесных знаков за счет снятия в их значениях так называемых «идеологических наслоений» и переориентации номинаций с «буржуазных» («капиталистических») реалий на предметы и явления российской действительности, что часто сопровождалось изменениями в социальной и эмоциональной оценочности слов (ср. изменения в семантике слов *буржуазный, капиталистический, советский, атеист, верующий, бизнес, банкир, инфляция, многопартийность* и т.п.) (подробнее см.: [1, с.16-19,44-45]; см. также работы Г.Н. Склярёвской, О.В. Миловановой, Г.А. Заварзиной и др.).

Изменения в формах существования русского языка на исходе XX века происходили прежде всего за счет расширения состава его функциональных разновидностей и появления новых функциональных стилей (прежде всего стиля бизнеса и коммерции, рекламы, религиозно-проповеднического и нек. др.), а также новых социальных диалектов (ср., например, жаргон предпринимателей, начавший формироваться компьютерный жаргон и др.) и трансформации русского просторечия (см. об этом: [9; 10]).

В области функционирования русского языка и русского дискурса в последние полтора десятилетия XX века наиболее яркими были процессы так называемой «демократизации» речи, ее стилистического снижения и размывания стилистических норм, повышение значимости устной речи, а также сближения устного и письменного дискурсов (см. работы В.Г. Костомарова, Л.П. Крысина, И.А. Стернина, Е.И. Галановой, Е.В. Какориной, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой и др.).

На втором – «собственно новейшем» – этапе современного периода истории русского языка (в первые десятилетия XXI века), когда основными причинами языкового развития становятся процессы глобализации, развития электронной коммуникации и «виртуализации» общества, характер и соотношение динамических процессов в русском языке существенно меняется.

На уровне языковой системы наиболее существенным становится иноязычное влияние, которое проявляется и в лексике, и в грамматике русского языка. Под влиянием растущей глобализации и расширения международных и языковых контактов усиливаются и ускоряются процессы вхождения в русскую лингвокультуру заимствованной лексики разных типов, включая кальки [11], а также процессы собственного словообразования с использованием иноязычных элементов, что приводит к появлению в русском языке не только тысяч лексических неологизмов-заимствований, но и тысяч морфологических неологизмов, образованных от иноязычных основ. При этом широкое распространение приобретают иноязычные заимствования, передаваемые латиницей (*e-mail, SPA, VIP, sale, Facebook, TV, IT* и т.п.), а также смешанной графикой, в том числе «слова-кентавры» (*IT-специалист, арт-клуб, Internet-адрес, beauty бизнес, web-сайт* и т.п.), ставшие одной из примет развития русского языка начала XXI века [12]. Под влиянием процессов развития электронной коммуникации и «виртуализации» общения русский язык пополняется новыми языковыми знаками, рождающими-

ся в электронных текстах (смайлы, хэштеги и т.п.), а также новыми графическими знаками разделения текстов (ср., например: (@, / и др.) [5; 13].

В области процессов перераспределения лексики между активным и пассивными запасами преобладающим в первые десятилетия XXI века становится процесс перехода словесных знаков из разряда специальных (прежде всего – терминологических, предполагающих не только четкое соотнесение с определенным научным понятием, но и принадлежность к определенному терминологическому полю и использование в определенном виде научного дискурса [14]) в разряд общеупотребительных. Наблюдающиеся при этом массовые явления детерминализации специальных номинаций касаются уже не только отдельных финансово-экономических, правовых, социально-политических, компьютерных, культурологических, туристических, психологических, медицинских, спортивных и т.д. терминов (что было характерно и для предшествующего этапа языкового развития), но и целых групп специальных номинаций различных терминологических сфер (ср., например: *депозитный вклад, лизинг, стартап; адаптер, интерфейс, тестовый редактор; лифтинг, телемедицина, пандемия, вакцина, ЭКО* и др.).

На уровне трансформаций в семантике словесных знаков наибольшую частотность в новом столетии, как представляется, приобретают не процессы модификации имеющихся составляющих плана содержания словесного знака (например, реструктуризация смысловой структуры слова, модификация отдельных значений словесного знака [4, с. 33-34]), а процессы семантической деривации, ведущие к появлению семантических неологизмов, которые могут возникать на основе метафоризации исходного значения, его сужения или расширения и т.п. (см., напр.: [15]).

Принципиальные изменения в начале XXI века происходят в структуре форм бытования национального русского языка – формируются и укрепляются новые модусы его существования, прежде всего – мультимодусная русская цифровая речь (дополняющая известную дихотомию «русская устная речь – русская письменная речь») и непрофессиональная электронная («клавиатурная») письменная речь, функционирующая в неофициальных сферах цифрового общения и именуемая в научной лингвистической литературе также «живой письменной речью», «разговорной письменной речью» и т.п. (см. об этом: [16; 5]).

На уровне функционирования основным направлением развития русского языка в начале XXI века является, безусловно, формирование виртуального дискурса и русского медиалекта, включающего в себя разные виды и жанры массовой коммуникации на русском языке [17; 18]. В области виртуального общения в русском дискурсе формируются принципиально новые жанры речи: блоги, форумы, чаты, смс-сообщения и др., происходит становление новых языковых норм [19; 20; 21; 22].

Изложенное выше, на наш взгляд, достаточно убедительно свидетельствует о существенных отличиях развития русского языка начала XXI века от предшествующего (постсоветского) этапа его истории. Очевидно, что процессы динамических изменений в русском языке названного периода, определяемые прежде всего глобализационными факторами в их широком понимании с учетом интенсификации языковых контактов, развития мировых технологий и «виртуализации» общества требуют специальных исследований, основанных не только на изучении обширного фактического материала, но и на использовании новых технологий научного анализа и корректировки его методологии. Думается, что современные процессы развития русского языка должны изучаться: а) с учетом достижений постнеклассической эпистемы научного знания, предполагающей обязательную междисциплинарность исследований и широкий охват языкового материала; б) с учетом признания не только факта ускорения динамических процессов развития русской лингвокультуры, но и факта так называемой «динамической синхронии» в ее современном существовании [8, с. 56]; в) с обязательным использованием новых методов научного лингвистического анализа, прежде всего – методов корпусной лингвистики и новейших методов многомерного анализа и визуализации данных. Представляется также, что одной из наиболее оптимальных форм организации подобных исследований является создание специальных научных центров и лабораторий (ср., например: [23]).

Библиографический список

1. Загоровская О.В. Русский язык на рубеже XX-XXI веков: Исследования по социолингвистике и лингвокультурологии. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2013. 232 с.
2. Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX- начала XXI века. Воронеж, 2004. 93 с.
3. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX- XXI веков/Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова РАН. – М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с.
4. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2001. 304 с.
5. Загоровская О.В. Новые реалии русской лингвокультуры в аспекте изучения русского языка и проблем его преподавания // Русистика: вчера, сегодня, завтра: XXXVIII Распоповские чтения. Материалы Международной конференции, посвящённой 60-летию со дня основания кафедры русского языка филологического факультета ВГУ, 95-летию со дня рождения проф. И.П. Распопова, 85-летию со дня рождения проф. А.М. Ломова (Воронеж, 27–29 марта 2020 г.): Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. С.70-76.
6. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.
7. Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М.: Языки русской культуры, 1996. 480 с.
8. Кирилина А., Гриценко Е. Основные модели описания языковых изменений в условиях глобализации // Власть. 2011. №5. С.56-59.
9. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
10. Загоровская О.В. Типологические разновидности национального русского языка и формы его существования в начале XXI века// Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. №3 (268). С.96-101.
11. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в. проблемы освоения и функционирования. М.: ЭЛПИС, 2008. 495 с.
12. Середина Т.Н.. Графические гибриды в составе формальных вариантов новых иноязычных слов современного русского языка// Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2020. №2 (287). С. 159-162.
13. Дегтярева К.В., Загоровская О.В. Новые тенденции в развитии системы знаков препинания в русском электронном дискурсе // Проблемы гуманитарных наук и образования в современной России: материалы Всероссийского научно-практического форума / под ред. М.В. Шакуровой. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2020. С.67-71.
14. Данькова Т.Н., Загоровская О.В. Проблемы современной терминологии. Воронеж : ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2018. 219 с.
15. Калаева В.С. О способах образования семантических инноваций в русском языке новейшего периода // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе / под ред. О.В.Загоровской. Выпуск 29. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2019. С. 32-35.
16. Загоровская О.В. Естественная (непрофессиональная) письменная речь как модус существования современного русского языка и «зеркало» идиолекта его носителя // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2019. №2 (283). С. 202-206.
17. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: Коллективная монография / Науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М.: Изд-во Наука, Изд-во Флинта, 2012. 323 с.
18. Полонский А.В. Медиалект: язык в формате медиа // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т.37. №2. С.230-240.
19. Клушина Н.И. Трансформация медийных жанров в коммуникативном пространстве Интернета // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. №3. С. 121-129.
20. Колокольцева Т. Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // Жанры речи. 2016. № 2. С. 96-104.
21. Загоровская О.В. Языковая норма в современной русской визуально-письменной речи, функционирующей в интернет-коммуникации: к постановке проблемы // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. №4 (277). С. 168-172.
22. Загоровская О.В., Литвинова Т.А. Корпус текстов Ruspersonality как основа исследований «реальной» языковой нормы в современной русской письменной речи // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе / под ред. О.В.Загоровской. Выпуск 28. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2018. С. 51-57.

23. Загоровская О.В. Научные исследования Регионального центра русского языка Воронежского государственного педагогического университета: направления работы и основные результаты (к 15-летию юбилею Центра) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2020. №3(288). С.134-141.

Reference

1. Zagorovskaya O.V. Russian on the boundary of the 20th -21st centuries: research in social linguistics and linguoculturology. Voronezh, 2013. 232 p.
2. Sternin I.A. Social processes and development of the modern Russian language. Essay on changes in the Russian language of the late 20th - early 21st century. Voronezh, 2004. 93 p.
3. Modern Russian: active processes on the boundary of the 20th -21st centuries. Moscow, 2008. 712 p.
4. Valgina N.S. Active processes in modern Russian: a textbook for university students. Moscow, 2001. 304 p.
5. Zagorovskaya O.V. New realities of Russian linguistic culture in the aspect of studying the Russian language and problems of its teaching // Russian studies: yesterday, today, tomorrow: XXXVIII Raspopov Readings. Voronezh, 2020. P. 70-76.
6. Vepreva I.T. Language reflection in the post-Soviet era. Moscow, 2005. 384 p.
7. Russian language of the late 20th century (1985-1995). Moscow, 1996. 480 p.
8. Kirilina A., Gritsenko E. Basic models for describing language changes in the context of globalization // Power. 2011. Vol. 5. P. 56-59.
9. Krysin L.P. Russian word, own and others': Research on the modern Russian language and socio-linguistics. Moscow: Languages of Slavic culture, 2004, 888 p.
10. Zagorovskaya O.V. Typological varieties of the national Russian language and forms of its existence at the beginning of the 21st century // The Bulletin of Voronezh State Pedagogical University. 2015. Vol. 3 (268). P. 96-101.
11. Marinova E.V. Foreign words in Russian speech of the late 20th – early 21st century: the problems of development and functioning. Moscow, 2008. 495 p.
12. Seredina T.N. Graphic hybrids in the formal variants of new foreign words of the modern Russian language // The Bulletin of Voronezh State Pedagogical University. 2020. Vol. 2 (287). P. 159-162.
13. Degtyareva K.V., Zagorovskaya O.V. New trends in the development of punctuation marks in Russian electronic discourse // The issues of humanities and education in modern Russia: materials of the all-Russian scientific and practical forum / ed. by M. V. Shakurova. Voronezh: Voronezh state pedagogical University, 2020. P. 67-71.
14. Dankova T.N., Zagorovskaya O.V. The problems of modern terminology. Voronezh, 2018. 219 p.
15. Kalaeva V.S. On ways of formation of semantic innovations in the Russian language of the recent period // Modern issues of linguistics and methods of teaching Russian language in University and school / ed. by O.V. Zagorovskaya. Iss. 29. Voronezh, 2019. P. 32-35.
16. Zagorovskaya O.V. Natural (non-professional) written speech as a mode of existence of the modern Russian language and a "mirror" of its native speaker's idiolect // The Bulletin of Voronezh State Pedagogical University. 2019. Vol. 2 (283). P. 202-206.
17. Internet communication as a new speech formation: a collective monograph / Ed. by T.N. Kolokoltseva, O.V. Lutovinova. Moscow, 2012. 323 p.
18. Polonsky A.B. Medialekt: language in the media format // Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities. 2018. Vol. 37. Iss. 2. P. 230-240.
19. Klushina N.I., Ivanova M.V. Transformation of media genres in the communicative space of the Internet // The Bulletin of the RFBR. Humanities and social sciences. 2017. Vol. 3. P. 121-129.
20. Kolokoltseva T.N. Dialogicality in the genres of Internet communication (chat, forum, blog) // Genres of speech. 2016. Vol. 2. P. 96-104.
21. Zagorovskaya O.V. Language norm in contemporary Russian visual-and-written language functioning in the Internet communication: statement of the problem // The Bulletin of Voronezh State Pedagogical University. 2017. Vol. 4 (277). P. 168-172.
22. Zagorovskaya O.V., Litvinova T.A. The corpus of texts Ruspersonality as the basis for research of "real" language norm in modern Russian written speech // Modern problems of linguistics and methods of teaching Russian language in University and school / ed. by O.V. Zagorovskaya. Iss. 28. Voronezh, 2018. P. 51-57.
23. Zagorovskaya O.V. Research of the regional center of the Russian language of Voronezh State pedagogical University: directions of work and main results (for the 15th anniversary of the Center)// The Bulletin of Voronezh State Pedagogical University. 2020. Vol. 3(288). P. 134-141.

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.003

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
кафедра русского языка, культуры речи
и методики их преподавания,
кандидат филологических наук,
доцент
Долгова Е.Ю.
Россия, г. Самара, тел. +79277254025
e-mail: leo6371@yandex.ru*

*Samara State University of Social Sciences
and Education, Department of the Russian
Language, Speech Culture and Methods of
Their Teaching,
Candidate of Philology,
Associate Professor
Dolgova E.Yu.
Russia, Samara, tel.+79277254025
e-mail: leo6371@yandex.ru*

Е.Ю. Долгова

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПОРТРЕТИРОВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ «ПОГРЯЗНУТЬ» (X – XVII ВВ.)

Статья посвящена описанию глагола «погрязнуть» по лексикографическим источникам, фиксирующим словарный состав русского языка X – XVII вв. В работе используется метод лингвистического портретирования, позволяющий объединить данные этимологических и исторических словарей и увидеть динамику развития семантического, словообразовательного, сочетаемостного и стилистического потенциала языковой единицы в диахронии. В статье подробно изложены материалы этимологических и исторических словарей русского языка, приведены и описаны многочисленные варианты употребления имперфектива *грязнуть* и перфектива *погрязнуть*, зафиксированные в словарях, содержащих лексику древнерусского и старорусского периодов: **гразъти, гразѣти, гразити, гразноүти, погрязати – погразти, погразити, погразноүти**. Установлено, что в древнерусском языке глагол **гразноүти (гразнѣти)** имел прямое номинативное значение «погружаться, тонуть» и редко употреблялся в памятниках письменности. Многозначным и наиболее частотным был положительный, результативный член глагольной видовой пары перфектив *погрязнуть (погразноүти)*. В статье приведены все лексико-семантические варианты глагола и примеры словоупотреблений, зафиксированные в словарях, отражающих лексику X – XVII веков. В статье приведены синонимы и многочисленные дериваты глагола *погрязнуть*, в том числе рассмотрена семантика абстрактных существительных, образованных от глагола *погрязнуть (погрязение, погрязнение, погрязновение)* и отражающих влияние церковнославянского языка на книжно-письменный литературный язык древнерусского и старорусского периодов. Лексикографический портрет лексемы *погрязнуть* проявляет неоднозначность в трактовке некоторых значений в разные исторические периоды. Проведенный анализ позволяет сравнить значения лексемы, увидеть их отличительные особенности и сделать вывод о существовании самостоятельных стереотипных образов, существующих в сознании носителей языка в X – XVII веках.

Ключевые слова: лексикографический портрет, интегральное описание слова, глагол *погрязнуть*.

E.Yu. Dolgova

LEXICOGRAPHICAL PORTRAIT OF THE LEXEME «POGRYAZNUT'» (X – XVII CENTURIES)

The article is devoted to the description of the verb "to wallow" from lexicographic sources that fix the vocabulary of the Russian language of the X – XVII centuries. The method of linguistic portraiture is used to combine data from etymological and historical dictionaries and see the dynamics of the development of the semantic, word-formation and stylistic potential of the language unit in the diachrony. The article details the materials of etymological and historical dictionaries of the Russian language, presents and describes numerous variants of the use of an imperfective "gryaznut'" and a perfective "pogryaznut'", recorded in dictionaries containing the vocabulary of the Russian language of the X – XVII centuries. It has been established that in the ancient Russian language, the imperfective "gryaznut'" had a direct nominative meaning of "dive, sink" and was rarely used in monuments of writing. The multi-valued and most frequency used was the positive, effec-

tive perfective “*погрязнут*”. The article presents all lexical and semantic variants of the verb and examples of word usage recorded in dictionaries that reflect the vocabulary of the X – XVII centuries. The article presents synonyms and numerous derivatives of the verb, including the semantics of abstract nouns formed from the verb “*погрязнут*” and reflecting the influence of the Church Slavonic language on the book-written literary language of the old Russian period. The lexicographic portrait of the lexeme “*погрязнут*” shows ambiguity in the interpretation of certain meanings in different historical periods. The analysis allows us to compare the meanings of the lexeme, see their distinctive features and conclude that there are independent stereotypical images that exist in the minds of native speakers in the X – XVII centuries.

Key words: lexicographic portrait, integral description of the words, the verb “*погрязнут*”.

Проблема семантического динамизма, смысловой продуктивности и жизнеспособности слова поднималась в лингвистической науке неоднократно. О трудностях, с которыми сталкивается исследователь при определении значения слова, истолковании его употребления в различные эпохи и необходимости систематизировать и свести основные семантические процессы в истории словаря к некоторым общим категориям и закономерностям писал В.В. Виноградов: «Несомненно, что только при полном воспроизведении исторически сменяющихся или изменяющихся систем языка может быть воссоздана вся картина изменений значений и оттенков слова. <...> Слово раскрывается как отдельный исторический факт, который как бы самостоятельно развивает заложенные в нем потенции семантических изменений» [1; с. 8].

Стремление систематизировать полную информацию о слове, представленную в различных лексикографических изданиях, обусловило появление одного из основных методов современной системной лексикографии – лексикографического портретирования. Этот метод основан, по словам Ю.Д. Апресяна, на учетывании закономерных изменений лексических значений и значений грамматических форм, характера прагматики и сочетаемости номинации в разных значениях, а также его системных связей, проявляющихся в синонимии, антонимии, рядах дериватов и т.д. [2; с. 6].

Принципы интегрального описания лексемы были предложены Ю.Д. Апресяном в работе «Интегральное описание языка и системная лексикография» [3; с. 5 – 8] и затем рассмотрены в многочисленных исследованиях на эту тему (см. работы К.Е. Бекетовой, Т.А. Воробьевой, В.О. Белякова, Е.Ф. Серебренниковой, С.Н. Глазковой, И.И. Заваруевой, О.Д. Паршиной, Е.И. Порядиной, Н.В. Черниковой, Е.В. Устьянцевой, А.В. Федоровой, И.В. Шерстяных и др.).

Целью настоящего исследования является лексикографическое портретирование лексемы *погрязнуть*, понимаемое как характеристика общего объема лексических значений, сочетаемостных, фразеологических и стилистических качеств лексемы. Лексикографической базой исследования послужили этимологические и исторические словари русского языка, фиксирующие лексику X – XVII вв.

В современном русском языке лексема *погрязнуть* относится к группе глаголов с семантикой погружения, или к так называемым «глаголам вертикального движения вниз в некоторой среде» наряду с глаголами *увязать / увязнуть, тонуть / утопать / утонуть, погружаться / погрузиться, проваливаться / провалиться, ухнуть, уходить / уйти* [4; с. 574 – 580].

С учетом акциональной классификации предикатов глагол *погрязнуть* предстает как динамический (обозначающий изменения во времени) предикат, концептуализирующийся в языке как процесс (классификация верхнего уровня) [5; с. 57 – 74]. По словам Ю.Д. Апресяна, «лексемы, относящиеся к разным классам предикатов, обнаруживают глубокие различия в синтаксических, сочетаемостных и коммуникативно-просодических свойствах, в словообразовательных типах и в структуре многозначности» [6; с. 14].

В.А. Плулунгян отмечает: «Все процессы описывают некоторое постоянное изменение <...>; в каждый данный момент времени процесс, вообще говоря, описывает некоторое положение дел, не тождественное ни предыдущему, ни последующему моменту» [5; с. 62].

Исследуемый предикат *грязнуть/погрязнуть* описывает направленные изменения, имеющие определенную последовательность и завершение, реализуя, таким образом, свой внутренний предел. Среди таких параметров, релевантных для семантического описания предиката *погрязнуть*, как контролируемость погружения, скорость и субъект, особо следует выделить параметр «среда»

(ср. *погрязнуть в чем-л.*) Именно среда является основным источником переосмысления значений: метафоризации, постороенной на идее погружения в негативное состояние, идею избыточности и исчезновения [4; с. 574].

Глагол *погрязнуть* имеет прозрачную словообразовательную структуру: это префиксальный дериват от имперфектива *грязнуть* [7; с. 262] общеславянского происхождения (инхоатив на *-noti* **gręznoti* «увязать, утопать, погружаться» [8; с. 125] от корня **gręz-* [9; с. 175]; ст.-слав. **ГРЯЗНѢТИ**). Как отмечает А.Е. Аникин, автор «Этимологического словаря русского языка», «гласный *ę*, скорее всего, отражает нулевую ступень корня **grem-* "погружаться, тонуть"» [9; с. 175]. Этимологические словари приводят соответствия в балтийских языках: лит. *grimžti, grimstù* «вязнуть», лтш. *grīmt (grīmt) grimstu* «погружаться, вязнуть» [9; с. 175], [10; с. 467], [11; с. 163]; «погружаться», «тонуть», «идти ко дну» [12; с. 225]. Авторы «Этимологического словаря славянских языков» отмечают вторичность «оформления и расширения некоего первоначального **grīm-* в слав. **gręz-* и балт. *grim-st/zd/d-*» [8; с. 125–126]. А.Е. Аникин считает, что параллели за пределами балто-славянского ареала недостоверны и дает ссылки на источники, в которых «детали отношений с балт. (прасл. **gręz-* – лит. *grimzd-*) объясняются по-разному» [9; с. 176].

Лексикографические источники, фиксирующие лексику древнерусского и старорусского периодов, приводят многочисленные варианты употребления имперфектива *грязнуть* и перфектива *погрязнуть*: **ГРЯЗѢТИ, ГРЯЗѢТИ, ГРЯЗИТИ, ГРЯЗНОУТИ, ПОГРЯЗАТИ – ПОГРЯЗТИ, ПОГРЯЗИТИ, ПОГРЯЗНОУТИ.**

В древнерусский период инхоатив **ГРЯЗНОУТИ** редко употреблялся в памятниках письменности. В картотеке «Словаря древнерусского языка XI – XIV вв.», созданной по принципу сплошной расписки текстов и насчитывающей 2 000 000 цитат из 784 источников XI–XIV вв., эта форма представлена единичным случаем употребления: **ГРЯЗНОУТИ (1*)**. Напр.: ... *и рѣша Болгары. то ли не буди мира межн нами. или же камень начнет плавати. а хмель грязнути* [13; т.2, с. 401].

Этот контекст употребления глагола *грязнуть* в том или ином виде встречаем затем и в других словарях. Ср.: *Или камень начнет плавати, а хмель грязнути* (Пов. врем. л. 6493 г.: по Ип. сп.) [14; т.1, с. 605]; *И створи Володимеръ съ болгары миръ, и ротѣ заходниша межн собою. И рѣша болгары: то ли не будетъ межн нами мира, оли камень почнетъ по водѣ плавати, а хмель грязнути* (Соф. I лет. 49) [15; с. 149].

В древнерусском языке инхоатив **ГРЯЗНОУТИ (ГРЯЗНѢТИ)** имел прямое номинативное значение «погружаться, тонуть» (ст.-слав. **ПОГРЯЗНѢТИ** «потонуть, погрузиться» [9; с. 175]). В словарях, фиксирующих лексику этого периода, среда погружения, как правило, не конкретизируется. «Словарь русского языка X – XVIII веков» Е.С. Отина ограничивает действие по глаголу *грязнути* водной средой – «погружаться на дно, тонуть», приводя при этом все тот же пример употребления слова: *И рѣша болгары: «Аще ли не будетъ мира межн нами и егда начнетъ камень плавати, а хмель на воде грязнути, тогда вамъ даньъ взяти»* (Никоновская летопись, до 1094 г.) [16; с. 75]. Ниже в словаре приводится еще одно определение, относящееся к более позднему периоду функционирования глагола (на что указывает и форма слова, и пример употребления): *Грязнуть. Вязнуть. Ах! Долго ли намъ грязнуть в тине // И мороситься под дождем?* (Стихотворения Александра Востокова. СПб., 1821. – С. 204) [16; с. 75]. Подобное значение глагола, характерное и для современного русского литературного языка, фиксирует академический «Словарь церковнославянского и русского языка»: *Грязнуть. Вязнуть въ чемъ либо жидкомъ или топкомъ* [17; т.1, с. 300].

Словарь Е.А. Аникина фиксирует «рус.-цслав. вариант» *хрязнути* «утопать», зафиксированный в тексте Лаврентьевской летописи (985 г.) [9; с. 176] и, несомненно, отражающий на письме фрикативный характер проношения заднеязычного звука [г].

«Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений)» Г. Дьяченко указывает наряду с основным значением «погружаться» дополнительное значение «падать», не приводя при этом примеров употребления слова, что вызывает некоторые сомнения в существовании подобного элемента значения: «**ГРЯЗНОУТИ** = погрязнуть, погружаться, падать» [18; с. 134].

Еще один пример употребления перфектива **грязнѹти** приводит «Словарь русского языка XI – XVII вв.», фиксируя дополнительный элемент значения «погружаться; утопать, увязать в чем-либо», актуализируя и расширяя параметр «среда». Напр.: **А ѳхали чрезъ горы пещаные и тѣ горы высокиє вѹгроватыє, а лѣсѹ на нихъ нѣтъ, только песокъ вѣлой, коня въ полъ-колѣна грязнетъ нога** (Спафарий. Китай, 211. 1678 г.) [15; с. 149]. Однако датируется этот текст уже более поздним периодом – XVII веком. В этом же словаре у глагола **грязнѹти** помимо основного значения «погружаться; утопать, увязать в чем-либо» указано значение «погрязать» и приводится следующий иллюстративный материал: **Како ли маловѣрнаго и научимъ, а сами грязнѹще во сластѣхъ?** (Сл. Ио. Злат. Пон. III, 50. XVII в.) [15; с. 150]. Пример словоупотребления также датируется XVII в. и отражает переносное значение, которое существует у глагола в старорусский и последующие периоды.

Парадоксально, но словарная статья глагола *погрязати* в указанном словаре исключает подобное толкование, разводя при этом значения «тонуть в воде» и «погружаться» как самостоятельные. Ср.: *Погрязати*. 1. Тонуть в воде. *Якоже реч<е>, жьрновъ погрязаетъ устрѣмлениемъ въ мори, тако и Вавилонъ съ вънезату будетъ потрѣбленъ* (Апок. XVIII, 21; Апокал., 84, XIII в.) 2. Погружаться. *Река велика многу воду имуци и напаяет раи, откуда течет во душину и погрязает под землю недоведоме...* (Шестоднев. Ио. екз., VI, 555, XV в.) [19; с. 208].

«Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.)» приводит глагол **погрязати** (2*) в единственном значении – «тонуть»: **Вни же сѣкоуще и и водоуще вогнаша... во шзеро •і• можь** [вм. мѹжь] ... **и тако погрязаху. англмъ. потоплаеми** [13; т.6, с. 496].

«Краткий словарь славянский с прибавлением славянских склонений, спряжений и некоторых нужнейших грамматических правил», составленный игуменом Евгением на основе «Лексикона славенорусского» Памвы Берынды и «Грамматики славенской» Федора Максимова, указывает значение глагола: *Погрязаю*. Утопаю въ грязи [20; с. 75].

«Словарь церковнославянского и русского языка» наиболее точно дифференцирует семантические признаки глагола и приводит следующие лексико-семантические варианты: *Погрязать*. 1) Вязнуть въ грязи. 2) Тонуть въ водѣ. 3) *Утопать въ порокахъ. *Несчастный юноша погрязъ въ беззаконіяхъ* [17; т.3, с. 247].

Имперфектив на *-ati* **погрязати** (ср. праслав. **gręzati*) соотносителен с формами **gręzti* и **gręznoti* [8; с. 125]. Форме **gręznoti*, возможно, предшествовало **gręzti*. На это указывают «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд», «Энциклопедический словарь русского языка» А.Е. Аникина: др.-рус. **гразѣти, грязти** [8; с. 125], ст.-рус. *грязти* «погружаться, увязать» (ср.: *грязть* (безл.) «засасывать», «погружаться» в северно-русских говорах) [9; с. 175].

В «Словаре русского языка XI – XVII вв.» глагол **грязти** имеет значение «погружаться; утопать, увязать в чем-л.». Ср.: **Скота не презрим в калѹ грязѹща по вси простираемъ рѹцѣ извлещи хотяще** [15; с. 149 – 150].

«Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.)» не фиксирует форму **гразѣти**, но приводит имперфектив **гразити** (2*) в том же значении, что и **гразноѹти** «погружаться, тонуть»: **Аще видимъ и скота гразѹща. тѣ не презримъ нѣгда ли видимъ дрѹга всегда погрѹжаема. тѣ по смѣкъмъса** [13; с. 401].

В старорусский период помимо имперфективных форм **грязнѹти, грязти, погрязати** в памятниках письменности встречается глагол **гразѣти**, употребляющийся в двух значениях: **Гразѣти** 1. Погружаться; утопать, увязать в чем-либо. 2. Погрязать. Второе значение имеет переносный характер. В качестве примеров употребления словарные статьи чаще содержат формы причастий. Ср.: **Ты же ѹбо, жидовине, скажи намъ: како взяша кости Иосифли, найдоша грязѹща в мори за 400 лѣтъ; Погибающа брата не презрим, в злыхъ дѣлахъ грязѹще** [15; с. 149 – 150].

Как отмечает А.Е. Аникин, «из префиксальных образований (с преф. *за-, на-, пере-, раз-, у-* и др.) в современном русском литературном языке закрепилось *погрязнуть* (бесприставочное *грязнуть* малоупотребительно), чаще в переносном значении». [9; с. 176]. Автор словаря указы-

вает на возможное церковнославянское влияние (ср. ст.-слав. **погразнѣти** ‘потонуть, погрузиться’) [там же]. Напр.: **Вълны же вълнѣвахъ сѧ въ ладнѣхъ • вѣко оуже погразнѣти хотѣаше** [21; с. 459].

Действительно, «Словарь старославянского языка» приводит подобное толкование глагола **погразнѣти** – «потонуть, погрузиться, углубиться» (в том числе и переносно). Ср.: **Пѣчиножъ покры на • погразѣ въ глѣбинѣ тако камень** (с. 84); **Погразѣ въ глѣбинѣ тако оловъ въ водѣ зѣло**; Перен. **Не держа ли д(а)в(ы)да въ оустѣхъ кго • да кгда в толь велице лю-водѣтани погразе** [22; с. 84].

Словарь Г. Дьяченко дает похожее толкование: **Погразити** = углубляться, погружаться [18; с. 439]. «Словарь церковнославянского и русского языка» указывает на среду погружения: *Грязнуть, погразнуть*. Вязнуть въ чемъ либо жидкомъ или топкомъ. *Погрязнуть*, сов. гл. *погразать* [17; т.3, с. 247]. В древнерусский период глагол **погразнѣти** широко использовался в переносном значении. «Словарь церковнославянского и русского языка» наряду с прямыми значениями глагола («увязнуть в грязи» и «утонуть в воде») фиксирует переносное значение «утонуть в пороках». Напр.: *Несчастный юноша погразъ в беззаконіяхъ* [17; т.3, с. 247]. Метафорическое переносное значение в данном случае основано, прежде всего, на идее погружения («увязнуть», «тонуть») субъекта в большое количество некоего вещества («грязь», «вода»), в некую неблагоприятную или опасную для жизни среду. Такой неблагоприятной средой для верующего человека становятся пороки, грехи (= «грязь»). Словарь И.И. Срезневского фиксирует также переносное употребление глагола **погразнѣти** – «быть поглощенным» (чем-л.): **Да не лихожъ печалижъ погразнѣтъ** [14; т.2, с. 1024]. В «Словаре древнерусского языка (XI – XIV вв.)» положительный, результативный член глагольной видовой пары (*погразати / погразнуть*) – перфектив *погразнуть* (**погразноути**) – характеризуется как многозначная и наиболее частотная форма (28 словоупотреблений в картотеке словаря). Как правило, лексемы в данном словаре представлены значительно большим количеством случаев употребления, более разветвленной системой значений, чем в других подобных словарях, а семантические различия в пределах одного значения рассматриваются как оттенки и даются за знаком ||. Значение глагола **погразноути** «погрузиться; утонуть, увязнуть» в указанном словаре членится на два самостоятельных (в словарной статье они указаны как второе и третье значение слова):

2. Погрузиться во что-л.; увязнуть. Напр.: **Помолиса боу и погразоша вси въ земли, ан-фоупать и вси люди кго. а прочии оубогавъшеса молиша стго варфоломѣта... да быша и ти не погразли; Избраннаа жидовьскыа нарицакмыа ревнителаа погрази г(с)ь. смртью вѣчною. погразоша. во днѣ ада тако и камень;**

3. Пойти ко дну, утонуть. Напр.: **И шжесточи срѣце юго [фариона] гнати по изрли. и погразноути; Тако во и Максентии и кже ш немь ороужници и копькносьци погразоша въ глѣбинѣ; Фараонъ... потопа младенци в рѣцѣ. и самъ погразну в мори; Оуподовлеше(с) Бодому и Гомору. на неже пѣсти г(с)ь камень горюще. и потопа га и погразоша; Тѣ абики [сандаал] до патишды обратиса стремьглавь. днѣ иде и погразе великын же корабль строино поплы; [13; т.6, с. 496 – 497].**

Значение «погрузиться во что-л.; увязнуть» указано и как переносное. Ср.: || перен.: **Они... гразать в немже и сами погразли. в томъ и чада прелщаютъ. и хоташа(х) на высоту сводать; Посла гнѣвъ свои на вы и покрыша вы. языци. и погразосте въ работѣ беспамяти злѣ** [там же].

В качестве основного значения (в словарной статье оно указано как первое значение) в словаре зафиксировано следующее: 1. Быть поглощенным чем-л. Образн. **Блгоизволи превести ма. житинскою поучиноу мнозѣми волънами грѣховнами погразноути хоташаго** [там же].

Разветвленную систему значений глагола *погразнути* дает «Словарь русского языка XI – XVII вв.». Значение «пойти ко дну, утонуть» в словаре сужается до формулировки «погрузиться (в воду)», в качестве оттенков значения указываются элементы «увязнуть» и «разверзнуться (о земле)». Ср.:

1. Погрузиться (в воду); тж. образно. *И не възлагаимъ руха на ся, егоже не можемъ понести, да не и сами въ корабли погрязнемъ; Снѣе же Иилѣвы проидоша по суху посрѣди моря и изидоша на брѣгъ, ступися вода о фараонѣ и погрязоша вси; Яко до отлучатся любящеи его от миролюбныхъ, да не и ти с ними погрязнут в славныхъ [по вар.] водахъ горкаго сего моря житиа суетнаго.*

|| Увязнуть.

Будеть в тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ худые мосты и плотины и гати... потонуть или погрязнуть лошади или запасы... и тѣхъ всѣхъ убытки... взяти... на тѣхъ помѣщикахъ и вотчинникахъ || перен. Погрязнуть. Воспрянемъ убо яко от сна тяжкаго от согрѣшении нашихъ, в нихъ же погрязохом, възникнути не хотимъ на покаяние.

|| Разверзнуться (о земле). *А инии внутрь во граде казанцы мужи и жены... падоша ницы на землю, чающе под собою земли погрязнути.*

Кроме того, в словаре зафиксировано новое, широко сформулированное значение:

2. Погибнуть, исчезнуть, пропасть. *Его же ся бояху въчера осужения, се възмите ся, се въстрепета, се вся мудрость и мощь погрязну, се весь въздиви ся, видя власти анѣльския страшны.*

Третье, переносное, значение соответствует ранее указанному в «Словаре древнерусского языка (XI – XIV вв.)»: 3. Быть поглощенным, отягощенным чем-либо. *Да не лихою печалию погрязнетъ [13; т.6, с. 496].*

Словарь И.И. Срезневского исключает элемент «погрузиться» из значения глагола *погрязнѣти* и фиксирует три значения: 1. Потонуть. *И сами въ корабли погрязнемъ, и потопимъ даръ; Ничимъ же лодиа, погрязнѣти хотяща, нѣсть оуныши икрѣвиска дѣша и оумъ.* 2. Быть поглощенным. 3. Погибнуть. *Погрязнѣти хотяща [14; т.2, с. 1025].*

«Словарь старославянского языка» в 4 т., Т.3. с. 84 приводит ряд синонимов глагола *погрязнѣти*: *истонѣти, оутонѣти, погрязити [22; с. 84].* «Старославянский словарь (по рукописям X – XI веков)» наряду с указанными глаголами фиксирует еще один синоним – *истопити сѧ [21; с. 459].* «Лексикон трехязычный, сиречь речений славянских, эллино-греческих и латинских сокровищ из различных древних и новых книг собранное и по славянскому алфавиту в чин расположенное» (ок.1670 – 1731) Ф.П. Поликарпова-Орлова в словарной статье глагола *грязнуть* дает ссылку на синонимичные лексемы: *Грѣзнѣ. Зри оуглѣваю или погрязю [23; с.180].*

Глагол *углѣбати* в «Словаре церковнославянского и русского языка» толкуется следующим образом: *Углѣбати. Церк. Тонуть, вязнуть, погрязать. Углѣбоша языцы въ пагубѣ (Псалт. IX. 16). Спаси мя отъ брѣнїа, да не углѣбну (Псалт. LXVIII. 15) [17; т.4, с. 321].* «Краткий словарь славянский с прибавлением славянских склонений, спряжений и некоторых нужнейших грамматических правил» фиксирует одно значение глагола: *Углѣбляю. Вязну [20; с. 114].*

Авторы этимологических и исторических словарей корень *gręz- связывают чередованием с *gręz- (кауз. *gręziti), см. *груз, грузить, грязь [9; с. 75]; груз, грузить [10; с. 467].* «Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками» фиксирует: Церк. *Погрязнути* и *угрязнути* = потонуть. – Церк. *погрузити*. Составитель словаря Ф. Шимкевич в примечании к словарной статье подчеркивает: «<...> Изъ другихъ нарѣчїй видно, что это слово [грузъ] имѣеть сродство съ корнемъ *грязь*; это сродство яснѣе представляется въ производныхъ того и другаго слова, напр. *грязнуть* и *грузить*, изъ которыхъ послѣднее можно принять за другой видъ перваго <...>» [24; с. 57]. Ср.: *Погрузити* (погрузи)/. *Потопить. Безбожна глѣбина тѧ никакоже погрѣзи. Пучина безбожня нисколько тѧ не потопила [25; с. 246]. Погружати* – «ввергать во что-либо», *погружатисѧ* – «тонуть, потопляться» [26; с. 155]. Влияние церковнославянского языка на книжно-письменный литературный древнерусский язык проявлялось в широком употреблении абстрактных существительных, образованных от глагола *погрязнуть* и имеющих синонимичные значения: *погрязение, погрязнение, погрязновение*. Ср.: *Погрѣзени* – «действие погрязающего» [26; с. 584], «действие по глаголу *погрязати*», «погибель» [19; с. 208], «потопление, погибель» [17; т.3, с. 248], «поги-

бель»: **Радоуѣса, кгда твориши добро, нъ не выиса, еда погразеник на отишьи боудеть** [14; т.2, с. 1024]; «потопление (образн.)»: **Токъмо не ожидан в тинь грѣвнѣи, егда погразе- ние вънезапы примеши** [13; т.6, с. 496]; перен. «погибель»: **Всемдуъ миру погразенье жена; Всемирьноуъ бо погоувоу и погразеник наведе** [13; т.6, с. 496]; **Погрязеник дши** [14; т.2, с. 1024]. **Погразнение** – «потопление». **И виодоша въ кораблець малый, погразненія не боя- щійся** (Четьи Минеи) [17; т.3, с. 247]. **Погразновени~ (1*)**. То же, что погразени~. Образн. [13; т.6, с. 497]. *Погрязновение*. Действие по глаголу *погрязнути* (в значении «погрузиться (в воду); тж. образно»); гибель: **Имамы бо вмѣсто кормчия Христа, вмѣсто же кораблиникъ а про- роки и снѣ убо вся нмуща, аще и весь миръ возмутитъ, но не убонмѣся погразновения** [19; с. 208]; *Погрязновение*. Гибель. ...*Сего ради самодержество царя нашего и наш вернейший совет не боится погразновения* (Послание И. Грозного Сигизмунду II от имени И.Ф. Мстиславского, 1567 г.) [16; с. 253].

Метод лексикографического портретирования позволил объединить данные этимологиче- ских и исторических словарей, привести и описать многочисленные варианты употребления им- перфектива *грязнуть* и перфектива *погрязнуть*, зафиксированные в словарях, содержащих лекси- ку X – XVII вв. Рамки статьи ограничили сферу исследования анализом лексикографических исто- чников указанного исторического периода. В перспективе предполагается осуществить анализ словарей XVIII – начала XXI в., обобщить данные и сделать вывод о существовании самостоя- тельных стереотипных образов, существующих в сознании носителей языка в каждый конкрет- ный исторический период.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // История слов. М., 1999. 1138 с.
2. Активный словарь русского языка / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. В 2 т. Т.1. М., 2014. 408 с.
3. Апресян Ю.Д. Избранные труды в 2-х т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лек- сикография. М., 1995. 767 с.
4. Шеманаева О.Ю. Глаголы погружения: семантика и сочетаемость // Труды международной конференции «Диалог 2008». М., 2008. С. 574 – 580.
5. Плунгян А.В. К вопросу об акциональной классификации предикатов: акционально связан- ные ситуации [Электронный ресурс] // Academia. 2009. URL: <https://www.academia.edu/2639552>.
6. Апресян Ю.Д. Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография // Материалы международной научной конференции «Грамматические категории: иерархии, связи, вза- имодействие». СПб., 2003. с. 7 – 21.
7. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В. 2 т. Т.1. М., 1990. 856 с.
8. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 7. / Под ред. А.Н. Трубачева. М., 1974. 224 с.
9. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 12. М., 2018. 376 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. Т.1 М., 2007. 588 с.
11. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910 – 1914. 674 с.
12. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т.1. М., 2006. 621 с.
13. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.). В 10 т. // АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред Р.И. Аванесов. М., 1989. 494 с.
14. Материалы для словаря древнерусского языка. Труд И.И. Срезневского. В 3 т. СПб., 1893. 1420 с.
15. Словарь русского языка XI – XVII вв. // АН СССР. Ин-т рус. яз. Вып. 4. М., 1977. 403 с.
16. Отин Е.С. Словарь русского языка X – XVIII веков. Донецк, 2014. 436 с.
17. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Импе- раторской академии наук. В 4 т. СПб., 1847. 415 с.
18. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений / Сост. протоиерей Г. Дьяченко. М., 1993. 1120 с.
19. Словарь русского языка XI – XVII вв. // АН СССР. Ин-т рус. яз. Вып. 15. М., 1989. 288 с.
20. Краткий словарь славянский с прибавлением славянских склонений, спряжений и некото- рых нужнейших грамагических правил / Собр. игум. Евгений (Романов Емельян; епископ Костром- ской и Галичский). СПб., 1784. 42 с.
21. Старославянский словарь (по рукописям X – XI веков): Ок. 10000 слов / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др. / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994. 842 с.

22. Словарь старославянского языка: В 4 т. Т. 3. СПб., 2006. 1054 с.
23. Поликарпов-Орлов Ф.П. Лексикон триязычный, сиречь речений славянских, эллино-греческих и латинских сокровищ из различных древних и новых книг собранное и по славянскому алфавиту в чин расположенное. М., 1704. 806 с.
24. Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками: В 2 ч. Ч. 1. / Сост. Ф. Шимкевич. СПб., 1842. 160 с.
25. Сedaкова О.А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М., 2008. 432 с.
26. Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию, Ф. Миклошичу, А.Х. Востокову, Я.И. Бередникову и И.С. Кочетову // А.В. Старчевский. СПб., 1899. 946 с.

References

1. Vinogradov V. V. Word and meaning as a subject of historical and lexicological research // History of words. Moscow, 1999. 1138 p.
2. Active dictionary of the Russian language / Ex. ed. Apresyan Yu.D. Vol. 1. Moscow, 2014. 408 p.
3. Apresyan Yu. D. Selected works in two volumes. Vol. 2. The integrated description of language and systemic lexicography. Moscow, 1995. 767 p.
4. Shemanaeva O. Yu. Verbs of immersion: semantics and compatibility // Proceedings of the international conference "Dialog 2008". Moscow, 2008. Pp. 574 – 580.
5. Plungyan A. V. On the issue of optional classification of predicates: actionally related situations [Electronic resource] // Academia. 2009. URL: <https://www.academia.edu/2639552>
6. Apresyan Yu. D. Fundamental classification of predicates and system lexicography // Proceedings of the international scientific conference "Grammatical categories: hierarchies, connections, interaction". St. Petersburg, 2003. Pp. 7 – 21.
7. Tichonov A. N. Word-Forming dictionary of the Russian language: Vol.1. Moscow, 1990. 856 p.
8. Etymological dictionary of Slavic languages. The proto-Slavic lexical Fund. Vol. 7. / Edited by A. N. Trubachev. Moscow, 1974. 224 p.
9. Anikin A. E. Russian etymological dictionary. Vol. 12. Moscow, 2018. 376 p.
10. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language: Vol. 1. Moscow, 2007. 588 p.
11. Preobrazhensky A. Etymological dictionary of the Russian language. Moscow, 1910 – 1914. 674 p.
12. Chernych P. Ya. Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: Vol. 1. Moscow, 2006. 621 p.
13. Dictionary of the old Russian language (XI – XIV centuries) / Ed. by R. I. Avanesov. Vol. 2. Moscow, 1989. 494 p.
14. Materials for the dictionary of the old Russian language. I. I. Sreznevsky's work: Vol. 1. St. Petersburg, 1893. 1420 p.
15. Dictionary of the Russian language of the XI – XVII centuries. Vol. 4. Moscow, 1977. 403 p.
16. Otin E. S. Dictionary of the Russian language of the X – XVIII centuries. Donetsk, 2014. 436 p.
17. Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by The second Department of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 1. St. Petersburg, 1847. 415 p.
18. Full Church Slavonic dictionary (with the introduction of the most important old Russian words and expressions / Comp. Archpriest G. Dyachenko. Moscow, 1993. 1120 p.
19. Dictionary of the Russian language of the XI – XVII centuries. Vol. 15. Moscow, 1989. 288 p.
20. A short dictionary of Slavic with the addition of Slavic declensions, conjugations and some necessary grammatical rules / Romanov Emelyan; Bishop of Kostroma and Galich. St. Petersburg, 1784. 42 p.
21. Old Slavonic dictionary (based on manuscripts of the X – XI centuries): About 10 000 words / E. Blagova, R. M. Tseitlin, S. Gerodes, etc. / Edited by R. M. Tseitlin, R. Vecherka and E. Blagova. Moscow, 1994. 842 p.
22. Dictionary of old Slavic language. Vol. 3. St. Petersburg, 2006. 1054 p.
23. Polikarpov-Orlov F. P. Lexicon trelazychny, that is, speeches of Slavic, Hellenic-Greek and Latin treasures from various ancient and new books collected and arranged according to the Slavic alphabet in the rank. Moscow, 1704. 806 p.
24. Korneslov Russian language, compared with all the major Slavic dialects and with twenty-four foreign languages. H. 1. / Comp. F. Shimkevich. St. Petersburg, 1842. 160 p.
25. Sedakova O. A. Dictionary of difficult words from the service: Church Slavonic-Russian paronyms. Moscow, 2008. 432 p.
26. Dictionary of the ancient Slavic language, compiled according to the Ostromirov gospel, F. Mikloshich, A. H. Vostokov, Ya. I. Berednikov and I. S. Kochetov // A.V. Starchevsky. St. Petersburg, 1899. 946 p.

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.004

Самарский государственный
социально-педагогический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры дошкольного образования,
Гурова И.В.
Россия, г. Самара
e-mail: gurova@pgsga.ru

Samara State Social and Pedagogical
University
The chair of preschool education PhD,
associate professor
Gurova I.V.
Russia, Samara
e-mail: gurova@pgsga.ru

И.В. Гурова

ГЕЙТ-ПРОИЗВОДНЫЕ 2018-2019 ГГ. В РУССКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена изучению *гейт*-производных (слов с интернациональным компонентом *-гейт* в значении 'скандал') 2018-2019 гг. в русском дискурсе. Источниками материала послужили российские электронные газеты, сайты, блоги. В исследовании подвергались анализу данные поисковых систем Яндекс и Google. Методом сплошной выборки было выявлено 28 языковых единиц. В статье ставится цель – дать разноаспектную характеристику *гейт*-производных за указанный период. Последовательно рассматривается таксономия языковых единиц. Установлено, что преобладают *гейт*-производные, образованные на русской почве (72%); заимствованные единицы составляют 28%. Сделан вывод о том, что отсутствие в материалах российских электронных источников за 2018-2019 гг. метаязыковых контекстов (рефлексивов) – высказываний, в которых содержится информация о значении, происхождении, сфере употребления *гейт*-производных – свидетельствует о закреплении элемента *-гейт* в словообразовательной системе русского языка. Выявлено 7 тематических групп *гейт*-производных: «Шоу-бизнес», «Политика», «Государственная и муниципальная служба», «Спорт», «Экономика», «Журналистика», «Наука и образование». Изучение структурных особенностей дериватов с элементом *-гейт* показало, что в качестве первого компонента *гейт*-производных выступают антропонимы (фамилия), топонимы, эргонимы, прагматонимы, псевдонимы, апеллативы. Выявлены общие черты дериватов 2018-2019 гг. и корпуса *гейт*-производных с 1970-х гг. по 2017 г.: 1) преобладание *гейт*-производных, образованных на русской почве; 2) широкие сочетательные возможности элемента *-гейт*; 3) высокочастотное употребление фамилии в качестве первого компонента *гейт*-производных; 4) разнообразие тематических групп *гейт*-производных. Наиболее актуальной для русского дискурса становится тематическая группа «Шоу-бизнес», что является особенной чертой дериватов 2018-2019 гг.

Ключевые слова: элемент *-гейт*, *гейт*-производные, заимствованные и образованные на русской почве *гейт*-производные, тематические группы *гейт*-производных, антропонимия, словообразовательные процессы.

I.V. Gurova

GATE- DERIVATIVES FORMED IN 2018-2019 IN RUSSIAN DISCOURSE

The article is devoted to the study of *gate*- derivatives (words with an international component *-gate*, meaning 'scandal') formed in 2018-2019 in Russian discourse. The sources were electronic versions of Russian newspapers, websites, blogs. In the study we analyzed data from search systems Yandex and Google. The continuous sampling method revealed 28 language units. The goal of the article is to give a diverse aspect of the *gate*- derivatives over the specified period. The taxonomy of linguistic units is sequentially considered. It was established that *gate*- derivatives which are formed domestically prevail (72%); borrowed units make up 28%. It is concluded that the absence of meta-language contexts (reflexives) - statements that contain information about the meaning, origin, sphere of usage of gate derivatives - in Russian electronic sources over 2018-2019 testifies to the fixing of the *gate*- element in the word-formation system of the Russian language. Seven thematic groups of gate derivatives were identified: "Show business", "Politics", "State and municipal service", "Sport", "Economics", "Journalism", "Science and education". The study of structural features of derivatives with the *gate*- element shows that the first component of the gate derivatives is anthroponyms (last name), toponyms, ergonyms, pragmatonyms, pseudonyms, appellatives. We identified common features of derivatives formed in 2018-2019 as well as a set of *gate*- derivatives formed in 1970s - 2017: 1) the predominance of *gate*- derivatives formed domestically; 2) the wide combining capabilities of the *gate*- element; 3) high-frequency use of a surname as the first component of *gate*- derivatives; 4) a variety of thematic groups of *gate*- derivatives. The most relevant topic for Russian discourse is the "Show business" group, which is a special feature of the derivatives formed in 2018-2019.

Keywords: *gate*-element, *gate*-derivatives, *gate*-derivatives borrowed and formed domestically; thematic groups of *gate*-derivatives, anthroponymy, word-formation processes.

Проблема активизации заимствований в русском языке признана актуальной областью исследований лингвистической русистики XXI века [1; 2]. Особый интерес ученых вызывают деривационные процессы на базе иноязычных элементов. В рамках данного направления научных изысканий О.П. Сологуб выявляет этапы усвоения заимствованных структурных элементов [3]; Т.Б. Радбилем и Л.В. Рацибурской изучается лингвокультурологический аспект словообразовательных инноваций [4; 5]; в трудах Е.В. Петрухиной [6] и Е.И. Коряковцевой [7; 8] рассматриваются ключевые деривационные модели современной эпохи, в частности образование слов с помощью интернациональных аффиксов и аффиксоидов *post-*, *анти-*, *транс-*, *псевдо-*, *квази-*, *суб-*, *-инг*, *-оид*, *-изация* и др.

Объектом настоящего исследования являются функционирующие в русском дискурсе английские языковые единицы разных уровней: слово *гейт* в значениях 'вход для...', 'выход для...' и морфема *-гейт* (от англ. *Watergate*) со значением 'скандал'. Для описания данного явления нами предложено понятие «межуровневый оморяд *гейт/-гейт*» (подробнее см. в [9]). В качестве предмета исследования выбраны *гейт*-производные 2018-2019 гг. Подчеркнем, что термин «*гейт*-производные» мы применяем в статье для обозначения дериватов с элементом *-гейт* в значении 'скандал'. Источниками материала послужили российские электронные газеты, сайты, блоги. В исследовании использовались данные поисковых систем Яндекс и Google. Методом сплошной выборки выявлено 28 языковых единиц.

Цель статьи – представить разноаспектную характеристику *гейт*-производных 2018-2019 гг. в русском дискурсе – предполагает постановку следующих задач:

- 1) выделить заимствованные и образованные на русской почве языковые единицы;
- 2) выявить тематические группы *гейт*-производных;
- 3) определить структурные особенности *гейт*-производных;
- 4) установить общие и особенные черты *гейт*-производных 2018-2019 гг. относительно бытования в русском дискурсе корпуса *гейт*-производных с 1970-х гг. по 2017 г.

Впервые таксономия дериватов с элементом *-гейт* по критерию заимствованное / образованное на русской почве слово была произведена Е.С. Отиным [10]; исследование *гейт*-производных в указанном аспекте продолжено нами в [9]. Перечислим *гейт*-производные 2018-2019 гг., заимствованные российскими журналистами из иноязычных СМИ (28 % от общего количества выявленных языковых единиц): *Ибница-гейт* (скандал вокруг ушедшего в отставку вице-канцлера и лидера партии свободы Австрии Хайнца Кристиана Штрахе); *харассмент-гейт* (скандал, связанный с обвинениями в домогательствах кинопродюссера Вайнштейна); *Siri-гейт* (скандал вокруг прослушивания разговоров с голосовыми помощниками); *квартира-гейт* (скандал, связанный с обвинением в коррупции президента Болгарии Румена Радова); *Штрахе-гейт* (то же, что и *Ибница-гейт*); *броги-гейт* (скандал из-за сервировки десерта во время официального ужина у Сары и Биньямина Нетаньяху в Израиле); *Пануз-гейт* (скандал, связанный с обвинением актера Дэниела Крейга в отсутствии мужественности); *Качиньский-гейт* (скандал вокруг аудиозаписей, компрометирующих лидера партии «Право и справедливость» Ярослава Качиньского). Заметим, что в качестве языков-доноров выступает английский (*Ибница-гейт*, *харассмент-гейт*, *Siri-гейт*, *Штрахе-гейт*, *броги-гейт*, *Пануз-гейт*), болгарский (*квартира-гейт*) и польский (*Качиньский-гейт*) языки. По способу вхождения в язык-реципиент различаем *гейт*-производные транслитерированные (*Ибница-гейт*, *Штрахе-гейт* и др.) и *гейт*-производные с нетранслитерированным первым компонентом (*Siri-гейт*).

Представим *гейт*-производные 2018-2019 гг., образованные на русской почве (72% от общего количества выявленных языковых единиц): *Горринг-гейт* (скандал, связанный с обвинением заместителя главы холдинга «Росгеология» Руслана Горринга в мошенничестве); *Глушаков-гейт* (скандал вокруг голосовых сообщений футболиста Дениса Глушакова); *Загитова-гейт* (скандал вокруг выступлений фигуристки Алины Загитовой); *Кержаков-gate* (скандал, связанный с семьей футболиста Александра Кержакова); *Гладковский-гейт* (скандал, связанный с увольнением Олега Гладковского с должности первого заместителя секретаря

ря Совета национальной безопасности и обороны Украины); *Голунов-гейт* (скандал вокруг ареста журналиста Ивана Голунова); *Метельский-гейт* (коррупционный скандал, связанный с семьей вице-спикера Московской городской думы Андрея Метельского); *Соколовгейт* (скандал вокруг преступления, совершенного доцентом Олегом Соколовым); *АП-гейт* (скандал, связанный с делом главы Серпуховского района Московской области Александра Шестуна); *Серпухов-гейт* (то же, что и *АП-гейт*); *Друзь-гейт* (скандал вокруг игры Александра Друзя в программе «Кто хочет стать миллионером»); *кокаингейт* (скандал, связанный с обнаружением кокаина в российском посольстве в Аргентине); «*Новичок*»-*гейт* (скандал вокруг отравления Сергея Скрипаля и его дочери в Солсбери, по названию ядовитого вещества); *Солсбери-гейт* (то же, что и «*Новичок*»-*гейт*); *Неверленд-гейт* (скандал вокруг документального фильма «Покидая Неверленд»); *Maruv-гейт* (скандал вокруг отбора представителя Украины для участия в конкурсе «Евровидение»); *BTS-гейт* (скандал в социальных сетях, связанный с Марьяной Ро); *MS-гейт* (скандал, связанный с экзаменами на получение статуса Master Sommelier); *VIZIT-гейт* (скандал вокруг рекламы презервативов); *Дзюба-гейт* (скандал, связанный с конфликтом между футболистом Артемом Дзюбой и фанатами «Спартак»). Обратим внимание на употребление латиницы при оформлении первого компонента *гейт*-производных этой группы (*Maruv-гейт*, *BTS-гейт*, *MS-гейт*). Согласимся с мнением Е.П. Иванян о том, что применение латиницы нарушает требование лингвоэкологичности русской речи [11].

Таким образом, преобладание *гейт*-производных, образованных на русской почве, свидетельствует об освоенности элемента *-гейт* русским языком. Попутно заметим, что отсутствие в материалах проанализированных нами электронных источников за 2018-2019 гг. метаязыковых контекстов (рефлексивов) – высказываний, в которых содержится информация о значении, происхождении, сфере употребления *гейт*-производных – также подтверждает закрепление элемента *-гейт* в словообразовательной системе русского языка.

Перейдем к рассмотрению тематических групп *гейт*-производных. Под тематическими группами понимаем «объединения слов, основывающиеся не на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений...» [12, с. 37]. Согласно проведенному анализу, *гейт*-производные 2018-2019 гг. представляют 7 тематических объединений. Назовем их в порядке убывания частотности употребления:

- а) «шоу-бизнес» (25%): *Пануз-гейт*, *BTS-гейт* и др.;
- б) «политика» (21%): *Ибица-гейт*, *Качиньский-гейт* и др.;
- в) «государственная и муниципальная служба» (21%): *Серпухов-гейт*, *Метельский-гейт* и др.;
- г) «спорт» (15%): *Дзюба-гейт*, *Загитова-гейт* и др.;
- д) «экономика» (10%): *Горринг-гейт*;
- е) «журналистика» (4%): *Голунов-гейт*;
- ж) «наука и образование» (4%): *Соколовгейт*.

Как видим, наиболее актуальной для русского дискурса периода 2018-2019 гг. становится тематическая группа «шоу-бизнес». Очевидно, что публикация материалов скандального характера о жизни известных актеров, певцов и др. отвечает современным запросам потребителей продукции электронных источников информации. Полагаем, что в настоящее время элемент *-гейт* приобретает все более генерализованное значение, утрачивая исходное концептуальное, связанное с политическими событиями.

Значительный интерес представляет изучение структурных особенностей дериватов с элементом *-гейт*. В качестве первого компонента *гейт*-производных, образованных на русской почве, по данным нашего исследования, могут выступать как онимы, так и апеллятивы:

- 1) антропонимы (фамилия) - 50%: *Глушаков-гейт*, *Друзь-гейт* и др.;
- 2) топонимы – 15%: *Серпухов-гейт*, *Неверленд-гейт* и др.;
- 3) эргонимы – 15%: *BTS-гейт* и др.;
- 4) прагматонимы – 10%: *VIZIT-гейт* и др.;

- 5) апеллятив – 5%: *кокаингейт* и др.;
 6) псевдоним – 5%: *Maruv-гейт*.

Таким образом, сочетательные возможности элемента *-гейт*, как показывает языковой материал 2018-2019 гг., весьма широки. Прокомментируем факт частотного употребления фамилии в качестве первого компонента *гейт*-производных. С точки зрения Е.М. Марковой, в XXI в. все большее подтверждение находит отмеченная А. Вежбицкой в качестве специфической для русской языковой картины мира такая черта, как оценочно окрашенное отношение к миру и людям [13]. Антропонимия становится оценкой. В современных медиатекстах антропонимы активно участвуют в словообразовательных процессах и играют экспрессивно-идеологическую роль, например:

(1) «*Серпухов-гейт*» вышел в федеральную плоскость и стал главным политическим скандалом последних лет // www.oka.fm › new › read › oka-info › Delo-SHestuna (дата обращения: 27.01.2020);

(2) *Качиньский-гейт*: главное, что нужно знать о польском финансовом скандале // <https://www.eastbook.eu/ru/2019/02/03/zaniewicz-tasmy-kaczynskiego/> (дата обращения: 26.01.2020).

Выявим общие и особенные черты *гейт*-производных 2018-2019 гг. относительно бытования в русском дискурсе корпуса *гейт*-производных с 1970-х гг. по 2017 г. Характеристика корпуса *гейт*-производных с 1970-х гг. по 2017 г. приведена в [9; 14]. Перечислим общие черты: 1) сохраняется тенденция к росту числа *гейт*-производных в русском дискурсе; 2) доминирование *гейт*-производных, образованных на русской почве; 3) значительные сочетательные возможности элемента *-гейт*; 4) высокочастотное употребление фамилии в качестве первого компонента *гейт*-производных; 5) разнообразие тематических групп *гейт*-производных. К особенным чертам отнесем следующее: наиболее актуальной для русского дискурса 2018-2019 гг. становится тематическая группа «шоу-бизнес» (ср.: для периода с 1970-х гг. по 2017г. наиболее актуальной является тематическая группа «политика»).

Подведем итоги исследования. Изучение *гейт*-производных 2018-2019 гг. позволило сделать вывод о закреплении элемента *-гейт* в словообразовательной системе русского языка. Сохраняется тенденция к нарастанию *гейт*-производных в русском дискурсе. Важно, что элемент *-гейт* приобретает все более генерализованное значение, утрачивая исходное концептуальное, связанное с политическими событиями. Относительно бытования в русском дискурсе корпуса *гейт*-производных с 1970-х гг. по 2017 г. дериваты 2018-2019 гг. имеют больше признаков общего, чем особенного характера.

Библиографический список

1. Иванян Е.П. Роль СМИ в демократизации и креативизации современного русского языка // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. №1. // Русистика без границ. 2017. Т. 1. № 2. С. 105-107.
2. Козырев В.А., Черняк В.Д. Свое и чужое: заимствованное слово в современной речи // Universum: Вестник Герценовского университета. 2007. №3(41). С. 54-59.
3. Сологуб О.П. Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке // Наука. Университет. 2002. Новосибирск, 2002. С. 130-134.
4. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Лингвокультурологические особенности деривационных процессов в русском языке // Русский язык за рубежом. 2016. №3. С. 43-49.
5. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. №2. С. 33-39.
6. Петрухина Е.В. Ключевые для современной эпохи словообразовательные модели в русском языке // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей III Международного симпозиума. Симферополь: Ариал, 2019. С. 216-223.
7. Коряковцева Е.И. Экспрессивные неологизмы с интернациональными формантами в русском, польском и чешском языках // Rossica Olomucensia LIII: sbornik příspěvků z mezinárodní

konference XXII. Olomoucké dny rusistů, 04-06.09.2013, hlavní red. Ladislav Vobořil, Olomouc 2014. S. 105-108.

8. Коряковцева Е.И. Язык современных СМИ в эпоху глобализации: к вопросу об инновациях и инновационных процессах // Многомерные миры языка. М.: Изд-во РУДН, 2015. С. 108-123.

9. Гурова И.В. Гейт-производные: заимствованные vs. образованные на русской почве // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. №3 (24). С. 29-32.

10. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. М: ООО «АТемп», 2006. 440 с.

11. Иванян Е.П. Проблемы лингвоэкологии в свете лингвистики креатива // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2018. № 2. С. 209-215.

12. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Общая лексикология. Хрестоматия: учебно-методическое пособие/ Сост. Е.Н. Подтележникова, А.А. Кретов. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. университета, 2009. С. 33-41.

13. Маркова Е.М., Рацибурская Л.В., Иссерс О.С., Мельник Ю.А., Зайцева И.П., Сипко Й., Радченко М.В. Роль СМИ в демократизации и креативизации современного русского языка (круглый стол). // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. №1. URL: <http://vestnik-mgou.ru/en/Articles/Doc/799> (дата обращения: 15.01.2020).

14. Гурова И.В. Семантико-грамматическая характеристика *гейт*-образований русского языка // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2016. №3 (37). С. 23-27.

References

1. Ivanyan E.P. The role of the media in the democratization and creation of the modern Russian language // The Bulletin of Moscow State Regional University (electronic journal). 2017. Vol. 1. // Russian studies without borders. 2017. Vol. 1. Iss. 2. P. 105-107.

2. Kozyrev V.A., Chernyak V.D. Our own and foreign matters: borrowed word in modern speech // Universum: The Bulletin of Herzen University. 2007. Vol. 3(41). P. 54-59.

3. Sologub O.P. The assimilation of foreign-language structural elements in the Russian language // Science. University 2002. Novosibirsk, 2002. P. 130-134.

4. Radbil T.B., Ratsiburskaya L.V. Linguistic and cultural features of derivational processes in the Russian language // Russian language abroad. 2016. Vol. 3. P. 43-49.

5. Radbil T.B., Ratsiburskaya L.V. Word-building innovations based on borrowed elements in modern Russian language: a linguistic and cultural aspect // World of the Russian word. 2017. Vol. 2. P. 33-39.

6. Petrukhina E.V. The main word-formation models for the modern era in the Russian language // Russian language in the multicultural world. Simferopol, 2019. P. 216-223.

7. Koryakovtseva E.I. Expressive neologisms with international formants in Russian, Polish and Czech // Rossica Olomucensia LIII: sborník příspěvků z mezinárodní konference XXII. Olomoucké dny rusistů, 09/04/2013, hlavní red. Ladislav Vobořil, Olomouc, 2014. P. 105-108.

8. Koryakovtseva E.I. The language of modern media in the era of globalization: on the issue of innovation and innovative processes // Multidimensional worlds of the language. Moscow, 2015. P. 108-123.

9. Gurova I.V. Gate derivatives: borrowed vs. formed domestically ones // Baltic Humanitarian Journal. 2018. Vol. 7. Iss. 3 (24). P. 29-32.

10. Otin E.S. Dictionary of connotative proper names. Moscow, 2006. 440 p.

11. Ivanyan E.P. Problems of linguistic ecology in the light of creative linguistics // Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics creative. 2018. Vol. 2. P. 209-215.

12. Filin F.P. On the lexico-semantic groups of words // General lexicology. Reader: educational-methodical manual / Comp. E.N. Podtelezhnikova, A.A. Kretov. Voronezh: Publishing house of the Voronezh state. University, 2009. PP. 33-41.

13. Markova E.M., Ratsiburskaya L.V., Issers O.S., Melnik Y.A., Zaitseva I.P., Sipko J., Radchenko M.V. The role of the media in the democratization and creation of the modern Russian language (round table) // The Bulletin of Moscow State Regional University (electronic journal). 2017. Vol. 1. URL: <http://vestnik-mgou.ru/en/Articles/Doc/799> (date of application: 15.01.2020).

14. Gurova I.V. Semantic and grammatical characteristic of *gate*-formations of the Russian language // Vector of Science of Togliatti State University. 2016. Vol. 3 (37). P. 23-27.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODS OF TEACHING LANGUAGES

УДК 81 139

DOI 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.005

*Национальный фармацевтический
университет
старший преподаватель
кафедры гуманитарных наук*

Цыганенко В.В.

Украина, г. Харьков, тел. +380 63 7467838

e-mail: arev_tsyganenko@ukr.net

*National Pharmaceutical University
The chair of liberal arts
Senior lecturer*

Tsyganenko V. V.

Ukraine, Kharkov, +380 63 7467838

e-mail: arev_tsyganenko@ukr.net

В.В. Цыганенко

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ФАРМАЦЕВТОВ СОСТАВЛЕНИЮ РЕФЕРАТА-РЕЗЮМЕ

Статья продолжает цикл работ о методике сознательной реферативной деятельности иностранных студентов при обучении фармации на русском языке. Внимание автора сосредоточено на реферате-резюме, требующем серьезной подготовки во время анализа и синтеза необходимой информации при максимальной компрессии аутентичного первоисточника, где максимально сохраняется основной интерес автора во вторичном тексте. В этом типе реферата указывается на аргументированный выбор нужного вещества/препарата в достижении актуальной лекарственной цели у конкретных пациентов в условиях стационара при наличии определенных преимущественно позитивных результатов терапии без побочного действия либо с таковым минимальным. При составлении реферата-резюме следует ознакомиться с композицией основных видов научной литературы, указав лишь значимую/новую информацию текста. Изучая основы реферирования как речевой деятельности, важно понять его сущность. Необходимо отличать реферат-резюме среди других рефератов, знать требования к нему. Для практического овладения схемой составления реферата-резюме предложен дифференциальный алгоритм чтения с выделением ключевых слов, актуальной темы и проблемы, композиции в соответствии с анализируемыми разделами текста, авторской или принятой методикой исследования, полученным результатам. После первичного прочтения текста оригинала составляется типовая план-схема для написания реферата-резюме по композиции первоисточника. Выполняется система типовых заданий по составлению реферата-резюме, с целью формирования правильного представления о выполнении демонстрируются готовые образцы в ключах для самоконтроля. Важным моментом оформления являются специальные языковые клише: тренинг их употребления в рефератах требует определенного времени в практической деятельности обучаемых студентов. Делается вывод, что при составлении реферата-резюме студенты-фармацевты логически и творчески передают без оценки и интерпретаций основное содержание первоисточника, кратко определяют его идею, обеспечивают достаточное представление о предмете коммуникации в иноязычной компетенции.

Ключевые слова: реферативная деятельность, студенты-фармацевты, компрессия, первоисточник, реферат-резюме, вторичный текст, дифференциальный алгоритм чтения, схема, план, языковые клише.

V.V. Tsyganenko

TRAINING OF INTERNATIONAL PHARMACEUTICAL STUDENTS FOR COMPOSITION OF ABSTRACT-SUMMARY

The article continues a series of works on the methodology of conscious abstracting activities of foreign students in teaching pharmacy in Russian. The author's attention is focused on the abstract-summary, which requires serious

preparation during the analysis and synthesis of the necessary information with maximum compression of the authentic primary source. This type of essay indicates the reasoned choice of the desired substance / preparation in achieving the actual medicinal goal in specific patients in a hospital with certain predominantly positive results of therapy with no side effects or with such minimal. When compiling an abstract-summary, you should familiarize yourself with the composition of the main types of scientific literature, indicating only significant / new information of the text. Studying the basics of abstracting as a speech activity, it is important to understand its essence. It is necessary to distinguish the abstract-summary among other abstracts, to know the requirements for it. For practical mastery of the abstract compilation scheme, a differential reading algorithm with the selection of keywords, the current topic and problem, composition in accordance with the analyzed sections of the text, the author's or accepted research methodology, and the results are proposed. After the initial reading of the text of the original, a typical plan is compiled for writing an abstract-summary on the composition of the source. A system of standard tasks for compiling an abstract-summary is being carried out, with the aim of forming the correct idea of the implementation of which ready-made samples in keys for self-control are demonstrated. An important aspect of the design is the special language clichés, the training of their use in essays requires a certain time in the practical activities of students. It is concluded that in the preparation of the abstract-summary, student-pharmacists logically and creatively convey, without evaluation and interpretation, the main content of the primary source, briefly define its idea, provide a sufficient idea of the subject of communication in foreign language competence.

Keywords: abstract making, pharmacist students, compression, primary source, abstract summary, secondary text, differential reading algorithm, scheme, plan, language clichés.

Умение работать с текстами профессиональной тематики обеспечивает развитие общенаучных компетенций, расширяет и углубляет специальные знания, развивает самостоятельность и критическое мышление иностранных студентов-нефилологов, в целом обеспечивая общую мотивацию к изучению русского языка как иностранного (РКИ) в качестве средства обучения. Изучение РКИ не сводится лишь к запоминанию лексики и правилам ее сочетаемости и не исчерпывается одними грамматическими правилами: при обучении той или иной специальности следует обязательно овладеть определенными методами работы с иноязычной информацией, научиться наиболее эффективно извлекать смысл из научных источников и продуктивно использовать полученные сведения в дальнейшей профессиональной деятельности.

Реферирование является одним из способов формирования общенаучных профессиональных компетенций, неотъемлемой частью осознанной работы с информацией. Это *вторичный текст*, по определению А.А. Вейзе, «построенный на основе смысловой компрессии первоисточника с целью передачи его главного содержания», без элементов *интерпретации и оценки*, составленный таким образом, чтобы у потребителя не возникло необходимости обращаться к первичному документу [1]. Практика реферирования научного текста при обучении иностранным языкам рассмотрена в работах Н.И. Колесниковой [2], М.С. Корнеевой [3], И.Г. Проскураковой [4] и др.

Данный метод позволяет оценивать приоритет одних информационных элементов по отношению к другим и обеспечивает универсальность информации. На основе реферативного чтения структурируется первоисточник и выделяется значимая информация, которая составляет основу вторичного текста – реферата. Основная задача реферирования – адекватность оригиналу без его повторения, *семантическое соответствие во вторичном тексте*. Выделенные в первоисточнике ключевые элементы, «*смысловые вехи*» объединяются в сознании читающего реципиента в «*целостные мыслительные образования*», манипулируя которыми он обеспечивает сложный аналитико-синтетический процесс понимания авторского текста, без чего не происходит активного смыслового преобразования информации при реферировании. Одним из средств такой трансформации служит физическое *сжатие текста/компрессия* с сохранением его функций [5]. В связи с компрессией изменяется синтаксическое оформление вторичного текста: на уровне логико-композиционной суперструктуры, смысловой макроструктуры и языковой микроструктуры первоисточника – абзаца, сверхфразового единства, предложения. Используется *перифразирование, свертывание предикации, упрощение синтаксиса предложения* и др. [7].

На кафедре гуманитарных наук Национального фармацевтического университета накоплен многолетний опыт реферативной деятельности со студентами-иностранцами старших курсов, о чем уже сообщалось ранее [6, 8-13]. Реферативно-просмотровое чтение как способ извлечения новой информации является основной образовательной целью при обучении РКИ на старших курсах. После планомерной работы по составлению тезисов, аннотации, реферата-конспекта и реферата-обзора целесообразно перейти к *самому краткому анализу научного текста по одному первоисточнику* – реферату-резюме, который *содержит только основные положения в развитии темы без дополнительной информации*, рассмотренной в первоисточнике, *не включает подробные результаты и выводы исследования*.

Во время занятий, а также при самостоятельном составлении реферата-резюме, практикуется *дифференциальный алгоритм чтения* в работе с неадаптированными научными текстами фармакологического содержания, а именно:

- в каждом абзаце выделяются *ключевые слова*;
- определяется *тема* текста; оговаривается её *актуальность*;
- обращается внимание на типовую *композицию* анализируемого текста научной статьи в периодическом издании в соответствии с ее *разделами*: «Введение», «Материалы и методы», «Результаты и обсуждение», «Выводы». Во введении формулируется *объект и предмет* исследования, даются характеристики и состав определенных веществ – таких, как *действующий комплекс препарата* в конкретной лекарственной форме и дозировке. В разделе «Материалы и методы» указывается *методика проведения работы с исследуемыми веществами/препаратами* с использованием принятых или авторских подходов: эти методики только перечисляются без распространяющих комментарии. В разделе «Результаты и обсуждение» *обобщенно индицируются полученные эффекты применения исследуемых веществ/препаратов* у реальных пациентов стационара *без описательных характеристик, цифровых данных, таблиц, графиков и формул*: дается только ссылка на имеющийся в тексте иллюстративный материал. В разделе «Выводы» *обобщенно перефразируются в сжатом объеме и перечисляются* в нескольких номинативных предложениях *достигнутые фармацевтические приоритеты препарата выбора*. В заключении *обязательно указывается область применения полученных результатов*.

После предварительного чтения работа студентов над рефератом-резюме проходит следующие этапы:

- составляется тезисный *план по абзацам с опорой на ключевые слова* в виде *предложений с предикацией*; характеризуются проблемы, совокупность которых образуют *проблематику текста*;
- по составленному плану моделируется *текст реферата-резюме*.

Приведем типовую модель плана-схемы реферата-резюме:

План-схема реферата-резюме:

I. *Вводная часть* (библиографическое описание: автор/-ы, название, выходные данные).

II. *Основная часть*.

1. *Введение*.

а) *Тема статьи* (указывается общая тема источника, фармацевтический препарат выбора автора/-ов).

б) *Проблема* (указывается вопрос, решаемый автором/-ами с помощью этого препарата; следует указывать патологии/заболевания, а не симптомы).

в) *Композиция* (указывается количество и наименования структурных частей источника).

г) *Наличие иллюстративного материала* (отмечается наличие иллюстраций, рисунков, таблиц, графиков и других наглядных материалов).

2. *Основное содержание*.

а) *Объект и предмет исследования* (указываются вещества, препараты для лечения заболевания/-й и т.п., которые будут анализироваться в реферате).

б) *Методы проведения исследования* (указывается методика, принятая автором/-ами при проведении исследований, называются статистические методы исследований, данные по экспериментальному применению препарата выбора в стационаре, проведенные наблюдения, измерения и т.д.).

в) *Результаты исследования* (указываются реальные результаты, полученные при экспериментальном применении препарата выбора со ссылкой на цифровые данные, таблицы и т.д.).

III. *Заключение.*

а) *Выводы* (перечисляются заключения, оценки, сделанные в работе автором/-ами по эффективности описанного препарата в данном аспекте лечения).

б) *Адресация* (указывается область применения прочитанной информации, практического использования полученных результатов в работе специалистов медицины и фармации, а также при обучении студентов профильных вузов).

Имея перед глазами подобную план-схему, студенты наполняют ее компоненты конкретным содержанием из прочитанного текста, для чего ниже предлагается ряд *типовых заданий*:

Задание 1. По тексту первоисточника «...» сформулируйте фармацевтическую *тему* вашего будущего реферата-резюме.

Тема реферата-резюме:

Задание 2. В процессе чтения текста статьи выделите информацию, необходимую в соответствии с *общим планом-схемой изложения* будущего реферата-резюме (см. выше).

Задание 3. Составьте *план-схему реферата-резюме по прочитанной статье* в соответствии с его композицией и развитием выбранной для реферата темы. Будьте готовы описать эту композицию с помощью *соответствующих клише*.

План-схема реферата-резюме

- I.
- II.
- 1.
 - а).....
 - б).....
 - в).....
 - г).....
- 2.
 - а).....
 - б).....
 - в).....
- III.
 - а).....
 - б).....

Задание 4. Во *вступительной части реферата-резюме* запишите *исходные данные первоисточника* (библиографию).

Фамилия, И.О. автора/-ов. Название статьи / И.О. Фамилия автора/-ов // Название газеты (журнала). – Год издания газеты (журнала). – Номер газеты. – Количество (интервал) страниц статьи.

Задание 5. Прочитайте *вступительную часть текста*. Во *введении реферата-резюме* запишите *тему и проблему* с помощью соответствующих клише. Обратите внимание на *актуальность исследований автора/-ов статьи*, на *сокращения медицинских терминов, названия заболеваний, их аббревиатуры*, которые вы должны отразить вслед за первоисточником.

Задание 6. Опишите далее во *введении реферата-резюме композицию первоисточника* с помощью соответствующих клише: назовите общее количество смысловых частей, из которых состоит анализируемый вами текст. Обратите внимание на наличие/отсутствие иллюстративного материала и *укажите количество иллюстраций, рисунков, таблиц, графиков и т.д.*

Задание 7. Далее в *основной части реферата-резюме* опишите последовательно с помощью соответствующих клише *основные разделы текста*: «*Обоснование исследования*», «*Материалы и методы*», «*Результаты исследования*». Укажите в компрессивной (сжатой) форме *всё то, что связано с интересующей вас в реферате-резюме новой фармацевтической информацией по: цели исследования у автора/-ов, методике применения данного препарата в стационаре и экспериментальных условиях, результатам проведенного лечения (наличие/отсутствие побочных эффектов)*.

Задание 8. В *заключительной части реферата-резюме* на основании прочитанной заключительной информации текста в одном-двух предложениях сформулируйте с помощью соответствующих клише *обобщающий авторский вывод о назначении и эффективности применения данного препарата в изученном/-нных аспекте/-ах действия и перспективах его использования у конкретных пациентов*.

Задание 9. С помощью соответствующих клише оформите *адресацию* в заключительной части *реферата-резюме* с указанием на область применения полученных результатов в работе специалистов и обучаемых ими студентов.

Задание 10. Объедините компоненты заданий 1-9 в *реферате-резюме* по выбранной вами теме и составленному плану. Проверьте свою работу, убедитесь в правильности её оформления, *подчеркните использованные клише и ключевые слова.*

Реферат-резюме

.....

Приведем также на конкретном материале пример ключей для самопроверки студентов, позволяющий осуществлять обязательный контроль их аудиторной / самостоятельной реферативной деятельности и выполняющий определенные справочные функции:

КЛЮЧИ

ЗАДАНИЕ 1. Тема реферата-резюме: «Изучение влияния детоксиканта Энтеросгель на клинические и лабораторные показатели при хронических вирусных гепатитах».

ЗАДАНИЕ 3. План-схема реферата-резюме:

План-схема реферата-резюме

I. *Вводная часть (библиография):* Мороз Л.В., Палий И.Г. Изучение влияния детоксиканта Энтеросгель на клинические и лабораторные показатели при хронических вирусных гепатитах / Л.В. Мороз, И.Г. Палий // Провизор. – 2006. – №5. – С.34-35.

II. *Основная часть*

1. *Введение*

- а) *Тема статьи:* применение энтеросорбента Энтеросгель.
- б) *Проблема:* комплексное лечение пациентов с хроническими вирусными гепатитами В и С с сопутствующим дисбактериозом кишечника.
- в) *Композиция:* 5 смысловых частей.
- г) *Наличие иллюстративного материала:* 2 таблицы.

2. *Основное содержание*

- а) *Объект исследования:* изучение эффективности применения энтеросорбента Энтеросгель в комплексном лечении хронических вирусных гепатитов В и С с дисбактериозом кишечника, определение его влияния на клиническое течение заболевания.
- б) *Методы проведения исследования:* описание применения энтеросорбента Энтеросгель в основной и контрольной группах пациентов с хроническим гепатитом В (ХГВ) и хроническим гепатитом С (ХГС) в курсе лечения.
- в) *Результаты исследования:* применение препарата Энтеросгель при лечении различных видов хронического гепатита обеспечивает обратную динамику клинических и биохимических проявлений болезни; нормализацию биохимических показателей; улучшение показателей биоценоза кишечника в основной группе при отсутствии значительной положительной динамики иммунного статуса в контрольной группе.

III. *Заключение*

- а) *Выводы:* положительное влияние детоксиканта Энтеросгель в комплексной терапии больных с хроническими вирусными гепатитами В и С для устранения эндотоксикоза и регрессии клинических симптомов; нормализация состава микрофлоры кишечника у пациентов с дисбиозом; нормализация иммунного статуса больных с хроническими вирусными гепатитами.

- б) *Адресация:* специалисты медицины и фармации, студенты профильных вузов.

ЗАДАНИЕ 4. Библиография:

Мороз Л.В., Палий И.Г. Изучение влияния детоксиканта Энтеросгель на клинические и лабораторные показатели при хронических вирусных гепатитах / Л.В. Мороз, И.Г. Палий // Провизор. – 2006. – №5. – С. 34-35.

ЗАДАНИЕ 5. Характеристика темы и проблемы первоисточника во вступлении реферата-резюме:

Статья посвящена применению детоксиканта Энтеросгель для лечения хронических вирусных гепатитов В и С при сопутствующем дисбиозе кишечника.

ЗАДАНИЕ 6. Описание композиции первоисточника в реферате-резюме:

Статья содержит введение с описанием проблемы иммунологических нарушений при лечении вирусных гепатитов, осложненных дисбиозом кишечника; цель исследования; разделы «Материалы и методы», «Результаты исследования» с таблицей динамики некоторых показателей иммунного статуса больных, а также выводы.

ЗАДАНИЕ 7. *Фармацевтически значимая информация в основной части реферата-резюме:*

Во введении показана актуальность поиска перспективных препаратов для лечения хронических вирусных гепатитов на примере энтеросорбента Энтеросгель. В качестве цели исследования определено изучение эффективности применения препарата в указанном аспекте действия при сопутствующем дисбиозе кишечника и определение его влияния на клиническое течение заболевания.

В разделе «Материалы и методы» описано, что было обследовано 64 пациента в возрасте 16-45 лет: 30 с хроническим гепатитом В (ХГВ) и 34 с хроническим гепатитом С (ХГС). Пациентов разделили на 2 группы: основную – 33 больных (ХГВ – 14, ХГС – 19), получавших базисное лечение с включением препарата Энтеросгель; и контрольную – 31 больной (ХГВ – 16, ХГС – 15), которым проводилась только базисная терапия. Клинико-лабораторные показатели анализировались перед лечением и через 20 дней терапии, а исследование иммунного статуса проходило до начала и через месяц лечения; состав кишечной микрофлоры изучался до и через неделю после лечения.

В разделе «Результаты исследования» показано, что у всех обследованных были отмечены клинико-лабораторные признаки хронического гепатита. После приема Энтеросгеля наблюдалась значительная обратная динамика клинических и биохимических проявлений болезни и более выраженная нормализация показателей у пациентов основной группы по сравнению с контрольной. Под влиянием Энтеросгеля, как показано в таблице 1, у больных основной группы снижалось содержание бифидобактерий, лактобактерий, клебсиелл, стафилококков. В контрольной группе больных дисбиотические симптомы не изменились во время лечения. В таблице 2 представлены иммунологические показатели до начала лечения и через месяц после восстановления у больных основной группы показателей клеточного иммунитета, отклонений в гуморальном звене иммунитета не было выявлено. У пациентов контрольной группы положительной динамики иммунного статуса не последовало. Во время лечения побочных эффектов при приеме препарата не отмечалось.

ЗАДАНИЕ 8. *Авторский вывод о результатах применения препарата:*

Авторы приходят к выводу, что детоксикант Энтеросгель позитивно влияет на комплексную терапию больных с хроническими вирусными гепатитами В и С: устраняет эндотоксикоз при регрессии всех клинических симптомов; вызывает стойкую нормализацию состава микрофлоры кишечника у пациентов с дисбиозом; нормализует иммунный статус больных с хроническими вирусными гепатитами при хорошей переносимости без побочных эффектов.

ЗАДАНИЕ 9. *Адресация:*

Статья предназначена работникам медицины и фармации, а также студентам профильных вузов.

ЗАДАНИЕ 10. *Полный реферат-резюме с выделением клише и ключевых слов:*

Изучение влияния детоксиканта Энтеросгель на клинические и лабораторные показатели при хронических вирусных гепатитах

Мороз Л.В., Палий И.Г. Изучение влияния детоксиканта Энтеросгель на клинические и лабораторные показатели при хронических вирусных гепатитах / Л.В. Мороз, И.Г. Палий // Провизор. – 2006. – №5. – С. 34-35.

Статья посвящена применению детоксиканта Энтеросгель для лечения хронических вирусных гепатитов В и С при сопутствующем дисбиозе кишечника.

Статья содержит введение с описанием проблемы иммунологических нарушений при лечении вирусных гепатитов с дисбиозом кишечника; цель исследования; разделы «Материалы и методы», «Результаты исследования» с таблицей динамики некоторых показателей иммунного статуса больных, а также выводы.

Во введении показана актуальность поиска перспективных препаратов для лечения хронических вирусных гепатитов на примере энтеросорбента Энтеросгель. В качестве цели исследования определено изучение эффективности применения препарата в указанном аспекте действия при сопутствующем дисбиозе кишечника и определение его влияния на клиническое течение заболевания.

В разделе «Материалы и методы» описано, что было обследовано 64 пациента в возрасте 16-45 лет, в исследование вошли 30 больных с хроническим гепатитом В (ХГВ) и 34 больных с хроническим гепатитом С (ХГС). Пациентов разделили на основную (33 больных: ХГВ – 14, ХГС – 19), получавших базисное лечение с включением препарата Энтеросгель; и контрольную (31 больной: ХГВ – 16, ХГС – 15) только с базисной терапией. Клинико-лабораторные показатели анализировались до и через 20 дней терапии, исследование иммунного статуса проходило до и через месяц после лечения; состав кишечной микрофлоры изучался до и через неделю после лечения.

В разделе «Результаты исследования» показано, что у всех обследованных были отмечены клинико-лабораторные признаки хронического гепатита. Нарушение состава микрофлоры толстой кишки выявили у 53 пациентов (82,8%). После приема Энтеросгеля в основной группе была отмечена более значительная обратная динамика клинических и биохимических проявлений болезни: симптомы интоксикации на 20-й день лечения наблюдались у 8 пациентов основной группы и у 15 больных контрольной группы; достоверных отличий уменьшения размеров печени и селезенки у больных обеих групп не выявили. По биохимическим показателям

также отмечалась более выраженная нормализация показателей у пациентов основной группы по сравнению с контрольной. Под влиянием Энтеросгеля, как показано в таблице 1, у больных основной группы отмечалось сниженное содержание бифидобактерий, лактобактерий, грибов рода *Candida*, клебсиелл, стафилококков. В контрольной группе больных дисбиотические симптомы не изменились во время лечения. В таблице 2 представлены иммунологические показатели до начала лечения и через месяц после восстановления у больных основной группы показателей клеточного иммунитета, отклонений в гуморальном звене иммунитета не было выявлено. У пациентов контрольной группы положительной динамики иммунного статуса не последовало. Во время лечения побочных эффектов при приеме препарата не отмечалось.

Авторы приходят к выводу, что детоксикант Энтеросгель позитивно влияет на комплексную терапию больных с хроническими вирусными гепатитами В и С: устраняет эндотоксикоз при регрессии всех клинических симптомов; вызывает стойкую нормализацию состава микрофлоры кишечника у пациентов с дисбиозом; нормализует иммунный статус больных с хроническими вирусными гепатитами при хорошей переносимости без побочных эффектов.

Статья предназначена для работников медицины и фармации, а также для студентов профильных вузов.

Таким образом, при составлении реферата-резюме студенты-фармацевты логически и творчески передают без оценки и интерпретаций основное содержание аутентичного первоисточника, кратко определяют его идею, обеспечивают достаточное представление о предмете коммуникации в иноязычной компетенции. Индикативное реферирование является рациональным приемом обработки содержания текста, поэтому в практике обучения следует использовать тренировочные упражнения на выделение ключевых слов и предложений; отвечать на конкретизирующие вопросы, способствующие обобщению текста; упрощать структуру сложных распространенных предложений; обобщать содержание и выделять главную микротему каждого абзаца; особое внимание полезно уделить составлению логического плана текста; текст же, в свою очередь, должен быть разделен на введение, главную часть и заключение. В процессе реферативного чтения эффективны задания по расчленению текста на смысловые отрывки и подбору заголовков к ним, а также по сокращению текста за счет исключения дополнительной/распространяющей информации. Смысловая компрессия при этом обеспечивается различными формами перифразирования.

Библиографический список

1. Вейзе А.А. Чтение, реферирование и аннотирование иностранного текста: учебное пособие. М., 1985. 127 с.
2. Глухов Г.В., Комарова С.С. Лингвистическая компрессия и импликация // Слово – высказывание – дискурс. Самара: Изд-во Самарского университета, 2004. С. 46-51.
3. Колесникова Н.И. От конспекта к диссертации: учебное пособие по развитию навыков письменной речи. М.: Флинта; Наука, 2002. 288 с.
4. Корнеева М.С. Учебное пособие по развитию навыков аннотирования и реферирования для студентов старших курсов. М.: МГУ, 1993. 72 с.
5. Пособие по научному стилю речи: учебное пособие. М.: Флинта, 2004. 315 с.
6. Пособие по научному стилю речи для иностранных студентов 3-4 курсов медико-фармацевтического профиля / Н.Н. Филянина, В.В. Цыганенко, Т.В. Крысенко и др. Харьков: НФаУ, 2011. 424 с.
7. Туницкая Е.Л. Явление грамматической перифразы и трансформации при переформулировании дискурса (лингвистический и лингводидактический аспекты) // Вопросы филологических наук. 2010. №5 (45). С. 50-54.
8. Цыганенко В.В. Использование лингвистических характеристик реферата при обучении письменному стилю речи иностранных студентов-нефилологов // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. Харьков, 2010. №1-2 (42). С.108-112.
9. Цыганенко В.В., Гаврюшенко Т.В. Лингвистические характеристики реферата при обучении письменному стилю речи иностранных студентов-нефилологов // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. Ч. II. Екатеринбург, 2014. С. 139-148.

10. Цыганенко В.В. Реферирование как вид самостоятельной работы иностранных студентов на старших курсах // Проблемы и перспективы подготовки иностранных студентов в вузах. Харьков, 2014. С. 266-271.

11. Цыганенко В.В. Реферирование: наилучший путь к изучению научной информации // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Вып. №2 (21). 2016. С. 73 - 78.

12. Цыганенко В.В. Реферирование иностранных студентов на старших курсах // Проблемы викладання російської наукової лексики студентам-іноземцям. Харків, 2017. С. 79-82.

13. Цыганенко В.В. Методика составления реферата-обзора при обучении иностранных студентов русскому языку на старших курсах // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. №4 (31). 2018. С. 53-57.

References

1. Veise A.A. Reading, abstracting and annotating of a foreign text: a course book. Moscow, 1985. 127 p.

2. Glukhov G.V., Komarova S.S. Linguistic compression and implication // Word - utterance - discourse. Samara, 2004. P. 46-51.

3. Kolesnikova N.I. From abstract to dissertation: a course book on the development of writing skills. Moscow, 2002. 288 p.

4. Korneeva M.S. A course book on the development of annotation and abstracting skills for senior students. Moscow State University, 1993. 72 p.

5. A course book on the scientific style of speech. Moscow, 2004. 315 p.

6. A course book on the scientific style of speech for international students of 3d-4th years of medical and pharmaceutical profile / N.N. Filyanina, V.V. Tsyganenko, T.V. Krysenko etc. Kharkov: National Pharmaceutical University, 2011. 424 p.

7. Tunitskaya E.L. The phenomenon of grammatical periphrase and transformation in the reformulation of discourse (linguistic and linguodidactic aspects) // The issues of philological sciences. 2010. Vol. 5 (45). P. 50-54.

8. Tsyganenko V.V. The usage of linguistic characteristics of an abstract in teaching international students of non-philological qualifications the written style of speech // Russian Philology. The Bulletin of the Kharkov National Pedagogical University. Kharkov, 2010. Vol. 1-2 (42). P. 108-112.

9. Tsyganenko V.V., Gavryushenko T.V. Linguistic characteristics of an abstract in teaching international students of non-philological qualifications the written style of speech // The relevant problems of German, Romanic and Russian studies. Part II. Yekaterinburg, 2014. P. 139-148.

10. Tsyganenko V.V. Abstracting as a type of independent work of international students in senior courses // The problems and prospects of teaching international students at universities. Kharkov, 2014. P. 266-271.

11. Tsyganenko V.V. Referencing: the best way to the study of scientific information // Scientific Bulletin of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series "Linguistics and Intercultural Communication". Vol. №2 (21). 2016. P. 73 - 78.

12. Tsyganenko V.V. Review of international students in senior courses // The problems of publication of Russian science vocabulary for international students. Kharkov, 2017. P. 79-82.

13. Tsyganenko V.V. Methods of preparing an abstract-review when teaching international students Russian language in advanced courses // Relevant problems of modern philology and journalism. Vol. 4 (31). 2018. P. 53-57.

УДК 37.013
DOI 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.006

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков по
техническим направлениям
института гуманитарного образования
Дубских А.И.
Россия, г. Магнитогорск,
тел. +7-982-105-54-84,
e-mail: lina_masu@mail.ru*

*Nosov Magnitogorsk State
Technical University
The Institute of Humanities
The Foreign Languages for Engineering Chair

PhD, associate professor
Dubskikh A.I.
Russia, Magnitogorsk,
tel. +7-982-105-54-84,
e-mail: lina_masu@mail.ru*

А.И. Дубских

ПРЕДМЕТНО-ЯЗЫКОВОЕ ИНТЕГРИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ: ПРЕИМУЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, расширение международных связей в области экономики, науки, культуры и образования сделало владение иностранным языком одним из ключевых компонентов профессиональной компетентности специалиста. Иностранный язык в вузе превращается из просто дисциплины в инструмент получения профессиональной информации. Предметно-языковое интегрированное обучение (Content and Language Integrated Learning – CLIL) представляет один из целесообразных способов, позволяющих успешно устанавливать связи между профилирующими дисциплинами, а также осуществлять эффективную подготовку будущего специалиста к ведению профессионального общения с коллегами на иностранном языке, что и определяет актуальность нашей работы. В статье описываются принципы предметно-языкового интегрированного обучения, его преимущества и проблемы использования в учебном процессе. Цель статьи – определить влияние CLIL на улучшение изучения учащимися лексики и выяснить, есть ли разница между прогрессом студентов, применявших CLIL на занятиях, и теми, кто опирался на традиционные методы. Для проведения исследования были отобраны студенты, которые прошли обучение в экспериментальной и контрольной группах. Студенты экспериментальной группы активно использовали методы CLIL. Результаты показали, что студенты экспериментальной группы демонстрируют более высокий уровень квалификации и более высокую коммуникативную компетентность, чем их сверстники. Однако в процессе использования методики CLIL и преподаватели, и учащиеся столкнулись с рядом трудностей. Тем не менее автор приходит к выводу, что у CLIL есть потенциал для лучшего понимания профессионального контента при изучении иностранного языка. Полученными выводами могут воспользоваться преподаватели, методисты, исследователи, разработчики образовательных программ.

Ключевые слова: иностранный язык, предметно-языковое интегрированное обучение (CLIL), междисциплинарное сотрудничество, развитие профессиональной и иноязычной компетенции, мотивация, трудности внедрения.

A.I. Dubskikh

CONTENT AND LANGUAGE INTEGRATED LEARNING IN FOREIGN LANGUAGE TO STUDENTS OF NON-LINGUISTIC SPECIALTIES: ADVANTAGES AND PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

The rapid development of information and communication technologies, the expansion of international ties in the field of economy, science, culture and education have made foreign language knowledge one of the key components in a specialist's professional competence. Foreign language in the university is transformed from simply discipline into a tool for obtaining professional information. Content and Language Integrated Learning (CLIL) is one of the most expedient ways to successfully establish links between majoring disciplines, as well as effectively prepare a future specialist to conduct professional communication with colleagues in a foreign language, which determines the relevance of our work. The article describes the principles of students' Content and Language Integrated Learning, their advantages and problems of implementation. The purpose of the article is to determine the impact of CLIL on improving students' study of vocabulary and to find out if there is a difference between the progress in students' using CLIL in classes and those who have relied on traditional methods. The study selected students who were trained in experimental and control groups. Students in the experimental group actively used CLIL methods. The results showed that students in this experimental group demonstrate higher skill levels and higher communicative competence than their peers. However, in the process of using the CLIL methodology, both teachers and students faced a number of difficulties. The author concludes that CLIL has the potential to better understand professional content through foreign language learning. These results can be used by teachers, methodologists, researchers, and developers of educational programs.

Key words: Foreign language, Content and Language Integrated Learning (CLIL), interdisciplinary cooperation, development of professional and foreign language competence, motivation, difficulties of implementation.

В настоящее время методика CLIL пользуется популярностью во всем мире в своей междисциплинарной форме. Ее основополагающие принципы были рассмотрены в работах Д. Марша и других исследователей. Она предполагает «предметно-языковое интегрированное обучение», направленное на образовательный контент, полученный путем интеграции двух или более дисциплин [1; 2; 3].

CLIL имеет ряд отличительных особенностей. Первая из них – интеграция языка и профессиональных дисциплин. В CLIL эти два элемента переплетены и имеют одинаковое значение, хотя акцент может изменяться в зависимости от конкретного случая. Цель состоит в том, чтобы развивать знание обеих сторон, обучая содержанию не на, а с иностранным языком и через него. Вторая дистинктивная характеристика – гибкость CLIL. Модели CLIL варьируются от тематических языковых модулей до межпрограммных подходов, при которых предмет содержания изучается на иностранном языке.

В основе методики CLIL лежит модель 4C. Модель 4C представляет собой целостный подход, в рамках которого интегрированы Content, Communication, Cognition, Culture/Citizenship (содержательный, коммуникативный, когнитивный и культурный компоненты) [1].

CLIL обеспечивает учащимся более богатую естественную среду, которая способствует эффективному изучению языков [4]. CLIL также инспирирует освоение контента, помогая когнитивному развитию учащихся, признавая язык важным инструментом обучения [1; 5]. Наконец, CLIL также содействует более глубокому межкультурному взаимопониманию и лучше готовит учащихся к интернационализации [6]. По сути, CLIL является динамической единицей, обеспечивающей образование, выходящее за рамки изучения языка, предмета и содержания [1].

CLIL учитывает как содержательный, так и языковой аспекты обучения. Кроме того, создавая аутентичный коммуникативный контекст, CLIL обеспечивает естественную среду, где язык может быть легче освоен, одновременно с получением информации по профилирующим предметам [4]. Наконец, CLIL также обеспечивает тщательный анализ лингвистических требований, предъявляемых к студентам. Лучшим примером этого является модель Койла, рассматривающая язык в трех направлениях: язык как инструмент познания (language of learning), язык как средство общения (language for learning), язык как предмет изучения (language through learning) [6].

В России CLIL только набирает популярность. Однако уже появился ряд работ, рассматривающих особенности использования CLIL в образовательном процессе, а также проблемы и трудности на пути этого.

Так, Л.П. Халяпина проводит тщательный анализ существующих моделей внедрения CLIL в вузах России. Автор приходит к выводу, что одним из основополагающих принципов данного подхода является опора на междисциплинарные связи [7]. При этом интеграция нескольких предметов в рамках одного курса предполагает не просто соединение частей, а их взаимодействие, взаимовлияние и взаимопроникновение, формирующие синергетический эффект.

А.Г. Соломатина отмечает, что контент дисциплины «Иностранный язык для профессиональных целей» должен отражать направление и профиль обучения [8; с. 50]. Она также приводит пример интегрированного курса «Иностранный язык для профессиональных целей» для студентов направления подготовки 35.03.05 «Садоводство» [8; с. 53-54].

Л.Л. Салехова в своей работе рассматривает особенности обучения, основанного на билингвальном принципе, а также знакомства с профессиональным контентом на иностранном языке. Она определяет CLIL как эффективную среду для развития мыслительных способностей учащихся. Автор анализирует дидактический потенциал интеграции трех языков – русского, татарского и английского и языка математики для эволюции когнитивных возможностей учащихся [9].

Э.Г. Крылов, рассматривая специфику условий работы современных инженеров, дает характеристику содержанию иноязычной и профессиональной компетенции. Он также предлагает авторскую методику по развитию билингвального профессионального лексикона студентов [10].

Исследование О.В. Кисель описывает эффективность использования CLIL при работе с профессионально-ориентированными текстами [11; с. 381].

О.Ю. Левченко указывает на необходимость проведения интегрированных уроков, в которых будут совмещаться знания из разных дисциплин, возникающие при этом межпредметные связи будут направлены на решение разнообразных задач [12; с. 29].

Е.В. Родионова рассматривает методологическую базу CLIL, которую составляют: междисциплинарная интеграция, «теория двух порогов», модель 4(5) C, теория Basic Interpersonal Communicative Skills / Cognitive Academic Language Proficiency, таксономия когнитивных умений В. Bloom, компетентностный подход к образованию [13; с. 41-42].

CLIL может использоваться в различных областях преподавания, в том числе для изучения вокабуляра, так как лексика является общим ядром для работы с другими аспектами преподавания языка, такими, как чтение, письмо, говорение и аудирование. Знание учащимися лексикона имеет большое значение. Однако изучение лексики традиционным способом в современных реалиях малоэффективно, так как часто, когда речь заходит о реальном понимании содержания и сохранении лексики в активном лексиконе, у большинства студентов возникают большие трудности. Изучающие иностранные языки должны уметь понимать контекст и высказываться по теме.

Ряд работ посвящен использованию методики CLIL для обучения лексике. Так, исследование финских ученых Р. Мерикиви и П. Паиви показало, что изучение лексики с применением CLIL требует от студентов более частого использования изучаемого языка с дальнейшей лексической активацией. Выяснилось, что учащиеся в CLIL вкладывали больше усилий в освоение лексики в целом [14].

М. Ксантоу использовала метод CLIL для преподавания лексики и выявила, что он предоставляет возможность для укрепления взаимосвязи между семантической и синтаксической формой слова и его морфо-фонологической формой. Если говорить более конкретно, то CLIL активизирует имеющиеся знания учащихся и предоставляет им возможность изучать лексику в контексте [15].

Исследования Н. Рингбом свидетельствуют о том, что использование содержательного и понятного языка способствует углублению лексических знаний. Автор приходит к выводу, что аутентичный, насыщенный содержанием язык делает обучение более эффективным. Следовательно, CLIL может улучшить изучение лексики посредством контекстных подсказок в текстах с профессионально значимой информацией [16].

С. Ротт подчеркивал, что CLIL позволяет рассматривать ту или иную тему в течение длительного периода времени, что делает возможным знакомство и закрепление новой лексики с помощью разъяснений, обоснований и т.д. с положительными результатами [17].

К. Муноз отмечает, что студенты, занимающиеся с опорой на принципы CLIL, демонстрируют более высокую уверенность в собственных возможностях. Это побуждает их использовать более разнообразную лексику, говорить больше и больше рисковать с точки зрения употребления слов и фраз [18].

Опираясь на исследования зарубежных ученых и опыт отечественных педагогов, преподаватели кафедры иностранных языков по техническим направлениям Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова провели эксперимент с целью выявления влияния CLIL на словарные показатели студентов неязыковых направлений. В эксперименте приняли участие студенты второго курса. Были сформированы экспериментальная и контрольная группы. Студенты экспериментальной группы активно использовали методы CLIL (знакомство с лексической функцией и лексическими структурами, использование контекстных подсказок). Кроме того, в процессе обучения проводились занятия в игровой форме, создавались цифровые истории, применялись интеллект-карты, плакаты, различные способы визуального представления материала (диаграммы и другие графические организаторы), чтобы предметный контент стал понятным. Контрольная группа изучала единицы с помощью традиционного метода обучения лексике (лексические определения, синонимы, антонимы, перевод слов).

Для оценки своих лексических знаний в начале исследования участникам был дан предварительный тест, разработанный преподавателями кафедры иностранных языков по техническим направлениям при активной консультации со стороны преподавателей-предметников с профильных кафедр. Он состоял из 60 вопросов с множественным выбором и был посвящен распознаванию лексики и информации по профильным предметам. На выполнение теста было выделено 60 минут. Пост-тест представлял собой модифицированный вариант предварительного теста с тем же содержанием, но другим порядком следования вопросов, чтобы избежать напоминания студентам. Пост-тест был необходим для выявления активных словарных знаний по профильным дисциплинам у участников и призван продемонстрировать, есть ли эффект от использования CLIL.

Для определения влияния использования CLIL на изучение лексики учащимися был использован параметрический статистический метод анализа данных. Показатели выявили незначительную разницу в предварительных тестах, выполненных обеими группами. Тем не менее, разница результатов между пост-тестами обеих групп весьма существенна. Другими словами, экспериментальная группа превзошла контрольную.

Таким образом, результаты показали, что CLIL является успешной педагогической технологией, позволяющей эффективно улучшить словарный запас учащихся, а также получать знания по профильным дисциплинам, что способствует повышению мотивации учащихся к изучению языка, увеличению их когнитивных способностей.

Однако в ходе эксперимента был выявлен ряд трудностей и проблем, препятствующих эффективному внедрению методики CLIL в учебный процесс.

Как справедливо отмечает А.Г. Соломатина, отсутствует пересечение тематического контента дисциплины «Иностранный язык для профессиональных целей» с содержанием изучаемой специализации [8; с. 50]. Как нам видится, для устранения данной проблемы необходимо организовать плодотворное сотрудничество между преподавателями иностранного языка и преподавателями-предметниками. Это взаимодействие может осуществляться по нескольким направлениям. Во-первых, знакомство преподавателей кафедр иностранного языка с рабочими программами дисциплин профилирующих кафедр с последующим посещением практических и лабораторных занятий. Во-вторых, предлагать студентам приготовить проекты презентации на иностранном языке о каких-либо аспектах изучаемой ими профильной дисциплины. На занятие, посвященное защитам проектов приглашать преподавателей-предметников. Чтобы им было понятно содержание, поручить нескольким студентам исполнять роль переводчика. В конце занятия провести совместное обсуждение соответствия

представленного студентами материала содержанию профильной дисциплины. Затем совместно определить список тем для учебно-методического обеспечения курса иностранного языка. Кроме того, необходимо взаимодействие преподавателей кафедр иностранного языка с преподавателями профилирующих кафедр и в направлении научно-исследовательской работы студентов: обсуждение профессиональных терминов, аутентичной литературы, необходимой студентам для написания научных статей на иностранном языке по изучаемой специализации, а также аннотаций своих будущих выпускных квалификационных работ. Результатом подобного взаимодействия может стать создание электронных образовательных ресурсов по профессиональному языку, а также банка данных с мультимедийным материалом, фондом оценочных средств, лабораторных работ и т.п.

Каждый новый педагогический опыт является вызовом для преподавателя, требующим повышения квалификации педагогов. Иногда случается, что преподаватели, использующие методику CLIL, не владеют достаточно широким спектром приемов, чтобы поместить предметное содержание в обучение языку. Эта проблема усугубляется тем фактом, что преподаватели профильных предметов отказываются признавать, что их дисциплины также являются местом для развития иноязычной компетенции, а не только для получения профессиональных навыков [19].

По мнению одного из ведущих специалистов Европы в области двуязычного образования и подготовки преподавателей, профессора Виктора Павона, применение преподавателями CLIL подразумевает кардинальную модификацию знаний, умений и навыков самих преподавателей [20].

Для достижения данной цели необходимо, на наш взгляд, не только тесное сотрудничество преподавателей иностранного языка и преподавателей профилирующих предметов, но и прохождение ими курсов повышения квалификации и профессиональной переподготовки [21]. В институте дополнительного профессионального образования и кадрового инжиниринга МГТУ «Горизонт» представлен широкий спектр подобных программ. Также получившее большое распространение открытое образование, дистанционные курсы предоставляют возможность повысить свою квалификацию.

Кроме того, в ходе эксперимента было установлено, что студенты, обучающиеся с опорой на методику CLIL, в значительной степени превосходят своих сверстников, не использующих CLIL, в восприятии информации на слух и чтении, богатстве словарного запаса, но реже в произношении, умении грамотно оформлять мысли в письменной форме. Это объясняется тем, что на занятиях с применением CLIL в большинстве случаев коррекции подвергаются лексические ошибки, в то время как исправление грамматических ошибок является менее частотным и последовательным. Для решения этой проблемы рекомендуется давать студентам задания, направленные на развитие навыков письменной речи (составление краткого конспекта лекций, написание эссе по тематике профильной дисциплины и т. п.).

В.В. Гузикова также отмечает, что в условиях ситуативного иноязычного общения обучающиеся не всегда способны продемонстрировать необходимый уровень знаний в различных сферах профессиональной деятельности, не владея достаточным уровнем знаний иностранного языка. Это приводит к невозможности общения на профессиональные темы [22; с. 171-172].

В таких обстоятельствах необходимо стимулировать речевую деятельность студентов, предоставляя им как можно больше времени для устных высказываний (STT – Student Talking Time) и сокращая количество времени, когда преподаватель занимает активную позицию говорящего (TTT – Teacher Talking Time). Особенно это важно на этапе, когда учащиеся демонстрируют прогресс в развитии языковых и профессиональных компетенций, достигнутый с помощью методики CLIL.

Также рекомендуется использовать различные формы организации аудиторной и внеаудиторной работы, актуализирующие когнитивную активность студентов, например, организацию и проведение международной научно-практической конференции на иностранном языке с последующей публикацией сборника научных статей.

Так, планируя подобное мероприятие для студентов технических направлений, необходимо принять во внимание ряд обстоятельств:

- тематика докладов должна пересекаться с выбранным студентами профилем обучения;
- обучающиеся должны уметь ориентироваться в сведениях о достижениях мировой науки и техники, этапах научно-технического прогресса, выдающихся личностях, совершивших научные открытия, а также в особенностях речевого поведения и делового этикета;
- предлагаемые студентам темы исследования должны носить интегративный характер и быть направленными на изучение проблем из смежных областей знания.

При работе над докладами создаются условия для всех видов речевой деятельности, студенты расширяют свой кругозор, границы владения иностранным языком, получают опыт его практического использования. Студенты работают со справочной литературой, словарями, мультимедийными технологиями. Они учатся видеть, ставить и формулировать проблему, отбирать необходимую информацию, исходя из темы доклада. При этом развивается их конструктивное критическое мышление, которому трудно научить при обычной аудиторной форме занятий.

Помимо самого исследования по выбранной теме, студенты готовят устное выступление, а также занимаются переводом статьи для сборника конференции, написанием аннотации на изучаемом иностранном языке. Все это способствует развитию общекультурных и профессиональных компетенций, повышению коммуникативной культуры, уровня общего развития, развитию толерантности, творческих способностей личности студента, созданию условий для дальнейшего профессионального взаимодействия.

Таким образом, проведенное исследование показало, что методика CLIL является не просто удобным ответом на вызовы современного общества, это своевременное и эффективное решение, которое согласуется с широкими социальными запросами.

CLIL с его интеграцией языкового и профессионального содержания может повысить мотивацию студентов, предоставляя аутентичный контекст для использования языка. В CLIL язык становится и средством, и целью обучения. Это приводит к снижению тревожности учащихся из-за боязни допустить ошибки. Студенты учат язык не для будущих гипотетических ситуаций, а чтобы уметь применять полученные знания для решения конкретных задач, связанных с освоением выбранной специальности [13].

У студента формируется комплекс знаний, включающий владение иноязычной и инфокоммуникационной компетенциями, а также межпредметными знаниями по выбранному профилю подготовки.

Результаты исследования показали, что экспериментальная группа, использовавшая метод CLIL на занятиях, превзошла контрольную группу на значительном уровне. Анализ данных показал существенную разницу между этими двумя группами в пост-тесте, являвшимся модифицированным вариантом предварительного. Экспериментальная группа продемонстрировала высокий уровень владения лексикой в пост-тесте. Это свидетельствует о важной роли метода CLIL в успеваемости учащихся.

В изучении иностранного языка важную роль играет лексика. Невозможно выучить язык без изучения лексики этого языка и понимать информацию по профилирующим предметам на иностранном языке, не зная его. Поэтому изучение лексики является основополагающим для реализации методики CLIL. Для успешного общения на иностранном языке студенты должны не только хорошо владеть лексикой, но и знать, как ее использовать.

Изучение тем дисциплин различных направлений подготовки помогает процессу освоения специальной терминологической лексики, конкретных конструкций иностранного языка, способствуя расширению лексического запаса обучающихся, а также помогает релевантному изучению и использованию приобретенных знаний и умений в дальнейшем.

Междисциплинарная интеграция знаний в методике CLIL, несомненно, может привести к повышению уровня успеваемости студентов. Однако для того, чтобы принципы CLIL в полной мере реализовали свой потенциал, следует устранить напряженность между содержанием профильных предметов и иноязычными речевыми навыками и умениями студентов. Необходимы как теоретические, так и практические корректировки, с тем чтобы CLIL мог в полной мере способствовать сбалансированному и непрерывному лингвистическому развитию учащихся.

Библиографический список

1. Coyle D. Content and language integrated learning / D. Coyle, P. Hood, D. Marsh. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 152 p.
2. Marsh D. Content and Language Integrated Learning: The European Dimension – Actions, Trends and Foresight Potential. Cambridge University Press 2002. 552 p.
3. Marsh D., Mehisto P., Wolff D., Frigols M.J. The European Framework for CLIL Teacher Education. Graz: European Centre for Modern Languages, 2010.
4. Lightbown P., Spada N. How Languages are Learned. 3rd Edition. Oxford: Oxford University Press, 2006. 272 p.
5. Dalton-Puffer C. “Outcomes and processes in CLIL: current research from Europe”, in Delanoy, W. and Volkman, L. (eds.), Future Perspectives for English Language Teaching. Heidelberg: Carl Winter, 2008.
6. Coyle D. Content and language integrated learning: Towards a Connected Research Agenda for CLIL Pedagogies // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2007. 10(5). P. 543-562.
7. Халяпина Л.П. Современные тенденции в обучении иностранным языкам на основе идей предметно-языкового интегрированного обучения (CLIL) // Вопросы методики преподавания в вузе. 2017. Т. 6. № 20. С. 46-52.
8. Соломатина А.Г. Обучение иностранному языку для профессиональных целей на основе модели интегрированного предметно-языкового обучения в аграрном вузе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. № 173. С. 49-57.
9. Салехова Л.Л. Дидактическая модель билингвального обучения математике в высшей педагогической школе: дис... д-ра пед. наук. Казань. 2008. 447 с.
10. Крылов Э.Г. Интегративное билингвальное обучение иностранному языку и инженерным дисциплинам в техническом вузе: дис... д-ра пед. наук. Екатеринбург. 2016. 450 с.
11. Кисель О.В. Обучение чтению на основе профессионально-ориентированных текстов // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: тезисы докладов 77-й международной научно-технической конференции. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2019. Т. 2. С. 380-381.
12. Левченко О.Ю. Некоторые особенности современного урока иностранного языка // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 3 (34). С. 26-32.
13. Родионова Е.В. Методологические основы предметно-языкового интегрированного обучения в высшей школе // Наука и перспективы. 2018. № 4. С. 40-52.
14. Merikivi R., Paivi P. Vocabulary in CLIL and in mainstream education // Journal of Language Teaching and Research. 2014. № 5 (3). P. 487-497.
15. Xanthou M. (2010). Current trends in L2 vocabulary learning and instruction: Is CLIL the right approach? University of Cyprus. Advances in research on language acquisition and GALA teaching: Selected papers. URL: <http://www.enl.auth.gr/gala/14th/Papers/English%20papers/Xanthou.pdf> (дата обращения 10.01.2020).
16. Ringbom H. Review of recent applied linguistic research in Finland and Sweden, with specific reference to foreign language learning and teaching // Language Teaching. 2012. № 45 (4). P. 490-514.
17. Rott S. The effect of exposure frequency on intermediate language learners' incidental vocabulary acquisition and retention through reading // Studies in Second Language acquisition. 1999. № 21. P. 589-619.
18. Munoz C. The Association between aptitude components and language skills in young learners in M. Pawlak and L. Aronin(Eds) // Essential topic in applied linguistics and multilingualism. Heidelberg: Springer. 2014. P. 51-68.
19. Mehisto P. CLIL counterweights: recognising and decreasing disjuncture in CLIL // International CLIL Research Journal. 2008. № 1;1. P. 93-120.
20. Pavón V., Ellison M. Examining Teacher Roles and Competences in Content and Language Integrated Learning (CLIL) // LINGVARVMARENA. 2013. Vol. 4. P. 65-78.
21. Зеркина Н.Н., Кисель О.В. Подходы, формы и методы обучения взрослых // Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества: сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2018. С. 71-74.

22. Гузикова В.В. Предметно-языковое интегрированное обучение как методика активизации процесса обучения иностранному языку // Научный компонент. 2019. № 2 (2). С. 169-173.

References

1. Coyle D. Content and language integrated learning / D. Coyle, P. Hood, D. Marsh. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 152 p.
2. Marsh D. Content and Language Integrated Learning: The European Dimension – Actions, Trends and Foresight Potential. Cambridge University Press 2002. 552 p.
3. Marsh D., Mehisto P., Wolff D., Frigols M.J. The European Framework for CLIL Teacher Education. Graz: European Centre for Modern Languages, 2010.
4. Lightbown P., Spada N. How Languages are Learned. 3rd Edition. Oxford: Oxford University Press, 2006. 272 p.
5. Dalton-Puffer C. “Outcomes and processes in CLIL: current research from Europe”, in Delanoy, W. and Volkman, L. (eds.), Future Perspectives for English Language Teaching. Heidelberg: Carl Winter, 2008.
6. Coyle D. Content and language integrated learning: Towards a Connected Research Agenda for CLIL Pedagogies // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2007. 10(5). P. 543-562.
7. Halyapina L.P. Current trends in teaching foreign languages based on ideas of content and language integrated learning (CLIL) // Teaching Methodology in Higher Education. 2017. Vol. 6. No. 20. P. 46-52.
8. Solomatina A.G. Teaching a foreign language for professional purposes course on the basis of the model of content and language integrated learning in an agricultural institution // Tambov University Review. Series Humanities. 2018. Vol. 23. No. 173. P. 49-57.
9. Salehova L.L. Didactic Model of Bilingual Mathematics Education at Higher Pedagogical School (doctoral dissertation). Kazan. 2008. 447 p.
10. Krylov E.G. Integrative bilingual training in foreign language and engineering disciplines at a technical university (doctoral dissertation). Yekaterinburg. 2016. 450 p.
11. Kisel O.V. Professionally-oriented reading training // Important Problems of Today's Science, Engineering and Education: abstracts of the 77th international scientific and technical conference. Vol. 2. Magnitogorsk: Nosov Magnitogorsk State Technical University Publ., 2019. P. 380-381.
12. Levchenko O.Y. Some features of the modern lesson of a foreign language // Actual issues of modern philology and journalism. 2019. No. 3 (34). P. 26-32.
13. Rodionova E.V. Methodological basis of content and language integrated learning in higher education // Science and prospects. 2018. No. 4. P. 40-52.
14. Merikivi R., Paivi P. Vocabulary in CLIL and in mainstream education // Journal of Language Teaching and Research. 2014. № 5 (3). P. 487-497.
15. Xanthou M. (2010). Current trends in L2 vocabulary learning and instruction: Is CLIL the right approach? University of Cyprus. Advances in research on language acquisition and GALA teaching: Selected papers. URL: <http://www.enl.auth.gr/gala/14th/Papers/English%20papers/Xanthou.pdf> (дата обращения 10.01.2020).
16. Ringbom H. Review of recent applied linguistic research in Finland and Sweden, with specific reference to foreign language learning and teaching // Language Teaching. 2012. № 45 (4). P. 490-514.
17. Rott S. The effect of exposure frequency on intermediate language learners' incidental vocabulary acquisition and retention through reading // Studies in Second Language acquisition. 1999. № 21. P. 589-619.
18. Munoz C. The Association between aptitude components and language skills in young learners in M, Pawlak and L. Aronin(Eds) // Essential topic in applied linguistics and multilingualism. Heidelberg: Springer. 2014. P. 51-68.
19. Mehisto P. CLIL counterweights: recognising and decreasing disjuncture in CLIL // International CLIL Research Journal. 2008. № 1;1. P. 93-120.
20. Pavón V., Ellison M. Examining Teacher Roles and Competences in Content and Language Integrated Learning (CLIL) // LINGVARVMARENA. 2013. Vol. 4. P. 65-78.
21. Zerkina N.N., Kisel O.V. Approaches, Forms and Methods of Adult Education // Education, Innovation, Research as a resource for community development: collection of Materials of the II International Scientific and Practical Conferenc. Cheboksary: Sreda Publ., 2018. P. 71-74.
22. Guzikova V. V. Content and language integrated learning as a methodology of activating the process of foreign language teaching // Scientific component. 2019. No. 2 (2). P. 169-173.

УДК 37.018
DOI 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.008

*Военный учебно-научный центр
Военно-воздушных сил «Военно-воздушная
академия имени профессора
Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
кандидат филологических наук
старший преподаватель кафедры
иностранных языков
Малыхина Н.И.
Россия, г. Воронеж, тел.: 8-908-136-73-27
e-mail: kni.07@mail.ru
Воронежский государственный университет,
кандидат филологических наук
доцент кафедры английского языка
естественнонаучных факультетов
факультета романо-германской филологии
Шишкина Н.М.
Россия, г. Воронеж, тел.: 8(473) 2-208-395
e-mail: shishknat@mail.ru*

*Military Education and Scientific Centre of the
Air Force “N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin
Air Force Academy”*

*Candidate of Philological Sciences,
Senior Teacher of Chair of foreign languages*

*Malykhina N.I.
Russia, Voronezh, tel.: 8-908-136-73-27
e-mail: kni.07@mail.ru*

*Voronezh State University
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of English Chair for
Science Departments*

*Shishkina N.M.
Russia, Voronezh, tel.: 8(473) 2-208-395
e-mail: shishknat@mail.ru*

Н.И. Малыхина, Н.М. Шишкина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАЛЕНДАРЯ ПАМЯТНЫХ ДАТ КАК СПОСОБ ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена вопросам организации учебно-воспитательной деятельности обучающихся по созданию патриотического сознания на базе использования календаря памятных дат в процессе иноязычной подготовки в высшем учебном заведении. Для воспитания патриотизма и духовно-нравственного развития обучающихся авторы предлагают использование активных форм организации различных мероприятий на занятиях по иностранному языку, посвященных памятным датам. Рассматриваются наиболее часто применяемые формы работы с использованием календаря памятных дат. В качестве примера предлагается использование таких активных форм учебно-воспитательной деятельности, как викторина, беседа, интервью и презентации, посвященные 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Использование календаря памятных дат на занятиях по иностранному языку способствует формированию патриотизма, уважения к Отечеству и государственным праздникам России, а также созданию развивающей образовательной атмосферы и формированию познавательной позиции обучающихся. Применение технологий активного обучения на основе календаря памятных дат позволяет разнообразить не только учебную деятельность обучающихся, но и педагогическую деятельность преподавателя, направленную на патриотическое воспитание и формирование гражданской позиции молодого поколения.

Ключевые слова: календарь памятных дат, патриотическое воспитание, обучение иностранному языку, викторина, беседа, интервью.

N.I. Malykhina, N.M. Shishkina

USING THE CALENDAR OF MEMORABLE DATES AS A WAY TO FOSTER PATRIOTISM IN THE PROCESS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

The article is devoted to the organization of educational activities of students to create patriotic consciousness based on the use of a calendar of memorable dates in the process of teaching a foreign language at a higher educational institution. To foster patriotism and spiritual and moral development of students the authors suggest using the active forms of organizing various events dedicated to memorable dates in foreign language classes. There have been consid-

ered the most frequently applied forms of work using the calendar of memorable dates. The examples of using such forms of educational activities as quizzes, conversations, interviews and presentations dedicated to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War have been discussed. The use of the calendar of memorable dates in foreign language classes contributes to the formation of patriotism, respect for the Fatherland and public holidays in Russia, the formation of patriotism, respect for the Fatherland and public holidays in Russia as well as the creation of a developing educational atmosphere and the formation of a cognitive position of students. The application of active learning technologies based on the calendar of memorable dates allows diversifying not only the educational activities of students, but also the pedagogical activity of the teacher, aimed at patriotic education and the formation of a civil position of the younger generation.

Key words: calendar of memorable dates, patriotic education, foreign language teaching, quiz, conversation, interview.

Современное развитие общества, интеллектуализация и цифровизация практически всех производительных сил требуют от высшей школы особого подхода, обеспечивающего качественную подготовку дипломированных специалистов. Требования к выпускникам высшей школы предполагают наличие навыков, которые включают в себя способность к самосовершенствованию, саморазвитию и самообучению. На сегодняшний день выпускник высшей школы должен обладать объемом знаний, обеспечивающим их всестороннее применение. Вне всякого сомнения, большую роль в формировании личностных и профессиональных качеств выпускника вуза играет единение учебного и воспитательного процессов.

В настоящее время особое внимание уделяется патриотическому воспитанию выпускников высшей школы. Как отмечает С.И. Кожевников, «высшая школа призвана готовить не только конкурентоспособного специалиста, но и человека, гражданина патриота. В студенческие годы происходит мощная социализация личности, определяются ее ценностные ориентиры, поэтому воспитательной работе в высшем учебном заведении отводится особая роль. Одной из особенностей совершенствования системы воспитания в современных условиях является необходимость определения новых подходов к организации педагогического процесса, содержанию и механизмам реализации воспитательной деятельности в целом, в том числе и связанной с патриотическим воспитанием молодежи» [1; с.20].

Актуальность проводимого исследования определяется необходимостью патриотического воспитания в образовательном процессе, что в современных условиях стало одним из важных направлений государственной политики. Вышеизложенное подтверждается принятием и реализацией пятилетней государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» [2].

На основании имеющихся представлений по проблеме патриотического воспитания и обобщения практического опыта выделяются такие основные задачи как формирование у обучающихся патриотических чувств, выраженных в любви к Родине, гордости за ее богатейшую, высокодуховную культуру и историческое прошлое, оптимизм относительно перспектив развития нашей страны и творческих созидательных возможностей народа [1-8].

Нельзя не согласиться с С.И. Кожевниковым, подчеркивающим, что «патриотическое воспитание – это, прежде всего, просвещение. Чувство патриотизма необходимо воспитывать: «пробуждать» интерес и любовь к родной земле, культуре, обычаям и традициям своего народа, нравственным идеалам своего народа» [1; с. 22].

Чувство патриотизма рождается у человека, хорошо знающего историю своей страны и испытывающего чувство гордости за ее достижения и победы. История нашей страны очень богата на знаменательные даты и события. В данном случае общеобразовательные предметы, в том числе и иностранные языки, обладают большим потенциалом для изучения важных вех развития страны и патриотического воспитания.

Одним из вариантов реализации воспитательного процесса на занятиях по иностранному языку является освещение памятных дат и событий отечественной истории.

Существует множество увлекательных и интересных идей по совершенствованию содержания, форм и способов организации различных мероприятий, посвященных памятным датам. Данный вид деятельности привлекает внимание многих методистов и раскрывается в публикациях Д.А. Дашенцева; Т.В. Краснобаевой, Г.Н. Ораловой, Г.М. Косвинцевой, Л.А. Проскуряковой, Г.М. Яцыша, И.Г. Сабирова, И.А. Чернышовой и др. [9-13]. Исследователи отмечают, что, сочетая традиционные и инновационные формы работы, и выполняя целена-

правленную учебно-воспитательную деятельность, основанную на материалах важнейших исторических событий нашей страны, мы воспитываем гражданина, патриота.

Представим некоторые методические рекомендации по разработке и использованию материалов, посвященных памятным датам нашей страны. В настоящих рекомендациях предложены основные подходы к организации как информационных пятиминуток, так и целого ряда мероприятий, приуроченных к знаменательным датам и событиям. Предлагаемые материалы носят рекомендательный характер. Выбор формы работы с календарем памятных дат зависит от собственного опыта преподавателя, уровня подготовки обучающихся и регламента практического занятия.

Так, например, для обучающихся с базовым уровнем владения иностранным языком целесообразно использовать следующие формы работы: заочное путешествие; викторина; соревнование.

Для обучающихся с высоким уровнем знания иностранного языка можно порекомендовать организацию интеллектуальных игр повышенной степени сложности, например, дебатов, мозгового штурма, конференций, деловых игр или дискуссий.

В данной статье приведем пример формата календаря, позволяющего усилить патриотическую составляющую и ресурс для духовно-нравственного развития на занятиях по английскому языку, на примере мероприятий, приуроченных к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Как пишут Г.Н. Оралова и Г.М. Косвинцева, – «в календаре памятных дат России много событий, которыми мы гордимся, на которых воспитываем детей. Но День Победы вписан в календарь истории золотыми буквами. Это главный праздник страны. 9 Мая – это день воспоминаний для тех, кто пережил войну, день скорби для потерявших на войне родных, день радости всего народа. И через 75 лет победа в Великой Отечественной войне помнится не только ее участниками, но и представителями более молодых поколений. Проходят десятилетия, но мы по-прежнему обращаемся к военному времени, многое пытаемся уточнить, познать глубже» [10; с. 4].

Среди разнообразных приемов организации занятий по иностранному языку наибольший интерес у обучающихся вызывают игры и игровые ситуации, так как они приближают речевую деятельность к естественным нормам употребления языка. В данном случае проведение викторины, предполагающей индивидуальное или командное участие, будет как обучающей, так и воспитательной составляющей образовательного процесса.

Вопросами викторины могут быть, например, «Самое знаменитое письмо с фронтов Великой Отечественной войны – это... Какое? (ответ: «Жди меня, и я вернусь...», стихотворение К. Симонова) / The most famous letter from the fronts of the Great Patriotic War is... Which one? (the answer: "Wait for me, and I will return...", a poem by K. Simonov)», «Жители города Воронеж установили у себя ранее демонтированный в городе Вильнюс памятник известному генералу. Именно этот генерал освобождал от фашистов и Прибалтику, и Воронеж. Назовите имя военачальника. (ответ: Черняховский Иван Данилович) / Voronezh residents installed a monument that was dismantled in Vilnius. This particular general liberated both the Baltic States and Voronezh from the Nazis. Name the commander in chief. (the answer: Chernyakhovskiy Ivan Danilovich)».

Другим примером использования активных форм обучения и формирования активной позиции в получении знаний на занятии по иностранному языку является беседа. Проведение беседы целесообразно, когда материал позволяет узнать что-то новое и вовлечь участников в оживленное обсуждение вопроса. Примером такой беседы может быть просьба/вопрос, например, «Расскажите, как лично вы празднуете 9 мая / Tell us how you personally celebrate the 9th of May.», приведение интересных фактов, работа с ассоциациями, например, «С чем для вас ассоциируется понятие 'Великая Отечественная Война?' / What do you associate the concept of 'the Great Patriotic War' with?» и т.д.

Отметим, что темы, обсуждаемые во время беседы, могут быть разнообразными, от информационно-тематических до эвристических. Примерами могут быть беседы на темы: «В важные эпохи жизни иногда в самом обыкновенном человеке разгорается искра героизма...» / "In important epochs of life, sometimes a spark of heroism flares up in the most ordinary

person... " , «Людам память нужна, как бы трудно им не было с нею... / "People need a memory, no matter how difficult it is for them to deal with it...»; творческие – выработка концепции, например, «Патриотизм, чей бы то ни был, доказывается не словом, а делом...» / "Patriotism, who else's it is, is proved not by word, but by deed..."; проблемные – решение заявленной проблемы, например, «Как вы думаете, можно ли в современном мире обойтись без войны, без насилия? Почему и в XXI веке вспыхивают войны? На каких принципах, по Вашему мнению, должны сотрудничать разные народы, чтобы страшная трагедия XX века не повторилась? / Do you think it is possible to do without war, violence in the modern world? Why do wars break out in the twenty-first century? In your opinion, what principles should different nations cooperate on to prevent the tragedy of the twentieth century? Для проверки ценностных установок обучающихся преподаватель также может задать оценочные вопросы, которые направлены на высказывание персонального мнения, отстаивание определенной позиции, осмысление того, что происходило 75 лет назад и объяснение исторической значимости тех событий для современного поколения.

В процессе подготовки беседы важно подобрать наглядно-иллюстративные материалы (плакаты, фотографии, видеофильмы).

Как отмечал Я.А. Коменский, один из важнейших принципов, который лежит в основе организации процесса обучения – это принцип наглядности. Я.А. Коменский обозначил его «золотым правилом» дидактики, согласно которому все органы чувств человека необходимо задействовать в учебном и воспитательном процессах. «Если мы намерены насаждать в учащихся истинные и достоверные знания, – писал ученый, – то мы вообще должны стремиться обучать всему при помощи личного наблюдения и чувственной наглядности» [14; с. 36].

Также практика показывает, что использование видео и проектной методики является наиболее эффективным, поскольку сочетает в себе несколько видов наглядности [15]. Для того чтобы учебная деятельность обучающихся включала в себя поиск, анализ, осмысление, переработку и представление новой информации, т.е. носила продуктивный характер, рекомендуется использовать презентации. Темы презентаций, например, посвященных Великой Отечественной войне, преподаватель позволяет обучающимся выбрать самостоятельно и раскрыть по-своему. Важно, чтобы в процессе демонстрации презентации это был не просто заранее подготовленный монолог студента/курсанта, а взаимодействие с теми, кому представляют информацию.

В связи с этим учащийся делает записи во время выступления других, чтобы уточнить или разъяснить некоторые детали, что приводит к спонтанной речи. Увиденное и обсужденное на занятии запоминается, как правило, надолго, поскольку академическое общение базируется в данном случае на эмоциональном восприятии, что и обуславливает лучшее овладение материалом.

В качестве примера работы с презентациями на рисунках 1-4 приведены слайды из презентаций обучающихся.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что использование презентаций видоизменяет характер традиционного учебного занятия, делает его более живым и интересным, способствует более быстрому и прочному усвоению материала, в результате чего у обучающихся повышается уверенность в своих силах.

Также достойным внимания может быть следующая форма мероприятия - интервью с ветераном. При наличии такой возможности к этому дню можно подготовить видеointerview с ветераном, спросив его, например: «Как в разное время войны представляли себе будущую победу? / How at different periods of the war did you imagine your future victory?», «Где Вы были в День Победы, что делали и что чувствовали? / Where were you on the Victory Day, what did you do and how did you feel?», «Какое напутственное слово вы скажете современному молодому поколению? / What parting words will you say to the modern young generation?» и т.д.

Еще один вид творческой работы с использованием календаря памятных дат, который занимает особое место в преподавании иностранного языка – это сочинение. Сочинение способствует развитию мысли обучающихся, решает задачи формирования коммуникативно-речевых умений обучающихся и патриотического воспитания. На занятии, посвященном

Дню Победы, могут быть предложены, например, следующие темы для написания сочинений объемом 250-300 слов: «Великая Отечественная Война в моей семье» (“The Great Patriotic War in My Family”), «Память о Великой Отечественной Войне» (“Memory of the Great Patriotic War”), «Невероятный подвиг народа в войне» (“An Incredible Feat of the People in the War»), «Живем и помним» (“We Live and Remember”).

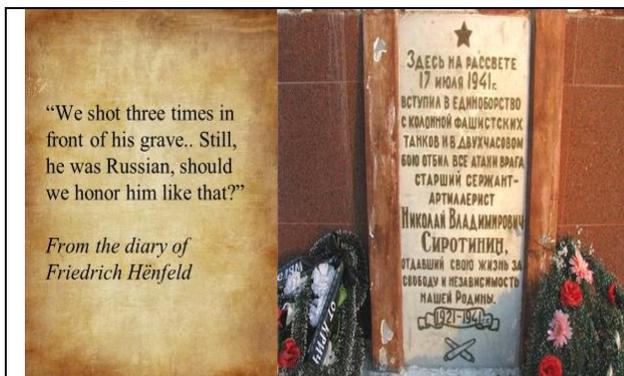


Рис. 1



Рис. 2

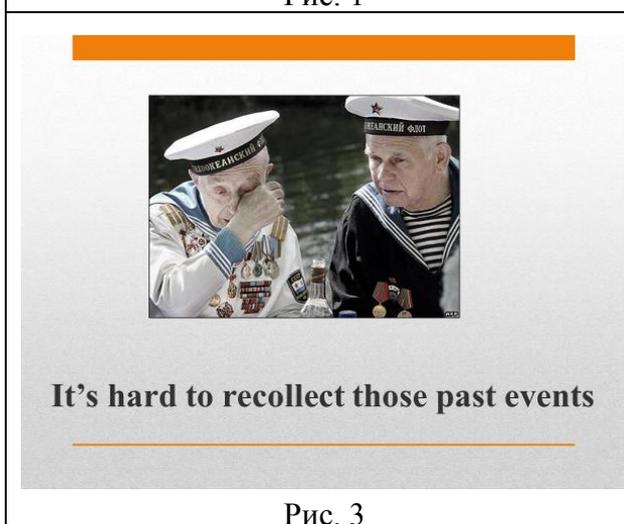


Рис. 3



Рис. 4

В качестве примера представим отрывки из сочинений обучающихся.

“...It was an exceptionally cruel war. Over 27 million Soviet people lost their lives. The road to victory was hard. That’s why the Victory Day is a special day for all people of our country. On this day we like watching traditional military parade on Red Square on TV...” («Это была исключительно жестокая война. Погибло более 27 миллионов советских людей. Путь к победе был труден. Именно поэтому День Победы – это особый день для всех жителей нашей страны. В этот день мы любим смотреть по телевизору традиционный военный парад на Красной площади...»).

“...My family was also among millions of others who suffered from a cold all-destroying hand of war...” («Моя семья также была среди миллионов других людей, которые пострадали от холодной всепоглощающей руки войны...»).

“...My family decided to make a request to the military archive. Soon we got a reply to our letter. We were really happy about it and carried on our investigation. Our aim was to find the place where the battle took place. Surfing the Internet, in the end we came across the necessary information...” («Моя семья решила сделать запрос в военный архив. Вскоре мы получили ответ на наше письмо. Мы были очень рады этому и продолжили наше расследование. Наша цель состояла в том, чтобы найти место, где произошло сражение. Занимаясь серфингом в Интернете, в конце концов мы наткнулись на необходимую информацию»).

“...He never talked about that period of his life. We could only assume what he had done to survive. Of course, it (a prison camp) changed him a lot. He spent two horrible years in that terrifying

place. My great-grandfather was rescued, but his troubles were not over...” («Он никогда не говорил об этом периоде своей жизни. Мы могли только предполагать, что он сделал, чтобы выжить. Конечно, это (лагерь для военнопленных) сильно изменило его. Он провел два ужасных года в этом ужасном месте. Мой прадед был спасен, но на этом его беды не закончились»)

“...I never dared to ask my grandmother for more details, as I thought that could make her burst into tears. I could see the grief she was going through when she was telling me that story. To be fair, I cannot even imagine how my great-grandmother fought that feeling of hopelessness and still horror she had to face...” («Я никогда не осмеливалась расспрашивать мою бабушку о подробностях, так как думала, что это может вызвать у нее слезы. Я видел, какое горе она испытывала, когда рассказывала мне эту историю. Честно говоря, я даже не могу себе представить, как моя прабабушка боролась с этим чувством безнадежности и все еще ужаса, с которым ей пришлось столкнуться»).

По завершении любой из рассматриваемых форм работы преподаватель совместно с обучающимися обсуждает что каждый узнал нового и интересного на занятии. Важно закончить любой вид деятельности на позитивной ноте, поблагодарить группу за работу, необходимо похвалить ребят за проявленное желание и интерес, вслед за этим выделить и подкорректировать ошибки. Технологическая цепочка использования календаря памятных дат в рамках учебного процесса может выглядеть следующим образом: преподаватель устанавливает временные рамки работы с календарем памятных дат, формулирует цели и задачи, обязательные требования к результатам работы, определяет содержание, формы и объем работы, предоставляет студентам учебно-методический материал и осуществляет функцию контроля рефлексии. Бесспорным представляется тот факт, что освещение памятных дат на занятии не должно иметь разовый характер. Этот вид деятельности следует воплощать через различные формы работы в течение учебного года, обращая внимание обучающихся на то, что Россия – многонациональное государство, следовательно, в равной степени каждому гражданину необходимо принимать участие в создании условий для всеобщего процветания нашего Отечества. Не допустить войны, сохранить и укрепить межнациональный мир и согласие – ответственность всех россиян.

В заключение следует отметить, что практика использования календаря памятных дат на занятиях по иностранному языку позволяет:

- создать атмосферу, способствующую развитию образовательной среды;
- формировать патриотизм, любовь и уважение к своей Родине, преданность своему народу и Отечеству, должное почитание государственных праздников Российской Федерации, величайших научных, технических и социальных достижений нашей страны;
- формировать многогранные интересы, способствующие познанию;
- формировать сплоченность группы обучающихся, создавая позитивное отношение к своей стране;
- пополнить «методическую копилку» преподавателей новыми наработками по патриотическому воспитанию и профильному образованию.

В целом проведение подобных учебных мероприятий играет важную роль в образовательном процессе. Все они направлены не только на обучение, но и на гражданско-патриотическое и культурно-нравственное воспитание молодежи России.

Библиографический список

1. Кожевников С.И. Патриотическое воспитание студентов вузов: на примере изучения гуманитарных и социально-экономических дисциплин: дис. ... канд. пед. наук. М., 2005.
2. Государственная программа "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы": постановление Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. N 1493. Москва. 62 с.
3. Алиева С.А. Военно-патриотическое воспитание старшеклассников на современном этапе: дис. ... канд. пед. наук. Махачкала, 2002.
4. Афанасова И.М. патриотическое воспитание учащихся младшего подросткового возраста в процессе изучения биологии в школе: дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2006.

5. Быков А.К. Патриотическое воспитание школьников при преподавании дисциплин гуманитарного цикла // Воспитание школьников. 2005. № 8. С. 2–6.
6. Выршиков А. Патриотизм на службе у России // Воспитание школьников. 2006. № 3. С. 7–13.
7. Герасимова А.А. Формирование патриотизма современной молодежи как условие политической стабилизации российского общества: автореф. на соиск. ученой степ. канд. полит. наук: 23.00.02 – Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии М., 2007. 25 с.
8. Егошина Н.Г. Патриотическое воспитание подростков средствами краеведения на уроках английского языка: автореф. на соиск. ученой степ. канд. пед. наук: 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования Йошкар-Ола, 2007. 22 с.
9. Дашенцев Д.А. Использование календаря знаменательных и памятных дат в воспитании школьников // Педагогическое обозрение. 2016. № 5 (168). С.3.
10. Оралова Г.Н. Косвинцева Г.М. Знаменательная дата в истории как основа воспитательной работы // Педагогическое обозрение. 2016. № 5 (168). С. 4.
11. Проскурякова Л.А., Яцыша Г.М. Патриотическое воспитание школьников в рамках календаря памятных дат // Педагогическое обозрение. 2016. № 5 (168). С.17.
12. Сабиров И.Г. Патриотическое воспитание школьников на примере мероприятий, приуроченных к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне // Педагогическое обозрение. 2016. № 5 (168). С.19.
13. Чернышова И.А. Использование календаря занимательных дат для работы по патриотическому воспитанию учащихся учителем начальных классов // Педагогическое обозрение. 2016. № 5 (168). С.16.
14. Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения / под ред., с биогр. очерком и примеч. проф. А. А. Красновского. Москва: Учпедгиз, 1955. 651 с.
15. Шишкина Н.М., Малыхина Н.И. Организация самостоятельной работы студентов // Вестн. ВГУ. Сер.: Проблемы высшего образования. 2015. № 4. С. 113–116.

References

1. Kozhevnikov S.I. Patriotic education of University students: at the example of studying Humanities and socio-economic disciplines: thesis ... PhD in pedagogy. M., 2005.
2. The State program "Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016-2020": resolution of the Russian Federation of December 30, 2015 N 1493. - Moscow. 62 p.
3. Alieva S.A. Military-Patriotic education of high school students at the present stage: thesis ... PhD in pedagogy. Makhachkala, 2002.
4. Atanasova I.M. Patriotic education of pupils of younger teenagers in the process of studying biology in high school: thesis... PhD in pedagogy. Ryazan, 2006.
5. Bykov A.K. Patriotic education of schoolchildren in teaching disciplines of humanitarian cycle // Education of schoolchildren. 2005. N 8. P. 2-6.
6. Vyrschikov A. Patriotism in the service of Russia // Education of schoolchildren. 2006. N 3. P. 7-13.
7. Gerasimova A.A. Formation of patriotism of modern youth as a condition for political stabilization of Russian society: abstract of thesis ... PhD in politics. M., 2007.
8. Yegoshina N.G. Patriotic education of teenagers by means of local history at English lessons [Text]: abstract of thesis... PhD in pedagogy. Yoshkar-Ola, 2007.
9. Dashentsev D.A. Using the calendar of significant and memorable dates in the education of schoolchildren // Pedagogical review. 2016. N 5 (168). P. 3.
10. Orlova G.N., Kosvintseva G.M. Significant date in history as the basis of educational work // Pedagogical review. 2016. N 5 (168). P. 4.
11. Proskuryakova L.A., Azusa G. M. Patriotic education of schoolchildren in the framework of the calendar of memorable dates // Pedagogical review. 2016. N 5 (168). p. 17.
12. Sabirov I.G. Patriotic education of schoolchildren at the example of events dedicated to the 70th anniversary of Victory in the great Patriotic war // Pedagogical review. 2016. N 5 (168). p. 19.
13. Chernyshova I.A. Using the calendar of entertaining dates to work on Patriotic education of students by a primary school teacher // Pedagogical review. 2016. N 5 (168). p. 16.
14. Komensky Ya.A. Selected pedagogical works / Ed., with a biographical essay and notes by Prof. A.A. Krasnovsky. Moscow: Uchpedgiz, 1955. 651 p.
15. Shishkina N.M. Malykhina N.I. The organization of independent work of students // The Bulletin of the Voronezh State University. Series: Problems of higher education. 2015. N 4. P. 113-116.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.008

*Алтайский государственный
педагогический университет
кандидат филологических наук
доцент кафедры литературы
Богумил Т.А.
Россия, Барнаул, тел. +7(913)222-01-44
e-mail: tbogumil@mail.ru*

Altai State Pedagogical University
The chair of Literature
PhD, associate professor
Bogumil T.A.
Russia, Barnaul, +7(913)222-01-44;
e-mail: tbogumil@mail.ru

Т.А. Богумил

ЛИКИ В.М. ШУКШИНА: МАРТИН ИДЕН, ГАМЛЕТ, СТЕПАН РАЗИН

В статье предлагается концепция жизни и творческого роста В.М. Шукшина сквозь призму тезаурусного и кластерного подходов. Объяснительными «персональными моделями» для интерпретации биографического текста писателя являются кластеры Мартина Идена, Гамлета и Степана Разина. Ранее биографы и литературоведы указывали на важность этих персон для Шукшина, но разрозненно. Впервые предпринята попытка свести указанные персональные модели воедино, в целостный сюжет становления писателя в пространстве культуры. На разных этапах эволюции автора доминирует одна из указанных моделей, последовательно сменяя друг друга, но не вытесняя, а «внахлест». Ранний этап творчества, ориентированный на стратегию Мартина Идена, является попыткой «вписаться» в наличный культурный мейнстрим. Выражено это в следовании поэтике соцреализма. Второй этап подспудно начинается с реабилитации отца Шукшина в 1956 года, когда актуализируется «гамлетовский комплекс», проявляющийся в чувстве вины перед отцом, через стратегию утаивания подлинного «я», мотивы чужаковости. Третий этап связан с личностью реального исторического лица, Степана Разина, и выражается в открытом протесте против власти. Все важные для В.М. Шукшина поведенческие модели объединены мотивом одинокого противостояния враждебному социуму и имеют трагический финал, что обусловило ранний уход писателя и порождение мифов о насильственном характере его смерти. В.М. Шукшин одновременно был фигурой неординарной и типичной, что позволило его биографии стать «персональной моделью» для последующих авторов, выходцев из сельской глубинки.

Ключевые слова: биография, биографический текст, жизнетворчество, персональная модель, тезаурус, кластер.

Т.А. Bogumil

FACES OF V.M. SHUKSHIN: MARTIN IDEN, HAMLET, STEPAN RAZIN

The article proposes the concept of life and creative growth of V.M. Shukshin through the prism of the thesaurus and cluster approach. The explanatory "personal models" for interpreting the biographical text of the writer are clusters of Martin Eden, Hamlet and Stepan Razin. Earlier, biographers and literary critics pointed out the importance of these people for Shukshin, but it was scattered. For the first time, an attempt was made to bring these personal models together into an integral plot of the formation of the writer in the space of culture. At different stages of the writer's evolution, one of these models dominates, successively replacing each other, but not crowding out, but "overlapping". The early stage of creativity, focused on Martin Eden's strategy, is an attempt to "fit in" the current cultural mainstream. This is expressed in following the poetics of socialist realism. The second stage implicitly begins with the rehabilitation of Shukshin's father in 1956, when the "Hamletian complex" is actualized. It is manifested in a sense of guilt towards his father, the strategy of concealing the true "I", eccentricities. The third stage is connected with the personali-

ty of a real historical person, Stepan Razin, and is expressed in an open protest against the authorities. All important for V.M. Shukshin's behavioral models are united by the motive of a lonely confrontation with a hostile society and have a tragic ending, which led to the early departure of the writer and the generation of myths about the violent nature of his death. V.M. Shukshin was an extraordinary and typical figure at the same time. That allowed his biography to become a "personal model" for subsequent authors who came from the rural outback.

Key words: biography, biographical text, life creation, personal model, thesaurus, cluster.

«В одну телегу впрячь не можно / Коня и трепетную лань», – сетовал Мазепа А.С. Пушкина [1, с. 280]. Смешение «биографии автора и анализа созданных им произведений – редко приводит к удаче», – констатировал Ю.М. Лотман [2, с. 228]. Цель настоящего исследования – совместить концепцию судьбы В.М. Шукшина с эволюцией его творческого метода, что подразумевает обнаружение единой «внутренней истории» [3, с. 812] становления человека и писателя. (Абрис модели жизни и творчества В.М. Шукшина впервые был намечен нами в тезисах конференции «Маргиналии-2019: границы культуры и текста» [4]).

Имеющиеся на настоящий момент научно-популярные биографии В.М. Шукшина [5; 6] предлагают нам образ «писателя Советской России» (В. Коробов) или «полиморфную личность эпохи постмодерна» (А. Варламов) [7, с. 72]. В последней на сегодняшний день биографии писателя, написанной алтайским краеведом С.А. Тепляковым [8], представлена наиболее полная, непредвзятая и достоверная в своей противоречивости картина жизни писателя. Анализ сложившихся в шукшинистике моделей жизнеописания, проведенный О.Г. Левашовой, продемонстрировал «полифоничность» шукшинского биографического текста. Он сочетает в себе «ломоносовский миф», миф о «власти земли» (Г.И. Успенский), литературные (М. Горький, С. Есенин, Дж. Лондон, Ф.М. Достоевский, М.А. Шолохов) и житийную модели [9]. Пожалуй, тезис о полифоничности нуждается в коррекции. Указанные исследователем модели, во-первых, актуальны для писателя не синхронно, а в некоей динамической последовательности. Во-вторых, некоторые из этих моделей функционально изоморфны, т.е. при всей внешней непохожести судеб авторитетных для Шукшина авторов и героев, обнаруживают инвариантную схему. Кроме того, по справедливому замечанию Д.В. Марьина, не учтенной осталась одна из самых существенных для Шукшина моделей – «разинский» миф [10, с. 15].

«Духовная эволюция» как основание периодизации творчества писателя стала предметом исследования Л.А. Аннинского. В 1964 г., полагает критик, проявился «настоящий Шукшин». Совершился поворот «от сентиментального благодушия и спокойной широты – к страстям, к защите особенного, одностороннего, узкокрестьянского». На рубеже 1970-х произошёл новый поворот: «от узкого и одностороннего – к широте» исторического кругозора, жанровых экспериментов и «вглубь», путем отказа от «виртуозности», от «беллетристической условности» [11, с. 238–248]. В монографии А.И. Куляпина показано, что изменение мировоззрения Шукшина не совпадает с динамикой его творческого метода, в целом синхронизированной с периодами сотрудничества писателя со столичными журналами («Октябрь», «Новый мир», «Наш современник»). Первый этап (1958–1965) отмечен созданием текстов в технике соцреализма, «символического» рассказа, молодежной прозы 1960-х гг. Второй этап (1966–1968) сориентирован на программу советского либерализма, произведения этого периода транстекстуальны. На третьем этапе (1969–1974) наблюдается обращение «к искусству интеллектуально насыщенному, условному, игровому», цитатному, неомифологическому, новаторскому. В это же время создается масштабный историософский «миф о России» [12].

Методологически данное исследование синтезирует тезаурусный (Вл.А. Луков) и кластерный подходы (А.К. Жолковский). Тезаурус, это не просто словарь, но упорядоченное, систематизированное и структурированное «представление и общий образ той части мировой культуры, которую может освоить субъект». Входящие в тезаурус сведения о культуре, естественно, избирательны. Отбор важного и отсева малозначимого обусловлен своего рода «мембранами» личности, которые фильтруют и аксиологически упорядочивают информацию. Тезаурус «работает не только через концепты (эмоционально окрашенные понятия) и

константы (наиболее устойчивые концепты), но и через целые комплексы, некие сгустки (например, мифы и мифологемы)». Поведение субъекта во многом обусловлено ценностным центром тезауруса – самосознанием человека. Самоидентификация личности в качестве писателя часто связана с воспроизведением «персональной модели» избранного автора или персонажа. Стратегия жизни «сильного» автора/героя, становится прецедентным текстом [13], «кластером», т.е. «пучком тематических и формальных характеристик, обладающих мощной способностью к самовоспроизводству во множестве более поздних текстов» [14, с. 396].

История вхождения В.М. Шукшина в советскую культуру может быть описана как смена культурных тезаурусов, поведенческих ориентиров: Мартин Иден – Гамлет – Степан Разин.

Начальная стадия жизнестроительного пути Шукшина следует алгоритму, сформулированному народным присловьем: «из грязи в князи». В России наиболее ярко эту модель воплотил М.В. Ломоносов, на века задав вектор движения юным дарованиям разночинного происхождения. В русле этого «кластера» строится судьба С.А. Есенина, М. Горького и других писателей, чей опыт оказался востребованным В.М. Шукшиным в качестве объекта подражания. «Ломоносовский миф», по мнению О.Г. Левашовой безупречно вписывается в идеологию советской культуры, выраженную строкой «Интернационала»: «Кто был ничем, тот станет всем...» [9, с. 199]. Впрочем, более близким Шукшину в хронологическом и поведенческом отношении оказался американский аналог подобного пути – «персональная модель» Мартина Идена, авторизированного героя одноименного романа Дж. Лондона. В интервью, публицистике Шукшина, мемуарных свидетельствах близких ему людей многократно подчеркивается, что в юности он старался походить на Мартина Идена. В.И. Коробов отмечает: «Ни тогда, ни долго после того Шукшин не имел перед собой, на своем жизненном и творческом пути живого примера, реального человека, который олицетворял бы собой не только Писателя, но и был в то же время личностью, которая достигла творческих высот наперекор всему: рождению, среде, воспитанию, образованию, условиям жизни и т. д. – самым неблагоприятным, самым суровым, изматывающим физически и душевно. Но уже тогда перед ним стоял во весь могучий рост пример литературный – Мартин Иден Джека Лондона, герой, как мы знаем, которому его создатель отдал многое из собственной биографии» [5, с. 50]. Книга Дж. Лондона, как доказал биограф, стала «писательским самоучителем» для Шукшина, сформировала личность, «внутренне сходную» Мартину Идену [5, с. 51], подсказала тактику поведения. В частности, «веерный» принцип рассылки рукописей по редакциям, предложенный начинающему автору М.И. Роммом, был применен Мартином Иденом (и, надо полагать, Дж. Лондоном) [5, с. 97].

Естественно, роман Дж. Лондона повлиял и на поэтику В.М. Шукшина. Так, Руфь, возлюбленная Мартина Идена, высказывает своего рода «проспект» рассказа Шукшина «Упорный» (1973): «Ведь бывали и раньше чудачки-изобретатели, которые всю жизнь бились над изобретением какого-нибудь вечного двигателя, обрекая семью на нужду и лишения. Их жены, разумеется, любили их и страдали вместе с ними, но не за их чудачества, а скорее не смотря на эти чудачества» [16, с. 223]. Ср. также реакцию Лиззи Конолли на драку из-за нее: «Она смотрела, затаив дыхание, наклонившись вперед всем телом, прижав руку к груди, щеки ее горели, в глазах светилось восхищение» [16, с. 296], – с портретом героини повести «Там, вдали» (1966) в аналогичной ситуации: «У Ольги азартно заблестели глаза. Ей нравилось безрассудное упрямство парня» [17, т. 3, с. 217]. Описание драки у Шукшина, несомненно, восходит к указанному фрагменту 42 главы романа Лондона, о чем свидетельствует ряд текстуальных переключек, но здесь мы ограничимся приведенными цитатами.

Очевидно, стоит расширить спектр переключек жизненного текста алтайского автора с художественным претекстом американского писателя. Начальная ситуация романа коррелирует с «зачином» творческой судьбы Шукшина – поступлением во ВГИК. Одетый в форму молодой человек, бывший моряк, стеснительно вступает в пространство высокой культуры. Шукшин, правда, к тому времени морскую форму уже не носил, был одет в гимнастерку, галифе и солдатские сапоги. О семиотике одежды в жизненном тексте Шукшина см.: [15,

с. 108–116]. Идея фикс, овладевающая им – борьба за право находиться в этом мире на равных с его статусными насельниками. Ср.: «то, ради чего стоит жить, чего стоит добиваться, из-за чего стоит бороться и ради чего стоит умереть» [16, с. 9], «я добьюсь того, что это будет моего ума дело» [16, с. 11], – и: «я решил побороться с ними» [17, т. 8, с. 230]. Широко известна максима Шукшина: «Всю жизнь свою рассматриваю, как бой в три раунда: молодость, зрелость, старость. Два из этих раунда надо выиграть. Один я уже проиграл» [17, т. 8, с. 322]. Эта модель восходит к разговору Мартина с собственным отражением: «Первая схватка состоялась <...>, но будет вторая, третья...» [16, с. 107]. И позднее: «Все чаще ему приходило на ум, что и второе сражение проиграно...» [16, с. 173]. Однако, главное и самое существенное различие в мировоззрении героя романа и Шукшина состоит в том, что советский писатель не испытал на вершине успеха экзистенциального вакуума, который привел Мартина Идена к самоубийству. Интересно, между тем, наблюдение С.А. Теплякова, что финал жизни вымышленного американского и настоящего русского писателей сходен совокупностью обстоятельств: жара, духота, предел душевных сил, корабль [8, с. 81].

Умозаключения молодого Мартина: «Они изучали мир по книгам, в то время как он был занят тем, что жил», – отчасти применимы и к Шукшину. Действительно, к моменту поступления на режиссерский факультет 25-летний первокурсник обладал значительным житейским опытом. Однако интеллектуальный багаж, путем бессистемного, но упоенного чтения, формировался им с детства. Поэтому, если Мартин Иден, действительно, неопит в мире культуры, то Шукшин умело маскировался под такового. Впрочем, дальнейший этап биографии, связанный со стремительным самообразованием, невероятными тяготами быта, безуспешными попытками опубликоваться совпадает у обоих, хочется сказать, «героев». Особо примечателен тот момент романа, где Мартин Иден ищет ответ на вопрос, почему печатают других авторов: «Он проводил долгие часы в читальне, читая чужие произведения, изучая их внимательно и критически, сравнивая их со своими собственными и тщетно стараясь раскрыть секрет, помогавший этим писателям пристраивать свои творения» [16, с. 97]. Характеристика массовой беллетристики в общих чертах напоминает поэтику соцреалистического письма, которое первым делом освоил начинающий писатель Василий Шукшин: «Он удивлялся надуманности большей части того, что попадало на страницы печати. <...> От них совсем не веяло дыханием жизни» [16, с. 97]. Популярный газетный рассказ пишется по «формуле» и «схемам» [16, с. 201, 202]. В американских реалиях успешны коммерческие сюжеты и мелодраматическая обыденщина, а романтическая героиня не востребована. В советской культуре, напротив, пафос героического обесценил незатейливое частное существование. Обе крайности неправдоподобны, но актуальны в текущем литературном процессе, и потому выбираются начинающими авторами как своего рода тактический обманный маневр, способ войти в культурный мейнстрим, попутно возвращая в себе «настоящие вещи» [16, с. 153].

В 1956 году, после реабилитации репрессированного отца Шукшина, в силу вступил «комплекс Гамлета». В.Н. Турбин вводит этот термин как антитезу Эдипову комплексу для обозначения духовного влечения сына к невинно убитому родителю, стремления руководствоваться его напутствием. Осмысляя трагедию детей репрессированных отцов, литературовед пишет о рождении целого поколения Гамлетов [18, с. 139]. Шукшин не остался в стороне от «гамлетовского психотипа», на что впервые указал А.И. Куляпин. Во время службы на флоте (1949–1952 гг.), будущий писатель разучивал роль Гамлета. В дальнейшем он многократно обращался к творчеству Шекспира в рассказах и публицистике [19, с. 237]. В интерпретации биографии Шукшина, предложенной А.Н. Варламовым, Гамлет становится главной объяснительной моделью личности писателя, видимо, в противовес концепции В.И. Коробова о преимущественном влиянии Мартина Идена. Биограф собрал многочисленные свидетельства того, что Шукшин ассоциировал себя с Гамлетом. Так, по свидетельству Н. Лордкипанидзе в разговоре о постановке «Гамлета» Шукшин произнес: «Когда наших отцов убивали, мы молчали, а он...» [20, с. 6]. Шукшина мучило сознание своей вины перед отцом, от которого он отказался сначала символически, тем, что носил фамилию матери (Попов) до получения паспорта, а потом и в документах при поступлении в партию в 1955 г.,

утаив, что отец репрессирован. Творчество Шукшина, по мнению биографа, было своего рода искуплением вины, отмщением через обличение зла [6, с. 92–111].

Действительно, есть все основания для того, чтобы полагать трагедию У. Шекспира «кластером», продуцирующим не только художественные, но и поведенческие тексты. Исследование рецепции «Гамлета» в русской культуре показало, что главный герой трагедии «воплотил в себе всю переменчивость самоидентификации русского человека, его экзистенциальный поиск пути через горнило противоречивых и трагичных событий истории России последних веков» [21, с. 81]. А.Н. Варламов в качестве ключа к личности Шукшина видит признание писателя: «Я должен был узнавать то, что знают все и что я пропустил в жизни. И вот до поры до времени я стал таить, что ли, набранную силу. <...> Все время я хоронил в себе от посторонних глаз неизвестного человека, какого-то тайного бойца, нерасшифрованного» [17, т. 8, с. 210][6, с. 125]. В силу вышеприведенных аргументов, не будет натяжкой сказать, что эта жизненная стратегия воспроизводит поведение Гамлета, скрывающего от всех свое знание тайны. В сфере искусства «утаивание» подлинного я реализуется через следование общепризнанным литературным канонам. Как видим, на первом этапе творчества В.Ш. Шукшина в 1958–1965 гг. произведения в духе соцреализма создаются на пересечении «персональных моделей» Мартина Идена и Гамлета. В случае с литературными персонажами – это осознанная стратегия. Было бы преувеличением приписывать раннему Шукшину подобную преднамеренность. Скорее всего, в начале своего творческого пути он еще не мог писать иначе, так как только осваивал язык художественной литературы. Тогда же подспудно начинает формироваться индивидуально-авторская картина мира и человека, вышедшая на передний план в 1966–1968 гг. По воспоминаниям М.И. Гаврилова, однажды Шукшин, стоя в дверном проеме комнаты в гиковском общежитии, блистательно исполнил монолог Гамлета. Возможно, здесь имеет место невольная аллюзия автора воспоминаний на строки стихотворения «Гамлет» Б.Л. Пастернака: «Гул затих. Я вышел на подмости. Прислонясь к дверному косяку (*курсив мой.* – Т.Б.), Я ловлю в далеком отголоске, Что случится на моем веку» [22, с. 361]. «Датско-алтайский» принц, согласно ощущениям мемуариста, был первым в череде позднейших шукшинских чудиков [23]. О юродстве как плодотворной модели для создания биографии Шукшина писала О.Г. Левашова [9, с. 203–206]. Добавим, что основанием для такой модели являются не только традиции русской народной житийной и смеховой культуры, но и шекспировский мотив «безумия» Гамлета.

Итак, доминантой первого этапа жизненного пути Шукшина является «вписывание» в советскую культуру, отстаивание своего права быть «своим» в мире «чужих» (москвичей, интеллектуальной элиты, бомонда и пр.). Чувство вины и раскаяния привело к отталкиванию от наследников тоталитарного режима. Ведущей становится стратегия утаивания подлинных мыслей под маской простеца, «дурачка», в текстах появляется образ «чудика». Совершается переход от произведений, написанных в соцреалистической манере к творчески более самостоятельным, вступающим в диалог с достижениями мировой литературы и культуры в целом.

Поздний Шукшин, отстаивающий право на авторское видение Степана Разина, освобожденное от лакировки советской пропагандой, создает прозу и драматургию свободную, помимо прочего, от собственных народолюбивых иллюзий. В заявке на литературный киносценарий «Конец Разина» (1966) Шукшин писал: «Он – национальный герой, и об этом, как ни странно надо “забыть”. <...> Надо по возможности суметь “отнять” у него прекрасные легенды и оставить человека» [17, т. 9, с. 116]. Как известно, личность и судьба предводителя народного восстания занимала В.М. Шукшина с юности, в какой-то мере он отождествлял с казачьим атаманом отца. Более того, общим местом среди шукшинистов является самоидентификация писателя с Разиным. “Stepan Razin permeates Shukshin’s life and art” [24, с. 267], – удачно обобщает наблюдения шукшинистов Дж. Гивенс. Гамлет и Разин «смыкаются» в точке, инициирующей их путь к трагическому финалу. Оба они – мстители (за отца и брата, соответственно). В качестве дополнительной параллели между героями укажем на общий мотив утопления женщины: невольного у Гамлета и сознательного у Разина. В отличие от Гамлета, Разин пошел по пути открытого сопротивления власти. Именно на последнем этапе

творческой эволюции Шукшина бунт против системы приобретает явный характер, о чем свидетельствуют неоднократные попытки поставить фильм о Степане Разине. Протест писателя выражается и в «пародийной цитации документов сталинской и хрущевско-брежневской поры, газетных штампов и спортивного радиокomentarия, песен сталинского времени и “вольных” бардов 60-х» [25, с. 93]. Отталкивание от канонов соцреализма происходит в двух, полярных, направлениях: «создание произведений подчеркнуто условных» и документальных [12, с. 181]. Особенно существенно то, что разинская персональная модель во-первых, восходит не к литературному, а историческому лицу, т.е. приближена к реальности, а во-вторых, воплощена не в чужом, а своем художественном произведении. Наиболее отчетливо обозначенную динамику сформулировала А.И. Разувалова: «...шукшинская эстетическая программа <...> во многом кристаллизовалась по принципу “от противного” – через высвобождение от власти культурных норм, референция к которой была некогда для Шукшина значимой» [15, с. 100].

Все важные для В.М. Шукшина поведенческие модели объединены мотивом одинокого противостояния враждебному социуму и имеют трагический финал: суицид, убийство, казнь. Возможно, эти обстоятельства предопределили как ранний уход писателя, так и порождение мифов о насильственном характере его смерти. В.М. Шукшин одновременно был фигурой неординарной и типической, что позволило его биографии стать «персональной моделью» для последующих авторов, выходцев из сельской глубинки.

Библиографический список

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.-Л.: АН СССР. Т. 4. 1949. 552 с.
2. Лотман Ю.М. Биография – живое лицо // Новый мир. 1985. №2. С. 228–236.
3. Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб.: Искусство–СПб, 1997. С. 804–816.
4. Богумил Т.А. Путь В.М. Шукшина от культурной периферии к центру как смена объектов самоидентификации (Электронный ресурс) // Маргиналии-2019: границы культуры и текста. Осташков, 2019. URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/conf/marginalii-2019/thesis.htm> (дата обращения – 20.02.2020).
5. Коробов В.И. Шукшин: вещее слово. М.: Молодая гвардия, 1999. 405 с.
6. Варламов А.Н. Шукшин. М.: Молодая гвардия, 2015. 399 с.
7. Куляпин А.И. Взгляд современника на личность и творчество В.М. Шукшина // III Рождественские чтения: «1917–2017: уроки столетия». Ишим: филиал ТюмГУ, 2017. С. 72–76.
8. Тепляков С.А. Василий Шукшин: «А любить надо...». Барнаул: Алтайский дом печати, 2018. 379 с.
9. Левашова О.Г. Биографический текст В.М. Шукшина: модели описания // Традиции творчества В.М. Шукшина в современной культуре. Барнаул: АлтГУ, 2014. С. 197–207.
10. Марьин Д.В. Несобственно-художественное творчество В.М. Шукшина: системное описание. Барнаул: АлтГУ, 2015. 389 с.
11. Аннинский Л.А. Тридцатые – семидесятые. М.: Современник, 1978. 271 с.
12. Куляпин А.И. Творческая эволюция В.М. Шукшина. Ишим: ИГПИ им. П.П. Ершова, 2012. 204 с.
13. Луков Вл.А. Теория персональных моделей в истории литературы (Электронный ресурс). М.: Моск. гуманит. ун-т, 2006. URL: https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov_VI_A_Theory_of_Personal_Models/ (дата обращения – 20.02.2020).
14. Жолковский А.К. Интертекстуальное потомство «Я вас любил...» Пушкина // Жолковский А.К. Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. М.: РГГУ, 2005. С. 390–431.
15. Разувалова А.И. Писатели-«деревенщики». М.: НЛО, 2015. 616 с.
16. Лондон Дж. Мартин Иден / пер. под ред. Е. Калашниковой. Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1987. 340 с.
17. Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 9 т. Барнаул: Барнаул, 2014.
18. Турбин В.Н. Незадолго до Водолея. М.: Радикс, 1994. 512 с.

19. Куляпин А.И. Ш[укшин] и зарубежная литература // Творчество В.М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник: в 3 т. Барнаул : АлтГУ, 2006. Т. 2. С. 236–240.
20. Лордкипанидзе Н.Г. Комментарий к Шекспиру // Экран и сцена. 2009. Декабрь. № 23. С. 6.
21. Луков Вл.А., Захаров Н.В., Гайдин Б.Н. Шекспировские студии IV: Гамлет как вечный образ русской и мировой культуры. М.: Моск. гуманит. ун-т, 2010. 87 с.
22. Пастернак Б.Л. Стихотворения. Поэмы. Переводы. М.: Правда, 1990. 544 с.
23. Гаврилов М.И. Были-байки про кино (Электронный ресурс). URL: http://samlib.ru/g/gawrilow_m_i/markvgikrtf.shtml (дата обращения – 20.02.2020).
24. Givens J. Provincial polemics: Folk discourse in the life and novels of Vasili Shukshin. Michigan: Ann Arbor, 1993. 389 p.
25. Козлова С.М. Поэтика рассказов В.М. Шукшина. Барнаул: АлтГУ, 1992. 184 с.

References

1. Pushkin A.S. Complete Works: in 10 vols. Vol. 4. M.-L. 1949. 552 p.
2. Lotman Yu.M. Biography is a living face. In: New World. 1985. No2. P. 228–236.
3. Lotman Yu.M. Literary biography in a historical and cultural context (Toward a typological correlation of text and personality of an author). In: Lotman Yu.M. About Russian literature. St. Petersburg, 1997. P. 804–816.
4. Bogumil T.A. Way V.M. Shukshina from the cultural periphery to the center as a change of objects of self-identification [Electronic resource]. In: Marginal-2019: the boundaries of culture and text. Ostashkov, 2019. URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/conf/marginalii-2019/thesis.htm> (date of application: 20.02.2020).
5. Korobov V.I. Shukshin: a prophetic word. M., 1999. 405 p.
6. Varlamov A.N. Shukshin. M., 2015. 399 p.
7. Kulyapin A.I. View of a contemporary on the personality and work of V.M. Shukshin. In: III Christmas Readings: “1917–2017: Lessons of the Century”. Ishim, 2017. P. 72–76.
8. Teplyakov S.A. Vasily Shukshin: “But you need to love ...”. Barnaul, 2018. 379 p.
9. Levashova O.G. Biographical text V.M. Shukshina: description models. In: Traditions of V.M. Shukshina in modern culture. Barnaul, 2014. P. 197–207.
10. Maryin D.V. Non-fiction art of V.M. Shukshina: system description. Barnaul, 2015. 398 p.
11. Anninsky L.A. Thirties – seventies. M., 1978. 271 p.
12. Kulyapin A.I. Creative evolution V.M. Shukshina. Ishim, 2012. 204 p.
13. Lukov V.I.A. The theory of personal models in the history of literature [Electronic resource]. M., 2006. URL: https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov_VI_A_Theory_of_Personal_Models/ (date of application: 20.02.2020).
14. Zholkovsky A.K. Intertextual offspring "I loved you ... " by Pushkin. In: Zholkovsky A.K. Selected articles on Russian poetry: Invariants, structures, strategies, intertexts. M., 2005. P. 390–431.
15. Razuvalova A.I. Writers-"countrymen". M., 2015. 616 p.
16. London J. Martin Eden. Barnaul, 1987. 340 p.
17. Shukshin V.M. Collected Works: in 9 vols. Barnaul, 2014.
18. Turbin V.N. Shortly before Aquarius. M., 1994. 512 p.
19. Kulyapin A.I. Sh[ukshin] and foreign literature. In: Creativity of V.M. Shukshin: an encyclopedic dictionary-reference book: in 3 vols. Vol. 2. Barnaul, 2006. P. 236–240.
20. Lordkipanidze N.G. Commentary on Shakespeare. In: Screen and scene. 2009. December. No23. P. 6.
21. Lukov V.I.A., Zakharov N.V., Gaidin B.N. Shakespearean studies IV: Hamlet as an eternal image of Russian and world culture. M., 2010. 87 p.
22. Pasternak B.L. Poems. M., 1990. 554 p.
23. Gavrilo M.I. There were stories about the movie [Electronic resource]. URL: http://samlib.ru/g/gawrilow_m_i/markvgikrtf.shtml (date of application: 20.02.2020).
24. Givens J. Provincial polemics: Folk discourse in the life and novels of Vasili Shukshin. Michigan, 1993. 398 p.
25. Kozlova S.M. Poetics of V.M. Shukshin. Barnaul, 1992. 184 p.

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.009

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук
доцент кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации*

Новикова О.В.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)271-50-48

e-mail: oljanovik@mail.ru

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук
доцент кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации*

Лапынина Н.Н.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)271-50-48

e-mail: nn.lapynina@mail.ru

*Voronezh Technical State University
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
PhD, associate professor*

Novikova O.V.

Russia, Voronezh, tel. +7(473)271-50-48

e-mail: oljanovik@mail.ru

*Voronezh Technical State University
The chair of Russian language and
PhD, associate professor*

Lapynina N.N.

Russia, Voronezh, tel. +7(473)271-50-48

e-mail: nn.lapynina@mail.ru

О.В. Новикова, Н.Н. Лапынина

АНТРОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОМАНА А. ВАРЛАМОВА «ДУША МОЯ ПАВЕЛ»

Статья посвящена одной из актуальных проблем современной лингвистики – функционированию онимов в художественном тексте. Авторы анализируют «информационную модель» имен персонажей в романе А. Варламова «Душа моя Павел», которая включает лингвистическую информацию о собственном имени, а также ассоциации, коннотации, которыми обладает данное имя в историческом и культурном контексте. Данная информация формирует и углубляет образ персонажа, помогает выразить авторскую идею. Исследованный материал показывает, что фамилия, имя, отчество, прозвище каждого героя А. Варламова символичны, отражают его характер, взгляды, социальный статус персонажей и их предназначение. Кроме того, взаимоотношения героев ярко раскрываются в разнообразных вокативах, представленных широким спектром обращений в виде уменьшительно-ласкательных или презрительно-ироничных, дружеских или оскорбительных форм имен, просторечных слов с различными экспрессивными оттенками, отражающих динамику развития отношений и эмоциональное состояние героев в каждый момент их жизни. Делается вывод, что имена всех героев романа являются элементами авторского замысла и ключом к смыслу художественного произведения.

Ключевые слова: антропонимы, художественный текст, имя персонажа, информационная модель имени, символика и функционирование имени, вокативы.

O.V. Novikova, N.N. Lapynina

ANTHROPONYMIC SPACE OF A. VARLAMOV'S NOVEL «MY SOUL PAVEL»

The article is devoted to one of the urgent problems of modern linguistics - the functioning of onyms in a literary text. The authors analyze the «information model» of the names of the characters in A. Varlamov's novel «My Soul Pavel», which includes linguistic information about one's own name, as well as associations, connotations that this name has in the historical and cultural context. This information forms and deepens the character's image, helps to express the author's idea. The studied material shows that the surname, name, patronymic, nickname of each hero of A. Varlamov are symbolic, reflect his character, views, social status of the characters and their purpose. In addition, the relationship of the characters is vividly revealed in a variety of vocatives, represented by a wide range of references in the form of diminutive-affectionate or contemptuous-ironic, friendly or offensive forms of names, colloquial words with

various expressive shades, reflecting the dynamics of the development of relationships and the emotional state of the characters at each moment of their life. It is concluded that the names of all the heroes of the novel are elements of the author's intention and the key to the meaning of the work of art.

Key words: anthroponyms, artistic text, character name, information model of the name, symbolism and functioning of the name, vocatives.

Начиная с древних времен люди придавали особое значение имени, считая, что оно оказывает влияние на характер и судьбу человека. Символика имени до сих пор изучается астрологами и нумерологами, психологами и философами, языковедами и культурологами, этнографами и фольклористами. Так, П.А. Флоренский писал, что данное человеку имя есть целый спектр нравственных самоопределений и пучок различных жизненных путей [1, с. 170].

Многие современные исследователи обращают внимание на то, что в художественных произведениях имя человека часто используется писателями как один из важнейших компонентов при создании образа, включающий информацию о своем носителе. Одним из первых о функциях имени собственного в художественном тексте заговорил В.Н. Михайлов, выделив характеристическую, идеологическую, локализационную, структурно-композиционную функции имени [2, с. 93-95]. Н.В. Васильева выделяет вслед за Лампингом уже семь функций собственного имени в художественном тексте [3, с. 132] и говорит о собственном имени (СИ) как об информационной модели, «куда входит информация о СИ как языковой единице, информация о носителе СИ, а также ассоциации, коннотации, которыми обладает данное СИ для отдельного носителя языка и/или для данного лингвокультурного сообщества» [3, с. 29-30]. Т.А. Касаткина рассматривает две существенные функции имени персонажа в художественном тексте: 1) организующую второй, символический, сюжет произведения и 2) задающую герою его истинный образ, предсказывающую судьбу и предлагающую ему возможные варианты самореализации [4, с. 231]. В.М. Калинин, подчеркивая неразрывную связь имени и текста, называет оним «своего рода «транспортным средством», доставляющим в текст набор аккумулятивной исторической, этнографической, географической, коннотативной и иной сопутствующей информации» [5, с. 13]. Г.Ф. Ковалев считает, что имя в художественном тексте определяется авторским сознанием, системностью имени в самом произведении, системностью хронотопа, социальностью системы имен [6, с. 10-11].

Рассмотрим с этой точки зрения роман А. Варламова «Душа моя Павел». Цель нашего исследования – проанализировать семантику антропонимов главного героя и других персонажей, а также специфику их функционирования на страницах романа.

Сам автор в одном из интервью так комментирует «миссию» своего персонажа: «Павлик – это... осуществившаяся мечта, удавшийся советский человек. Павлик инфантилен, но добр душой, чист, свободен и, как блоковский скиф, сзывает изверившуюся, разваливающуюся, изъеденную лицемерием страну на братский пир труда и мира. Он дает ей последний шанс, не догадываясь о том, что его все равно не послушают и ему еще придется пережить распад его возлюбленной Родины и сокращение прекрасной географической карты, которую он выучил наизусть и повсюду с собой таскает. В противовес антиутопиям, обращенным в будущее, я пытался написать утопию о прошлом» [7]. А. Варламов знакомит нас с главным героем романа Павлом Непомилуевым в первой главе с говорящим названием – «Мечтателен и глуп»: «... малообразованный рослый юноша с обильными прыщами на пухлом беззаботном лице ...» [8, с. 9]. Однако внешний образ героя сразу же вступает в противоречие с информационной моделью его имени. Мы ещё не знакомы с характером героя, но уже ожидаем от него решительности, твёрдости, преодоления препятствий. Имя *Павел* по происхождению древнеримское, использовалось изначально как приставка для обозначения младшего в семье [9]. Павел Непомилуев, оказавшись на картошке среди старшекурсников, не только самый младший по возрасту, но и самый неопытный в жизни, самый малообразованный, да и отношение к нему окружающих сначала, как к маленькому, глупому, недоразвитому. «Пупс», «пупсик», – так зовут его окружающие. Но имя *Павел* имеет ещё один, более существенный компонент смысла: оно отсылает нас к апостолу Павлу. Интересна аналогия линии судьбы апостола и героя А. Варламо-

ва: и тот, и другой меняют свои взгляды и убеждения, сталкиваются с испытаниями, которые закаляют их характер. Апостол Павел из гонителя христиан превращается в яркого проповедника христианского учения, умирает за свою веру. Павел Непомилуев за месяц жизни в деревне Анастасино проходит путь от убеждённого сторонника СССР, мечтателя до сомневающегося, думающего, повзрослевшего, но не отказавшегося от своей Родины человека.

Фамилия *Непомилуев* звучит твёрдо, категорично, как бы говоря читателю, что, несмотря на первое впечатление от внешнего вида Павлика, его неуверенности и смущения, он имеет внутренний стержень, сильный и бескомпромиссный характер. Вот Павлик на картофельном поле, он всем здесь помогает. Над ним посмеиваются, но он не понимает почему и ни на кого не обижается. Он стесняется самого себя. На всех смотрит снизу вверх, хотя выше всех. Его все время гложет чувство вины перед теми, кто не поступил на филфак, а его с семнадцатью баллами взяли. Но в то же время он единственный, кто не захотел, чтобы Семибратский, комиссар их студенческого отряда, проверял его вещи в поисках спиртного. Чувство собственного достоинства говорит в нём, когда он уходит в лес после обидного розыгрыша Сыроеда; когда, ничего не говоря, не оправдываясь, уходит после несправедливого обвинения в стукачестве. Став бригадиром, Павел налаживает дисциплину, никому не даёт спуска, и прежде всего самому себе. Фамилия героя связана с глаголом «миловать», что значит прощать, жалеть, оказывать милосердие, не наказывать [10, с. 272]. Частица *не* говорит о том, что судьба не будет его миловать, обойдётся с Павликом довольно жестоко, что его ждут разочарования, что он потеряет свою любимую огромную страну, где нет национальностей, где каждый человек – «советский».

А. Варламов по-доброму относится к своему герою, на всём протяжении романа чаще всего называет его ласково – *Павлик, Павлуша*, по фамилии – в очень редких случаях, например, при разговоре Павла с Марусей, когда он сердится за её слова о Лене и отчитывает девушку, как взрослый – ребёнка.

Павлик приехал в Москву поступать на филфак из города Обдорска, которого нет на карте, потому что это засекреченный объект. Это маленький коммунистический рай, в котором рано умирают люди. Умерли и родители Павлика. Его наставником становится командир отца генерал *Передистов*. В этой фамилии читается и слово «впереди, первый», и «истый», «истовый» (производные от слова «истина»), что значит «настоящий, верный, истинный» [10, с. 60]. С одной стороны, Передистов настоящий коммунист, посвятивший свою жизнь служению родине. Не случайно он зовёт своего подопечного Павкой, как героя романа Н. Островского «Как закалялась сталь». Да и имя *Александр* («победитель») тоже не случайное. С другой стороны, это человек, осознающий реальность, мудрый, хранитель истины. В потусторонней встрече с Передистовым во время болезни Павлик с горечью говорит, что не смог переубедить товарищей, перетянуть на свою сторону, на что получает мудрый ответ: «А ты и не должен был их ни в чем убеждать ... просто быть самим собой» [8, с. 327]. В последнем разговоре с Павликом генерал в ответ на сомнения, потерю веры своего подопечного, отвечает: «Верной дорогой идёшь, товарищ» [8, с. 375]. В ответ же на желание Павлика вернуться в Пятисотый говорит, что это невозможно, потому что Павлик потерял целомудрие. «Кто я?» – спрашивает Павлик и получает ответ: «Ты – лучшее, что мы могли им дать. Ты наше целеполагание, Павел» [8, с. 377]. А. Варламов в интервью сказал: «Я интуитивно чувствую, что опекун моего главного героя должен сказать ему в напутствие именно эти слова. Он как будто стремится продвинуть, забросить сына погибшего друга как можно дальше и выше, потому что Павлик – это их оправдание, осуществившаяся мечта, удавшийся советский человек» [7].

Человеком, который изменил судьбу Павлика, была декан филологического факультета, знаменитый профессор *Муза Георгиевна Мягоньяка*, светило науки. Известно, что муза – это одна из девяти богинь, покровительниц различных искусств и наук, вдохновлявших поэтов и ученых в их творчестве. Мягоньяка, прочитав сочинение Павлика и увидев в нем скрытый потенциал, берет его под свое покровительство: заставляет написать апелляции, подписывает их, не хочет, чтобы он попал на войну в Афганистан; поселяет на уборке картофеля к старшекурсникам, которые являются элитой филфака, чтобы Павлик добрал знания

и опыт, которых ему не хватает, и, наконец, подписывает письмо с добровольным отказом от должности декана в обмен на заявление Павлика об отчислении.

Фамилия *Мягонькая* обманчива. Да, Муза Георгиевна говорит «мягко», с южным акцентом, смягчая окончания глаголов, используя диалектизмы и разговорные слова. К Павлику она обращается «*батьюшка*», «*миленький мой*», «*мил человек*», чем вызывает ощущение «своего человека», которому можно все рассказать. Но как только возникает ситуация, требующая от неё решительных действий, она показывает свой твердый характер, речь ее становится безупречной с точки зрения литературных норм. Её уважают и студенты, и преподаватели, с ее мнением считаются все, даже члены парткома, хотя сама она беспартийная. «Она же только по фамилии мягонькая», – говорит о ней Семибратский [8, с. 333]. Алена, когда Павлик рассказал ей свою историю поступления, дает такую характеристику Музе Георгиевне: театралка, любит спектакли устраивать, справедливая и честная, никому подлости не делала, видит людей насквозь; мозги государственные, как у Екатерины II [8, с. 94].

Твердость характера и сферу деятельности подчеркивает и отчество декана. Конечно, это ассоциация с Георгием Победоносцем. Мягонькая – такой же воин, отстаивающий честь факультета, каждого талантливого преподавателя и студента. Имя *Георгий* происходит от одного из имен Зевса, которое означает «возделывающий землю», «земледелец» [9]. Мягонькая как декан факультета формирует и воспитывает будущих филологов – не только специалистов, но прежде всего людей.

Кроме декана, определенную роль в судьбе Павлика сыграют три преподавателя. Приехав на уборку картофеля, Непомилуев знакомится с *Ильей Михайловичем Семибратским*, который первый проверял сочинение Павлика и исправлял в нем ошибки, почувствовав искренность и талант абитуриента и желая повысить ему балл. Имя комиссара, как его называют студенты, вводит нас в христианскую символику. *Илья* и *Михаил* – библейские имена. *Илья* (устар. *Илия*) – древнееврейское имя *Элийяху*, которое означает «Яхве – мой Бог». Это имя пророка Илии, о котором повествует Ветхий Завет и который почитается в трёх религиях: иудаизме, христианстве и исламе. *Михаил* – древнееврейское *Михаэль*, что означает «равный, подобный Богу». В священных книгах первоначально это ангел, архистратиг (командующий ангельским воинством) [9]. Фамилия *Семибратский* представляет собой сложное слово, состоящее из двух частей: «семь» и «братский». Семь – мистическое, сакральное число во всех культурах. Это основной числовой параметр вселенной; это семь дверей человека: два глаза, два уха, две ноздри и рот; семь поясов Земли, семь Небес, семь ветвей Древа Жизни с семью листьями на каждой; семь Плеяд, семь главных планет; семь основных добродетелей и семь смертных грехов в христианстве и т. д. [11]. Слово «братский», во-первых, значимо в советской идеологии: оно воплощает идею братства, любви, взаимопомощи. СССР – это союз *братских* республик. Во-вторых, здесь содержится аллюзия, отсылающая к А.С. Пушкину, его лицейским друзьям и лицейскому братству: «Друзья мои, прекрасен наш союз!» Подобные мысли возникают у Павлика, когда он видит, что студенческий отряд превратился в сплоченный коллектив, и тогда в его сознании соединяются пушкинское начало и советские идеалы: «советское – это не страшная глокая куздра, не ГУЛАГ, не воровство и не подлость, настоящее советское – это когда людей объединяет общее и когда дружеское важнее личного, потому что дружество и есть советская власть» [8, с. 281].

Семибратский – командир студенческого отряда. Он сочувствует студентам, сам провоцирует их на протест. По сути, он как старший брат для студентов. Но его время ушло, и он уходит из жизни.

Вторая знаковая фигура в судьбе Павлика – *Николай Кузьмич Суц*, преподаватель истории КПСС и секретарь парткома. Он случайно присутствует на крещении Павлика и невольно становится его крестным отцом, поэтому и не допускает его исключения из университета. Имя *Николай*, конечно, прежде всего ассоциируется со Святителем Николаем Чудотворцем. Отчество *Кузьмич* указывает на народные корни, он выходец из народной, а не интеллигентской среды. Несмотря на внешнюю простоту, разговорную речь, он хитрый политик, знает, на какие клавиши нажать, чтобы добиться своего. Так, он намекает новому декану Раисе Станисла-

вовне, называя ее матушкой Ираидой, что знает о том, что та украдкой посещает церковь, поэтому, будучи православной христианкой, она не может выгнать с факультета своего брата-христианина Павлика. Николай Кузьмич может и прикрикнуть, от одного его взгляда становится не по себе. Забрав заявление Павлика, он идет шантажировать Мягонькую и не скрывает этого. Говоря о своей фамилии *Суц*, он добавляет к ней *Ъ*, подчеркивая твердость, незыблемость, главенство идей советской власти, которую он олицетворяет. Зловещая фамилия! Шипение змеи, коварство. «Опасный человек», – делает вывод Павлик [8, с. 372].

Третий человек – злой рок Павлика, *Раиса Станиславовна*, заместитель декана, которая, с самого начала невзлюбив Павла, называет его лопарем. В устах верующего человека это не случайное слово. В.И. Даль указывает на его бранное значение: «*новг. бусурман, нехристь, еретик, не соблюдающий установлений церкви*» [10, с. 266]. Однако вера в бога не мешает Раисе Станиславовне быть жестокой по отношению к окружающим. По одной из версий, имя *Раиса* произошло от арабского слова «*раис*», что означает «начальница» или «предводительница». Именно к посту декана стремится Раиса, приехавшая из провинции и под крылом своей покровительницы, декана Мягонькой, сделавшая карьеру. Студенты ее не уважают, называя Райкой [8, с. 94]. Павлик ловит себя на мысли, «что есть что-то невыносимо привлекательное в этой ужасной прекрасной даме» [8, с. 367].

Интересен в романе круг студентов, в который попадает Павлик на уборке картофеля. Его подселяют к элите факультета – студентам-старшекурсникам, которых называют структуралистами, а комнату, где они живут вчетвером, – синагогой. Название неслучайное, трое из студентов – евреи по национальности, а структурализм как учение о системности языка утвердился в качестве самостоятельного направления в языкознании к середине XX века.

Признанный лидер структуралистов – самый умный студент факультета, скептик *Григорий Бодунов*, по прозвищу Бодуэн, прозванный так по ассоциации своей фамилии с фамилией русского ученого-структуралиста И.А. Бодуэна де Куртенэ. Григорий поддерживает это мнение о себе всем своим видом и поведением: «... цивилизно одетый, будто не на картошке он был, а пришел в эту комнату из аудитории на девятом этаже, гладко выбритый, пахнущий благородным одеколоном, симпатичный русоголовый курносый гражданин ...» [8, с.62] Автор пишет о нем: «... первой натурой была усмешка, а второй – возражение» [8, с. 156]

О некой избранности Бодуэна говорит и его имя *Григорий* (греч. «бодрствую»), которое появилось в эпоху становления христианства и сопоставлялось с личными качествами идеального христианина. Это имя носили многие святые: Григорий Чудотворец, Григорий Просветитель, Григорий Богослов и др. Имя было изначально популярно на Руси, часто использовалось обрусевшими евреями как аналог (по созвучию, а не этимологии) ряда еврейских имён, чаще всего Гершен. Однако на протяжении XX века имя Григорий стало употребляться все реже и реже [9], поэтому можно сказать, что Бодуэн носит редкое имя, которое выделяет его из массы других студентов. По наблюдению Павлика, Григорий говорит всегда умно, литературным языком, не допускает в своей речи жаргонизмов.

То, как обращается Григорий к Павлику на всем протяжении повествования, показывает постепенное изменение его отношения к Непомилуеву. Вначале Бодуэн не принимает Павлика, называет его несколько пренебрежительно: «Пашутка Непомилуй, святая простота» [8, с. 157], но в то же время и не задирает его, как другие. Потом, когда Павлу своим вопросом о том, что советская страна сделала им плохого, удается вывести на откровенный разговор Сыроеда и Бокрёнка, смотрит на него с интересом, Григорий первым начинает говорить с Павликом серьезно, объясняя ему многие вещи.

Когда Бодуэн обнаруживает, что Павлик подслушивает его разговор с Данилой о «Слове о полку Игореве», он уже смотрит на Павлика с нескрываемым любопытством, уже не числя его в простофилях: «Странный ты всё-таки, Непомилуев, парень. Вон Данька тобой любуется как дитем природы, а мне иногда кажется, что ты похож на сосуд, который чем хочешь наполнить можно. Из тебя, может, черносотенец, а может, доктор Гааз какой-нибудь выйдет. А иногда я думаю, что ты только прикидываешься таким наивным. А в глубине себе

на уме мужичок и интерес свой блюдешь. И никакой ты не простофиля» [8, с. 162-163]. А после ответа на вопрос о веке создания «Слова» и вообще – удивленно [8, с. 164].

Симпатия к парню растёт, поэтому его, скептика, всегда спокойного, задевает, выводит из себя то обстоятельство, что Павлик – возможный стукач, после доноса которого о студенческой попойке неожиданно приезжает Семибратский. «Ты откуда взялся? Лапоть ты деревенский. Кто тебя впустил сюда? Для чего? Ты же просто недоразумение угреводное ...», – восклицает Бодуэн и пытается дать Павлу пощечину, плюет под ноги [8, с. 191]. Такое поведение не похоже на Бодуэна!

И, наконец, Бодуэн «изумленно посмотрел и покачал головой», когда Павлик всех простил за подозрения в стукачестве. «Растет мальчик», – прочел Непомилуев в его глазах. [7, с. 219]. Став бригадиром, Григорий относится к Павлику с каждым днем все внимательнее, хотя и насмешливо: «Почему наш малыш озабоченный ходит?» Но Павлик понимает, что «... эта насмешка из уважения слеплена и признания силы» [8, с. 255]. После прочтения Непомилуевым «Архипелага» Солженицына Бодуэн в конце концов признает право Павлика думать по-своему: «Интересный ты всё-таки, Павленок, тип, – очистил он уважение от насмешки ... Хотел бы я на тебя посмотреть лет через двадцать: что из тебя получится? И сдаётся мне, сделаешь ты, Непомилуище, великую карьеру» [8, с. 256-257]. В университете, уже после картофельной эпопеи, Григорий Бодунов обращается к Павлику по-дружески, как к своему, равному себе, – Павел.

Второй обитатель «синагоги» – *Данила Кантор*, «мускулистый, коротко стриженный, но с мягкой чубарой бородкой и выдающимся хищным носом, закрывавшим половину разбойного лица» [7, с. 62], идеалист и эрудит (читает иностранную книгу, запоминает слова), ходячая энциклопедия, интеллигент.

Это единственный персонаж без прозвища, хотя на прозвище похожа его фамилия. *Кантор* – главный певец в синагоге [12, с. 415]. Имя *Даниил* библейское, образовано от двух еврейских слов: «дан» – судья и «эль» – Бог, то есть означает «божий суд» или «судья мой Бог». Именно Данила выступает как судья на процессе, разбирая по полочкам время написания «Слова о полку Игореве», причины и обстоятельства его появления, авторство, взаимоотношения исторических личностей, причастных к «Слову», и выносит свой вердикт.

Данила, как и Бодуэн, не позволяет себе фамильярного или грубого обращения к Павлику, да и к другим студентам. Он запрещает жителям комнаты нецензурные выражения, которыми грешит Сыроедов. Поэтому для всех стало полной неожиданностью, что после попойки он «послал» Семибратского. Данила единственный, кто говорит с Бодуэном на равных, называя его в разговоре в зависимости от содержания и эмоций по-разному: *Гриша* [8, с. 148], *Гришка* [8, с. 149], *Гришуня* [8, с. 151], *Гришковец* [8, с. 152], *Гришутка* [8, с. 153], *Гришуля* [8, с. 154], *Григорий Петрович* [8, с. 157].

Обращается же Бодуэн к Кантору как старший к младшему: *Даня*, *Данечка*.

Отношение Данилы к Павлику также меняется, он читает ему «Слово», обращаясь доверительно: *Паш*, *Пашуля* [8, с. 164]. А Павлик – только *Даня*, как к другу. Наверное, потому, что Данила – тот человек, с которым Павлик хотел бы дружить. Непомилуев был тем единственным студентом, кто пошел к Семибратскому заступаться за Кантора.

Третий обитатель «синагоги» – *Евгений Бокров*, по прозвищу *Бокрёнок*. Слово взято из примера Л.В. Щербы, приведенного в лекции по языкознанию: «Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокрёнка». Для прозвища выбрано не слово «бокр», а именно «бокрёнок» – детёныш, маленький, что соответствует как внешнему виду, так и характеру героя. Это небольшого роста, «... узкогрудый паренёк с черными и крупными, как маслины, выпуклыми глазами», с лицом чистым и розовым «от юности и здоровой крови» [8, с. 61-62]. Автор постоянно подчеркивает в поведении героя детскость («маленький, как воробышек» [8, с. 234]), наивность, импульсивность, юношеский максимализм: «Подошел Бокренок. Чистенький, гладенький, подстриженный, похожий не на студента, а на старательного семиклассника со следами гречневой каши и кипяченого молока на губах ..., протянул лапку» [8, с. 350]. Как известно, имя *Евгений* греческого происхождения и значит «благородный, из хо-

рошего рода». Женя оправдывает свое имя: он никогда не пойдет на сделку с совестью. В душе он бунтарь, один пытается поднять студентов на протест против работы в поле («главное в драку ввязаться»). Когда сняли Мягонькую, Бокренок мечется, тщетно пытается уговорить студентов забаррикадироваться и требовать встречи с ректором.

При первой встрече Бокренок с превосходством смотрит на Павлика, оскорбительно называя его «засколупина», «зараза» [8, с. 62]. Такое обращение связано, конечно, с прыщавостью Павлика, на которую все обращают внимание, так она бросается в глаза. В некоторых диалектах встречается слово «колупа» в значении «содранная и засохшая древесная кора» от глагола «колупать» – «отдирать» [10, с. 143]. Слово «зараза» входит в словарное гнездо «заразиться, заразный».

Отношение Жени к Павлику постепенно меняется, и вот он, приоткрывая Павлу душу, уже зовет его «Непомилуйчик», «Пашуля» [8, с. 135]; «Павлунька», «Паша» [8, с. 237], а в университете – «брат» [8, с. 350].

Мечтатель и страдалец – такую характеристику дает Бокренку Павлик, только его одного не может наказать за то, что тот не хочет работать (рука не поднимается), только ему предлагает дружбу.

Четвертый человек, представляющий элитную группу филфака, – *Эдуард Сыроедов*, по прозвищу Сыроед. Автор намеренно сталкивает имя, претендующее на изысканность, элитарность (англосаксонское *Eadweard* – «страж богатства, достатка, счастья» [9]), и простонародную фамилию. И это противоречие – отражение сути характера героя. Внешне «изящный парень в широкополой черной шляпе и очках с тонкой оправой и затененными стеклами» [8, с. 60], в отрочестве просивший называть себя на испанский манер Эдуардо, «породистый, избалованный, смазливый, похожий не то на чертика, не то на артиста» [8, с. 68], но в то же время шут, пройдоха, шпана, да и просто «порядочно невоспитан» [8, с. 182]. Сыроед постоянно подчеркивает: «Я не московский мальчик», «я из-под Электроуглей» [8, с. 75]. Конечно, Сыроед начитан, образован, но и в то же время чаще других выражается нецензурно, зол на язык, способен на подлую пакость.

В отличие от своих товарищей Сыроед не еврей, ему стоило большого труда, чтобы они приняли его в свою компанию, хотя «при каждом удобном случае дают понять, что он чужой. И поэтому он так нервничает и устраивает это отвратительное фиглярство», – просвещает Павлика Лена [8, с. 104].

Но Сыроедов может быть и сентиментальным. Например, его волнует проблема справедливости и зависти, которую он считает родной сестрой справедливости, – пьяным откровенничает у костра. «Шпана, клоун, бабник, трепач, задира, а оказывается, он вон какой», – размышляет Павлик, открывая Эдуарда с другой стороны [8, с. 131].

Вначале Сыроед называет Павлика презрительно «*фурсик*» (недоросток, маленький человечек [13, с. 540]), «*тупсик*» [8, с. 65], «*тупс*» [8, с. 122]. Но уже в разговоре у костра, когда Сыроед пришел мириться, просить прощения за свою мерзкую шутку на картофельном поле, он обращается к Павлику грубовато по-дружески – *Пахом*, а когда начинается серьезный разговор по душам – *Павел*; когда же понимает, что Павел не сердится на него, простил, уже доверительно – *Пашец* [8, с. 75]. Позже, пожалев об откровенности у костра, вновь в своей манере, с деланной грубостью спросит: «Ну что, стучать побежишь на нас, засколупина?» [8, с. 115]. Во время спора Павлика со «структуралистами» дразнит: «Непомилуйка» [8, с. 118], рассердившись, с раздражением – «*тупс, пентюх неразвитый*» [8, с. 122]. Позже, удивляясь, что откровенничает с Павликом, – обратится к нему ласково, с нежностью, как к младшему брату: *Павличок* [8, с. 131]. Сыроед не показывает внешне, что его отношение к Павлику изменилось, но поступки говорят сами за себя: когда Павлик ушел один на поле работать под дождем, первый за ним пошел Эдик, хотя и возмущался больше всех: «... если он урод и дебил, то почему все должны на него походить?» [8, с. 241]. Но это он уже говорит себе под нос, а во всеуслышание называет Павлика *Турсунали Митказимов* – именем таджикского пионера, героя Социалистического труда [8, с. 243]. В университете обращается уважительно: *Павло* [8, с. 351].

Самый богатый и разнообразный арсенал обращений к товарищам именно у Сыроеда. Вот Эдуард начинает отвечать на вопрос Павлика, почему не любит свою страну, и рассказывает историю с чилийским флагом в Артеке, и Павлик превращается в *Паулино, Павлуччио* [8, с. 124]. Бокренка на французский манер называет *Эженом*, когда тот заговорил о выступлении против работы на картошке, сравнив ситуацию с выступлениями французских студентов [8, с. 298], но чаще обращается иронично и ласково: «*бугорок*».

Меняется не только отношение «структуралистов» к Павлу, но и его отношение к ним. Сначала он страдает от их высокомерия, презрения, недоверия с их стороны. Его искренне удивляет, что можно огорчаться успехам и радоваться неудачам своей страны: «Любить благополучную, сытую страну немудрено, а ты полюби вот такую» [8, с. 117]. Павлик считает их обиды на Советскую власть несерьезными: «Одного воспиталки в детском саду гнобили и на третий ярус отправили, а ему на сцену хотелось, другому книжек особенных не дают читать, как будто ему обычных мало, третий вообще уехать хочет и злится от того, что его не пускают. А у меня ведь, дядя Леш, так получается, что страна моя родителей отняла. Сначала маму, потом отца. И если я буду знать, что они напрасно погибли, если всё вокруг – гниль, труха и ничего не осталось, я же сам, дядя Леш, мстить начну, а это пострашней всего будет», – признается Павел в разговоре с Лешей Бешеным [8, с. 253].

Но постепенно структуралисты начинают нравиться ему все больше: «Павел видел, что они умны, обаятельны, интересны каждый по-своему, держатся друг за друга, даже если друг с дружкой не согласны, а больше всего ценил Непомилуев на свете дружбу и о такой дружбе мечтал» [8, с. 144].

За месяц жизни в Анастасьино Павлик знакомится с разными людьми, студентами и местными жителями. Все они оставляют след в его душе.

Роман Богач – первый бригадир студенческого отряда, «... щеголеватый небритый малый в брезентовой куртке и армейской фуражке, с командирской сумкой, переброшенной через плечо» [8, с. 45]. Роман – украинец по национальности, поэтому часто бравитурит, переходя на украинский язык, хотя прекрасно владеет литературным русским; может и поддразнивать евреев: подражая им, картавит. Несколько поверхностный, не склонный к самокопанию, позёр, но красавчик, любимец девочек, часто заводит любовные романы – отсюда и имя *Роман*. «*Ромочка*», «*Ромашка*», – зовет его Маруся.

Фамилия *Богач* произносится с ударением на первом слоге, но все делают ударение на второй слог – это и есть прозвище. Данила называет его «*сержант Пеппер*» [8, с. 66] Это название популярного альбома группы Битлз – «Оркестр клуба одиноких сердец Сержанта Пеппера». Роман же называет свою бригаду «передовая першеукраинская анастасьинская бригада имени Беды Достопочтенного» [8, с. 46]. Беда Достопочтенный – английский иеромонах-бенедиктинец, жил в обители, одной из важнейших особенностей которой был дух равенства и невмешательства властей во внутренние дела обители, а монахи считались братьями пред Богом. Вероятно, некие ассоциации с духом этой обители возникли у бригадира студенческого отряда.

Роман первый называет Павлика «*пупыр*» [8, с. 47], «*пупс*» [8, с. 96]. Потом между ними была драка: Павлик не смог стерпеть измены Романа Алене, застав его ночью с Марусей. Но было и уважение, потому что Павлик промолчал, ничего не сказал ни Алене, ни ребятам. Отношение Богача к Павлу постепенно кардинально меняется, и в университете Павлик уже для Романа свой человек: «старичок, учись», «своих не бросаем» [8, с. 350].

Денис, Дионисий по святым, – сокурсник Павлика, «чернявый паренек с острыми и умными карими глазами» [8, с. 46-47]. При первой встрече Роман Богач называет его «*Абгамчик*» [8, с. 47], специально картавя и намекая на еврейское происхождение Дениса. Церковное имя человека с подлянкой – это как издевательство. Ради обучения в финской группе Денис соглашается быть стукачом, регулярно докладывает Семибратскому о делах и настроениях в отряде. Зовет Павлика ласково: «*Павлуня*» [8, с. 54], хотя может предать в любой

момент. Автор же называет Дениса только «*Дионисий*», что однозначно говорит об отрицательном отношении А. Варламова к своему герою.

Павлик в Анастасьино близко общается с тремя девушками. Его любовь – *Алена*, которая заступилась за него, взяла под свою защиту. Алена – первая красавица факультета (Елена Прекрасная), литовка по отцу. Настоящее имя – *Эяна*. У нее «... строгое лицо, тонкие губы» [8, с. 66], сильный характер. Она любит жить весело, мечтает уехать из страны, не хочет всю жизнь прожить за стеной. Она не дает спуску структуралистам, Сыроеду, решившему подшутить над Павликом. Павлик подмечает: «У нее глаза как крапива. Стеганет – мало не покажется» [8, с. 102]. Лена пользуется непререкаемым авторитетом. Для влюбленного Павлика она *Аленушка* из сказки. Алена – первый учитель Павлика: учит говорить правильно, учит жизни, рассказывает о том, что не все считают СССР великой страной и хотят здесь жить, о национальном вопросе. «Как ты с такими глазами жить собираешься?» – спрашивает она Павлика (не рожей, как говорят другие, а глазами!) [8, с. 87]. «*Мальши*» – первое и последнее обращение Лены к Павлику.

Бокренок говорит о ней: «Ленка красивая ... Но холодная, как Снежная королева. И опасная ... Литовка, смерть, коса» [8, с. 238]. Холодное сердце, холодное имя, как и она сама, настоящая, – это в конце концов понимает Павлик. Последняя встреча с «страшно красивой и самолюбивой, но вовсе не смертельной Эяной» оставляет в душе героя «сожаление и пустоту» [8, с. 379].

Соперница и полная противоположность Алены – *Маруся*. Имя является сокращенным вариантом имени *Мария*. Но может употребляться и в качестве самостоятельного имени, приобретая в этом случае значение «доброжелательная» [9]. Имя *Маруся* говорит о простоте героини (внешней и внутренней), хотя она постоянно подчеркивает свое дворянство. В отличие от холодного имени *Эяна*, *Маруся* – теплое имя. Его носительница не такая гордая, как Лена, а доступная, мягкая. Она ласково обращается к Павлику: *лопушок* [8, с. 95], *Непомилуничик* [8, с. 352], *Непомилушка* [8, с. 260], *Пашенька* [8, с. 287], *Павлик* [8, с. 290]. Всем сердцем, искренне рада, что Павлик не умер: бросилась на шею, зарыдала, гладила во волосы, по лицу, целовала. В Марусе была жизнь, поэтому тело Павлика отзывается на ее чувства, наполняется жизнью (с Аленой такого нет). При последней встрече Павлик подумал, что они «станут на всю жизнь друзьями, а может быть, и не только друзьями» [8, с. 352-353].

Люда – девочка с синими простуженными глазами, влюбленная в Павлика. Она незримо всегда рядом с ним, готовая прийти на помощь, а он ее не замечает. *Людмила* – людям милая. Исконно-русское имя дано неслучайно. Люда любит русскую деревню, считает, что там и есть настоящая жизнь, хотя ее отец – высокопоставленный чиновник, ездит на черной казенной «Волге». Именно поэтому ее отпускает с полевых работ в экспедиции по деревням Роман, а вот Бодуэн отпускает, потому что уважает, что она занимается наукой. Девушка ходит по домам, собирая фольклор. На всем протяжении романа она зовет Непомилуева *Павликом* [8, с. 290], *Пашенькой* [8, с. 287, 292], *Пашей* [8, с. 291]. Люда устроила так, что Павлик сопровождает ее в последней экспедиции. Она завела его в деревню Хорошая, где жила знахарка. Павлик просит Люду вылечить его лицо. Чтобы привлечь его к себе, Люда дает ему выпить приготовленный знахаркой отвар, чем провоцирует крайне болезненное состояние. Чтобы Павлик выжил, она дает обет отказаться от самого дорогого, то есть от Павлика.

Есть еще одна девочка, которая станет в будущем настоящей возлюбленной Павлика, – это *Буратинка*. Так он назвал ее за высокий рост, кудрявые волосы.

Значительную роль в судьбе Павлика сыграл и местный бригадир Леша Бешеный. Никто не зовет его полным именем, не зовет по отчеству, он свой для всех человек. Несмотря на то, что студенты его не любили, никто никогда не назвал его пренебрежительным именем, только Лешей. Кличку *Бешеный* он получил как за свой внешний вид (сиплый голос, без носа), так и за характер, манеру разговаривать. Он строго надзирает за работой студентов, заставляя их начисто убирать поле, ругаясь с Романом, а потом и с Бодуэном по поводу оплаты. Павлик сошелся с ним, когда стал бригадиром. Леша хорошо разбирается в людях, определяет их оригинальным способом: «По материалу. Одни как металл, другие – дерево, тре-

тьи, скажем, стекло ... Но главное, Паш, чтоб материал был добротный ...» [8, с. 217]. Павлик для него кактус с мягкими колючками, которые, однако, остаются занозами. Леша Бешеный сразу с уважением относится к Павлику, выделяет его среди всех других студентов, ценит в нем простоту, уважительность, верность слову; предлагает сразу же перейти на «ты», называть его «дядей Лешей» [8, с. 215]. Это отношение проявляется в таких обращениях, как «*Пашка-молодца*» [8, с. 217], *Павел Батькович* [8, с. 255]. Бригадир открывает Павлику глаза на положение в деревне, дает прочесть книгу Солженицына. В ответ и Павлик откровенен с Лешей, только с ним делится своими мыслями: приехал в Москву за ответом, за правдой.

Еще с одним человеком сталкивает Павлика судьба – с нестарой, одинокой женщиной по имени *Алла*, которая подобрала напившегося и замерзающего Павлика, умыла и обогрела. Студентки прозвали ее *Бабал*, сокращение от *бабы Аллы*. Это довольно жестокое прозвище, но для них она старуха, не то женщина, не то мужик. Алла одинока, истосковалась по мужской ласке, по лучшей доле, ей остается только пить да петь песни. У Павлика она вызывает сочувствие.

Все люди, с которыми свела судьба Павлика в течение одного месяца, оказали большее или меньшее влияние на его развитие, формирование мировоззрения, интеллекта, нового понимания своего места в мире. События прожитого месяца посеяли сомнения в его сердце, но не изменили главного – любви к своей стране. А. Варламов в интервью газете «Культура» сказал так: «Чувство Родины – естественная вещь, это как любовь к родителям, и это чувство не надо насаждать. Лучше освободиться и от иллюзий, и от бессердечного отрицания, не лгать, не обманываться, а любить свою Родину такой, какая она есть. Этому и учится мой Павел» [14].

Как видим, информационная модель личных имен в романе А. Варламова «*Душа моя Павел*», их ассоциативность и соотнесенность в художественном дискурсе являются важным художественным приемом выражения авторской идеи, помогают лучше понять авторский замысел. Имена и прозвища героев символичны, отражают их характер, жизненные принципы, судьбу. Не менее интересно использование вокативов, которые считаются самой частотной формой обращения в русском языке [15]. Они характеризуют не только интеллект героев, но и их эмоциональное состояние, взаимоотношения. Перечислим формы обращения к главному герою по имени: *Павел, Паша, Павло* (нейтральные); *Павлик, Павлуша, Пашенька, Пашуня, Пашутка, Павлуня, Павлунька, Павленок, Павличок, Павка* (уменьшительно-ласкательные); *Павел Батькович, Паулино, Павлуччио* (ироничные); *Пахом, Пашеец* (грубовато-разгорорные). Не менее выразительный ряд образуют формы обращений по фамилии Непомилуев: *Непомилуй, Непомилуище, Непомилуйка, Непомилуичик, Непомилуюшка*. К герою романа обращаются не только по имени, но и используя литературную и просторечную лексику: с одной стороны, по-дружески, по-доброму: *батюшка, миленький мой, мил-человек, малыши, старичок, брат, лопушок, святая простота*, с другой – грубо, пренебрежительно: *лопарь, простофиля, лапоть деревенский, недоразумение угреводное, пупырь, засколупина, зараза, фурсик, пупс, пупсик, пентюх недоразвитый*. Как видим, для выражения эмоционально-экспрессивного компонента используются самые разнообразные суффиксы русского языка, устойчивые выражения.

Таким образом, богатый и экспрессивный пласт антропонимов: прозвища, сокращенные имена, имена с уменьшительно-ласкательными и пренебрежительно-ироничными суффиксами, различные вокативы от грубого просторечия до ласково-поэтических – в неофициальных ситуациях общения усиливает эмоционально-экспрессивную выразительность отношений персонажей романа, показывает динамику их развития: от ненависти и неприятия до любви и уважения.

Библиографический список

1. Флоренский П.А. Имена / П.А. Флоренский. Сочинения: В 4 т. М., 1999. Т.3. Кн. 2. С. 169-358.
2. Михайлов В.Н.: Избранное. Михайловские чтения 2007-2008 // Антология поэтономологической мысли / отв. ред. Е.С. Отин; ост., подгот. текста В.М. Калинин; коммент., указатели М.В. Буковская и др. Т. 1. Донецк: Юго-Восток, 2008. 418 с.
3. Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. Изд. 2-е, испр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 224 с.

4. Касаткина Т.А. К вопросу о функциях имен в произведениях Ф.М. Достоевского // Имя в литературном произведении: художественная семантика. Москва: ИМЛИ РАН, 2015, с. 231-250
5. Калинин В.М. Знакомьтесь: поэтонимология // Вестник ТГУ имени Г.Р. Державина. Серия филологические науки и культурология. 2017. Т 3, № 1 (9). С. 10-17.
6. Ковалев Г.Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. С. 3-28.
7. Басинский П. Беги, Павлик, беги! Писатель Алексей Варламов о своем новом романе. [Электронный ресурс]. URL: <https://godliterature.ru>. (дата обращения: 20.06.20)
8. Варламов А.Н. Душа моя Павел: [роман]. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 381 с.
9. Портал: Имена. [Электронный ресурс]. URL: ru.wikipedia.org (дата обращения: 20.06.20)
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1 – 4. М.: Рус. яз., 1978 – 1980. Т. 2. 1979. 779 с.
11. Символика числа 7. [Электронный ресурс]. URL: <https://symbolism.ru>. (дата обращения: 20.06.20)
12. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2003. 1534 с.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1 – 4. М.: Рус. яз., 1978 – 1980. Т.4. 1980. 683 с.
14. Варламов А.Н. Нужно читать сердцем, а не препарировать книги // Газета «Культура 90». [Электронный ресурс]. URL: portal-kultura.ru/.../books/201912-aleksey-varlamovnuzhno-chitat-serdtsem-a-ne-pre (дата обращения: 20.06.20)
15. Леонтьева Л. Е. Антропонимические средства адресации // Вопросы теории языка и методики преподавания иностранных языков: сб. тр. III Междунар. науч. конф. (г. Таганрог, 5-7 июня 2009 г.). Таганрог: Изд. центр ГОУ ВПО «ТГПИ», 2009. Ч. 1. С. 145 – 147.

References

1. Florensky P.A. Names / P. A. Florensky. Works: In 4 vols. M., 1999. Vol. 3. KN. 2. Pp. 169-358.
2. Mikhailov V.N.: Selected. Michael's reading 2007-2008 // Anthology peaceimages thought / ed. edited by E. S. Otin; RES., podgot. text V. M. Kalinkin; comment., pointers M. V. bukovskaya et al. Vol. 1. Donetsk: South-East, 2008. 418 p.
3. Vasilieva N. V. Proper name in the world of text. Ed. 2nd, ISPR. M.: book house "LIBROKOM", 2009. 224 p.
4. Kasatkina T. A. On the question of the functions of names in the works of F. M. Dostoevsky // Name in a literary work: artistic semantics. Moscow: imli RAS, 2015, p. 231-250
5. Kalinkin V. M. Meet: poetonymology // Bulletin of TSU named after G. R. Derzhavin. Series philological Sciences and cultural studies. 2017. Т 3, No. 1 (9). Pp. 10-17.
6. Kovalev G. F. Aspects of studying proper names in artistic works // Kovalev G. F. Favorites. Literary onomastics. Voronezh: Publishing and printing center "Scientific book", 2014. P. 3-28.
7. Basinsky P. Run, Pavlik, run! Writer Alexey Varlamov about his new novel. [Electronic resource]. URL: <https://godliterature.ru>. (date of access: 20.06.20)
8. Varlamov A. N. My Soul Pavel: [novel]. Moscow: AST publishing House: Elena Shubina editorial Office, 2019. 381 p.
9. The portal: The names. [Electronic resource]. URL: ru.wikipedia.org " (date of access: 20.06.20)
10. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living great Russian language: Vol. 1-4. M.: Rus. yaz., 1978-1980. Vol. 2. 1979. 779 p.
11. The symbolism of the number 7. [Electronic resource]. URL: <https://symbolism.ru>. (date of access: 20.06.20)
12. Big explanatory dictionary of the Russian language / Chief editor S. A. Kuznetsov. SPb.: "Norint", 2003. 1534 p.
13. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living great Russian language: Vol. 1-4. M.: Rus. yaz., 1978-1980. Vol. 4. 1980. 683 p.
14. Varlamov A.N. You need to read with your heart, not dissect books // newspaper "Culture 90". [Electronic resource]. URL: portal-kultura.ru/.../books/201912-aleksey-varlamovnuzhno-chitat-serdtsem-a-ne-pre (date of access: 20.06.20)
15. Leontieva L.E. Anthroponymic means of addressing // Questions of language theory and methods of teaching foreign languages: sat. Tr. III internation. scientific Conf. (Taganrog, June 5-7, 2009). Taganrog: Publishing center of the state educational institution "TSPI", 2009. Part 1. P.145 – 147.

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.010

*Мордовский государственный
университет имени Н.П. Огарева,
доктор филологических наук
доцент, профессор кафедры русской
и зарубежной литературы
Акимова Т.И.
Россия, г. Саранск
e-mail: akimova_ti@mail.ru*

*Mordovsky State University named after
N.P. Ogarev,
Doctor of Philological Sciences
Associate Professor, Professor of the
Department of Russian and Foreign Literature
Akimova T.I.
Russia, Saransk
e-mail: akimova_ti@mail.ru*

Т.И. Акимова

«ГАЛАНТНЫЙ ДИАЛОГ» КАК АВТОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ А. КАНТЕМИРА

*(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта
«Екатерина II: личность, творчество, эпоха. Энциклопедический словарь», 18-012-00452)*

В статье рассматривается проблема «галантного диалога» как авторской стратегии в творчестве А.Д. Кантемира, которая проявляется, прежде всего, в эпистолярном жанре XVIII века и реализуется в трактате «Разговоры о множестве миров» Б. Фонтенеля. Под «галантным диалогом» понимаются равноуважительные отношения в общении собеседников при сохранении ими статусных ролей, которые влияют на изменение в первую очередь авторского статуса в литературе. Сама установка на «разговор» вне официоза, то есть сложившейся риторической системы, уже означала поворот российской словесности в сторону ее дериторизации, а также более активное проявление авторского начала. А.Д. Кантемир, который находился у истоков новой российской литературы, освобожденной от мощного религиозного наполнения, обращается в поиске «свободного» литературного канона к Фонтенелю, защищающего, как известно, в споре между древними и новыми авторами позицию Ш. Перро, провозгласившего галантность – качеством новой французской литературы. В статье рассматриваются составляющие элементы «галантного диалога» А. Кантемира с сестрой Марией, среди которых называются: любезное обращение к адресату, шифрование или придумывание прозвища для известного лица, имени которого не называется; заверения в любви и рыцарской преданности, афористические высказывания, свидетельствующие о знании собеседником светского общества. При помощи культурно-исторического метода выявляется не только генезис рассматриваемого явления, но и обозначается специфика развития «галантного диалога» в русской литературе XVIII века. Результат данного исследования позволяет по-новому взглянуть на отечественный литературный процесс XVIII века с точки зрения развития авторского начала в российской литературе, увидеть проявление тех литературных закономерностей, которые в полной мере проявят себя в литературной ситуации второй половины XVIII века, а точнее в период царствования императрицы Екатерины II.

Ключевые слова: «галантный диалог», авторская стратегия, русская литература XVIII века, творчество А.Д. Кантемира, переписка Кантемира с сестрой Марией.

T.I. Akimova

«GALLANT DIALOGUE» AS AUTHOR 'S STRATEGY OF A. CANTEMIR

*(The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of the scientific project
«Catherine II: personality, creativity, epoch. Encyclopedic dictionary», 18-012-00452)*

The article considers the problem of "gallant dialogue" as an author 's strategy in the work of A.D. Cantemir, which manifests itself, first of all, in the epistolary genre of the 18th century and is implemented in the tract "Talk of many worlds" by B. Fontenel. "Gallant dialogue" refers to equal respectful relations in the dialogue of interlocutors while maintaining status roles, which affect the change of copyright status in the literature in the first place. The installation itself on the "conversation" outside the waitosis, that is, the established rhetorical system, has already meant the turn of Russian language towards its deritorization, as well as a more active manifestation of the author 's beginning. A.D. Cantemir, who was at the origin of new Russian literature freed from powerful religious content, turns in the search for a "free" literary canon to Fontenel, defending, as is known, in the dispute between ancient and new authors the position of Sh Perro, who

proclaimed gallantry - the quality of new French literature. The article considers the constituent elements of A. Cantemir's "gallant dialogue" with his sister Maria, among which are called: courtesy of the addressee, encryption or inventing a nickname for a famous person whose name is not called; assurances of love and knightly devotion, aphoristic statements testifying to the knowledge of secular society by the interlocutor. The cultural and historical method identifies not only the genesis of the phenomenon in question, but also the specifics of the development of the "gallant dialogue" in the Russian literature of the 18th century. The result of this study makes it possible to take a new look at the domestic literary process of the 18th century from the point of view of the development of the author's beginning in Russian literature, to see the manifestation of those literary patterns that will fully manifest themselves in the literary situation of the second half of the 18th century, or more precisely during the reign of Empress Catherine II.

Key words: "gallant dialogue," author's strategy, Russian literature of the 18th century, creativity of A.D. Cantemir, Cantemir's correspondence with sister Maria.

XVIII век был назван «Галантным» [1] по ряду причин: это не только эпоха Просвещения с выходом третьего сословия на авансцену общественной и культурной жизни Европы, но и закат европейской аристократии, который ярче всего отразился в стилевом направлении рококо. Поскольку для России образцом для подражания в утверждении многих поведенческих, общественно-политических и культурных начал являлась, как и для европейских государств, только вступавших на путь просвещенного абсолютизма, именно Франция, то необходимо рассмотреть истоки зарождения и заимствования российским обществом некоторых галантных черт. И в этом случае позиция А.Д. Кантемира как яркого писателя, политика и дипломата является очень наглядной.

Галантность выступала в то время как аналог воспитанности и образованности, как соответствие принятому мировым сообществом образцу светского поведения. Для рассмотрения процесса вхождения галантного поведения в сознание российского дворянства, по нашему мнению, весьма показательной является категория «галантного диалога» как авторской стратегии [2].

Использование авторских стратегий для изучения литературного процесса XVIII века видится нам необходимым способом рассмотрения смены авторской парадигмы на переходе от риторической формы культуры, господствовавшей на протяжении XI – XVIII веков, к собственно поэтической форме [3], которая выразилась в «золотом веке» русской литературы, когда гедонистическое мироощущение поэтов, воспевающих прелести дворянской жизни, было подготовлено галантной культурой предшествующего столетия. Поскольку авторская стратегия знаменует собой выбор адресантом определённых средств воздействия на адресата с целью получения необходимого результата при нивелировании откровенного и прямого диктата, то галантность как свойство уважительного отношения к своему собеседнику и подготавливала тот особый арсенал средств, которым руководствовался автор, вступая в диалог со своими читателями. «Галантный диалог» как авторская стратегия – это проявление коммуникативного процесса, представленного в литературно-художественной форме между властителем и подданными, который был направлен на преобразование личности коммуникантов при сохранении ими статусных ролей. «Галантный диалог», зародившийся в недрах ренессансной художественной литературы и воплощавшийся в театральных сценах любовных признаний аристократов, переодетых в пастухов и пастушек, в XVIII веке предстал в качестве регулятора общественных отношений, выстраиваемых между монархом, переодевшимся в просветителя-философа, и подданными, стремящимися подыгрывать своему властителю. В то же время эстетическая сторона этого процесса, выражаемая в литературной игре властителя с придворными, подготовила и явила миру те художественные культурные завоевания, которые составили славу «золотого века» русского дворянства.

Начало процесса секуляризации русской культуры, основанной на прежних православных ценностях, было положено, как известно, реформами Петра I. Эта эпоха существенно ускорила движение к формированию светского общества. Она знаменовалась тем, что переводились западноевропейские светские драмы и инсценировались рыцарские романы [4], в которых модель поведения героев-любовников напоминало взаимоотношения между пастухом и пастушкой, ведущих сладостные разговоры на лоне природы, и главным признаком их

высокого настоящего статуса являлась их речь, лишенная грубости и прямолинейности [5]. Важно подчеркнуть, что освоение этой модели в первой половине XVIII столетия быстрее всего происходило у тех, чья общественная функция сводилась к установлению диалога, – российских дипломатов, которые знакомились с новой поведенческой моделью, непосредственно находясь в контакте с иноязычной культурой и литературой. Литературная деятельность писателя-дипломата А.Д. Кантемира в этом отношении представляется нам показательной для демонстрации процесса зарождения тех явлений, которые с наибольшей наглядностью проявят себя в екатерининское время.

Общеизвестно, что пристальное внимание Кантемира к европейской литературе и сформированным ею моделям поведения было предопределено его биографией: это и служба отца Антиоха у Петра I, это и вращение молодого писателя в кругу Феофана Прокоповича, поддерживающего начинания первого российского императора, и в большей мере дипломатическое поприще самого Кантемира, обусловившее знакомство писателя-дипломата в Лондоне с итальянскими посланниками, а во Франции давшее возможность посещать знаменитые парижские салоны [6].

Эта романская ориентированность Кантемира на литературу определённого содержания не могла не сказаться и на интересе писателя к любовной тематике, когда формировались «цели, связанные с необходимостью кардинального расширения и обновления уже существующей в России системы жанров и канонов любовной поэзии» [7; с. 107], и в этой связи обращение поэта к галантному стилю и связанному с ним авторскими приёмами, в том числе и «галантному диалогу», было подготовлено значительным европейским образованием Антиоха.

Условием для ведения «галантного диалога» с адресатом является самоосознание поэтом своего статуса, и именно Кантемир первым стал совмещать положение аристократа («Аристократ Кантемир», как называет его Д.Д. Благой [8; с. 31]) с функцией философа-энциклопедиста, цель деятельности которого «быть полезным обществу» [9; с. 17], т.е. дворянского писателя, ориентированного на диалог с неравным себе в социальном или ином плане собеседником, но при этом нивелирующий отношения неравенства в общении. В связи с этим обращение Кантемира к переводу одного «из центральных произведений раннего Просвещения» [10; с. 63] французского писателя Б. Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» (1686), в которых дается образец ведения «галантного диалога», видится нам важным в осмыслении дворянской поведенческой культуры, влиявшей на течение литературного процесса XVIII века [11].

О необходимости знания галантного стиля общения автор перевода фонтенелевых «Разговоров» сообщает в комментарии к ним: «Есть роман на французском языке, называемый Астрея» [12; с. 408], однако сами герои романа, или «астрейские люди», подаются Кантемиром через актуализацию коммуникативного умения, писатель говорит о них как об овладевших языком любви. Из комментария Кантемира следует, что француз де Юрфе представляет в своем романе «людей в любви упражняющихся» [12; с. 408].

Утверждавший себя на литературном поприще как автор сатир, А.Д. Кантемир не только совершил значительные открытия, реформируя русский стих и высказывая по этому поводу теоретической мысли [13; с. 40-41], но и оказался одним из первых, кто развивал аристократическую культуру русской поэзии [14], раскрывшей себя с максимальной полнотой в Пушкине. Так, переписка российского писателя с сестрой Марией демонстрирует и великолепное знание, и владение Кантемиром такой авторской стратегией, как «галантный диалог», в котором «языку любви» принадлежит особое место: в письмах к сестре поэт выступает в статусе преклоняющегося перед Прекрасной Дамой рыцаря и любящего брата.

Самое первое отличие любого любезного письма – это обращение к адресату, которое всегда будет подчеркивать снижение статуса адресанта по отношению к социальному положению получателя письма. В письмах Кантемира к сестре эти обращения носят оттенок рыцарского служения: брат называет свою сестру не иначе как «почтеннейшая госпожа» или даже «государыня» [15; с. 77]. Такое обращение обусловлено пространственной удаленностью поэта от места пребывания семьи: дипломатическая служба часто выступала препят-

ствием для общения с близкими людьми, ограничивала в свободном перемещении и волеизъявлении. Совмещение в едином образе сестры родственных и патриотических чувств рождало условие для ведения «галантного диалога»: невозможность создания интимного пространства в быту подталкивало писателя на замещение его литературными аналогами.

Как в романе Фонтенеля галантная рамка ученого трактата располагала к популяризации научных идей (речь идёт о системе Коперника) и проявлению просветительского основания – заботы о своем собеседнике, так и в письмах Кантемира мы видим снижение поучительной ноты старшего брата в общении с сестрой через подчёркивание автором своего верноподданного положения. Этому же соответствует подписание письма и обозначение статуса адресанта в духе рыцарского служения – Кантемир предпочитает называться «преданнейшим слугой». Выбор такого модуса общения Кантемиром особенно выделяется на фоне писем сестры, которая называет своего адресата «дорогой и любезнейший брат» и не стремится примерять на себя литературные роли, указывая на то, что она остаётся в общении с Антиохом в рамках родственных отношений. В то же время Мария Кантемир вынуждена невольно подыгрывать брату в других проявлениях галантного стиля.

Прежде всего, это обращение к приёму «романа с ключом», который реализуется через придумывание прозвищ или шифрование имени, хорошо известного адресату. В переписке Кантемиров такими весёлыми прозвищами наделяются князь Алексей Михайлович Черкасский и его дочь, Варвара Алексеевна Черкасская, которая упоминается как подходящая партия для Антиоха Дмитриевича Кантемира. Так, в письме к брату Мария пишет: «Я тоже зимой поеду в Петербург и там попрошу Черепаху рекомендовать мне что и как предпринимать и последую её советам» [15; с. 62], в другом письме сообщает: «...Черепаша не хочет больше отдавать замуж тигрицу...» [15; с. 63], в следующем напоминает брату: «Прошу Вас известить меня о том, сделали ли Вы уже предложение Тигрице» [15; с. 75].

Ответ Антиоха сначала звучит в тон письма сестры: «От Тигрицы хотел бы получить некое известие, но не жду его...» [15; с. 78], но затем меняется на равнодушный: «Черепаша всегда останется Черепашой... Тигрицу уступаю кому угодно...» [15; с. 168] и безынтересный: «Черепаша всегда будет черепашой; я от неё ничего не ожидаю, хотя и уверен, что она меня любит, и поэтому от неё ничего не прошу; а тигрица меня вовсе уже не интересуется» [15; с. 176]. Однако Мария продолжает в своих письмах брату весёлые шутки на тему женитьбы и литературных занятий Антиоха: «Что сказать Вам о новых звёздах и планетах на нашем небе... Если правильно понимаю, самая блестящая и крупная звезда сейчас – дядя тигрицы» [15; с. 194]. Данное высказывание Марии Кантемир – прямая отсылка к галантному диалогу между прелестной маркизой и философствующим астрономом в трактате Фонтенеля, но Антиох не реагирует на это замечание сестры, сохраняя литературную игру, в которой умолчанию принадлежит особое место. Быть предметом шуток остроумных дам и не поддаваться им – это тоже составная часть поведения воспитанного человека, восходящее к олитературиванию кодекса рыцарства.

Кроме этого, элементами рыцарского кодекса являются заверения в любви и преданности, а также сообщения о ратных подвигах и других знаках отличия, которыми может гордиться Прекрасная Дама. В письмах Антиоха Кантемира к сестре эта линия прослеживается особенно отчётливо, хотя и разного рода признания делаются не открыто, а так, как требует галантный стиль, завуалированно, для чего оставляется простор адресату для проявления воображения и ума. Так, брат в письмах заверяет сестру в любви и участии: «Вы знаете, как я люблю Вас: можете представить себе, с каким удовольствием я получаю добрые известия о Вашем здоровье» [15; с. 64], сообщает ей о своих продвижениях по карьерной лестнице и знаках отличия: «Есть надежда на получение звания посла»; «мною здесь довольны» [15; с. 65]. Наконец, Кантемир признаётся сестре в успехах в свете, но при этом всё равно подчёркивает значимость для него родственных отношений: «Я имел честь писать вам на прошлой неделе, извещая об указе нашей всемилостивейшей государыни, которым она утвердила меня в чине тайного советника и звании посла при здешнем дворе, однако не хочу упустить случая повторить, с целью успокоить вас, что нахожусь в добром здравии» [15; с. 165]. И в этой связи ры-

царская тема звучит вновь как наивысшее удовольствие от радости общения с родными и близкими: «Если Господь велит нам скоро свидеться, то доказательство моей любви к вам вы увидите в моей покорности вашим желаниям и готовности служить на вашу пользу» [15; с. 152]. Так, тема братского служения связывает воедино образ сестры и образ царицы: «Бесконечно вам признательность, и всегда готов исполнять всякое ваше приказание, чтобы еще больше доказать вам свою благодарность» [15; с. 171], но от темы братской благодарности Антиох Кантемир вновь переходит к теме любви и преданности: «невозможно прибавить что-либо к тем чувствам преданности и любви, которые я питаю к вам» [15; с. 176]. Все вместе эти эпистолярные заверения в преданности и братской любви придают галантному письму черты весёлой игривости и литературной пародийности, имитирующие салонную беседу.

К салону генетически восходят и афористичные высказывания, которые украшают эпистолярную беседу Антиоха и Марии, придавая ей философическое и аристократическое звучание, подобно следующему: «свет так сделан, что никогда нельзя найти полного счастья» [15; с. 149]. Данные высказывания встречаются часто в письмах Кантемира к сестре и демонстрируют не просто принадлежность писателя к европейскому салонному кругу, но и желание распространить это влияние на петербургский двор, в числе которого значилась Мария Кантемир. С её стороны эпистолярная беседа с братом – это расширение литературных вкусов и познаний, поскольку наряду с художественными сочинениями Мария упоминает много научных и философских источников. Так, например, она демонстрирует свои познания в политических играх: «Хотя Карамаш не читал Макиавелли, он хорошо его знает: прислуживает всем, кто ему нужен, и обманывает тех, кто его не знает» [15; с. 72]. И все же наиболее предпочтительным в ряду европейских авторов оказывается для неё самый «рыцарский автор» – Ариосто, на манер которого и происходит галантная беседа сестры и брата и в духе которого Мария выводит литературные образы барочного типа: «Говорят, что душа божественна и может всё предвидеть. Мы не ошиблись в нашем предвидении и, наконец, наш корабль вошёл в порт покоя и довольствия» [15; с. 75]. Данная фраза отсылает к салону прециозниц и подчеркивает хорошее знание Марией Кантемир барочно-галантной словесности. Для ведения галантного диалога важно указание на значимость собеседника, о чем неоднократно сообщает Антиох: «Вы не сомневайтесь в моем сердечном желании увидеть вас снова, обнять вас и провести всю жизнь в столь любезном и милом обществе» [15; с. 184]. Но кроме ведения салонных бесед, Кантемир указывает на прекрасное знание всех превратностей придворной службы: «Нужно ковать железо, пока двор находится в Москве» [15; с. 174]. Более того, его афористичные высказывания о светской жизни («Нисколько не стремлюсь я выше, ближе к солнцу, где восковые перья тают. И оттуда как раз полетишь головою вниз на дно морское» [15; с. 169]) свидетельствуют о надвигающемся кризисе мировоззрения писателя, о поиске более прочных оснований в жизни, чем галантное времяпрепровождение: «Бог никому не позволяет есть свой хлеб иначе, как в поте лица» [15; с. 65]; «Бедствия не убивают людей, особенно честных: капля по капле и камень долбит» [15; с. 75].

Как видим, афоризмы в духе Ларошфуко близки Антиоху Кантемиру не только своей философичностью, но и высокой моралистической составляющей, они демонстрируют владение автором разных стилей и приемов письма и составляют образ коммуницирующего автора, готового на самые разные литературные приёмы и ходы, прежде всего к ведению «галантного диалога», но остающегося верным канонам строго морализма, заложенного школой Феофана и его «учёной дружиной». И в этом случае можно утверждать, что Антиох Кантемир предопределил развитие «галантного диалога» как авторской стратегии в российской словесности.

Библиографический список

1. Акимова Т.И. Авторские стратегии Екатерины II в прозе, эпистолярной драматургии. Саранск, 2015. 88 с.
2. Акимова Т.И. «Галантный диалог» в системе авторских стратегий писателя XVIII века // М. М. Бахтин в современном мире. Саранск, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва. 2016. С. 163-167.

3. Бердникова Т.В. От риторики к пиитике: к проблеме развития диалога в поэзии эпохи классицизма (на материале лирики А. Кантемира, М.В. Ломоносова, А. П. Сумарокова) // Гуманитарный вектор. 2012. №4. С. 18-22.
4. Еремин И. П. Театр и драматургия начала XVIII века // История русской литературы: В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941—1956. Т. III: Литература XVIII века. Ч. 1. 1941. С. 97–116.
5. Сазонова Л. И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 472 с.
6. Блудилина Н.Д. Антиох Кантемир и западноевропейская культура // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники XVIII века (1726-1762). Вып. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 58-65.
7. Салова С.А. А.Д. Кантемир – оппонент В.К. Тредиаковского // В.К. Тредиаковский и русская литература. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 94-109.
8. Благой Д.Д. От Кантемира до наших дней. М.: Худож. лит. 1979. Т.1. 550 с.
9. Бабаева Е.С. Кантемир-энциклопедист // Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т.5. №3. 2009. С. 7-38.
10. Клейн И. Русская литература в XVIII веке. М.: «Индрик», 2010. 440 с.
11. Фонтенель Б. Рассуждения о религии, природе и разуме. М., 1979. С. 68–172.
12. Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1868. Т. 2. С. 390-429.
13. Пумпянский Л. В. Классическая традиция: собр. тр. по истории рус. лит. М.: Яз. рус. культуры, 2000. 864 с.
14. Алпатова Т. А. Проблемы становления дворянского самосознания в сатирах А. Д. Кантемира // Русский язык и классическая литература в поликультурной среде: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Якутск, Изд. дом СВФУ, 2013. С. 17-26.
15. Переписка князя А.Д. Кантемира с сестрой Марией 1733-1744 // Русско-итальянский архив. Салерно. 2002. С. 25-78; С. 147-201.

References

1. Akimova T.I. Author's strategies of Catherine II in prose, epistolary, drama. Saransk, 2015. 88 s.
2. Akimova T.I. "Gallant Dialogue" in the system of copyright strategies of the writer of the 18th century//M. M. Bakhtin in the modern world. Saransk, National Research Mordovian State University named after N.P. Ogaryova. 2016. С. 163-167.
3. Berdnikova T.V. From rhetoric to pititics: to the problem of developing dialogue in poetry of the era of classicism (based on the lyrics of A. Kantemir, M.V. Lomonosov, A.P. Sumarokova) //Humanitarian vector. 2012. №4. С. 18-22.
4. Eremin I.P. Theater and drama of the beginning of the 18th century//History of Russian literature: 10 tons. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1941 - 1956. Т. III: Literature of the XVIII century. PART 1. 1941. S. 97–116.
5. Sazonova L. I. Memory of culture. The heritage of the Middle Ages and Baroque in Russian literature of the New Age. M.: Handwritten monuments of Ancient Russia, 2012. 472 s.
6. Bludilina N.D. Antioch Cantemir and Western European culture//Russia and the West: horizons of mutual knowledge. Literary sources of the XVIII century (1726-1762). Issue 2. M.: IMLI RAS, 2003. С. 58-65.
7. Salova S.A. A.D. Kantemir is V.K. Trediakovsky's opponent//V.K. Trediakovsky and the Russian literature. M.: IMLI RAS, 2005. S. 94-109.
8. Blagoj D.D. From Cantemir to the present day. M.: litas. 1979. Т.1. 550 s.
9. Babaeva E.S. Kantemir-encyclopedist//Acta linguistica petropolitana. Works of the Institute of Linguistic Research. Т.5. No. 3. 2009. С. 7-38.
10. Klein I. Russian literature in the XVIII century. M.: "Indrik," 2010. 440 s.
11. Fontenel B. Reasoning about religion, nature and reason. M., 1979. S. 68–172.
12. Kantemir A. D. Writings, letters and selected translations. St. Petersburg, 1868. Т. 2. С. 390-429.
13. Pumpyansky L.V. Classical tradition: a collection of works on the history of Russian literature. M.: Languages russian culture, 2000. 864 s.
14. Alpatova T. A. Problems of the formation of noble identity in the satires of A. D. Kantemir//Russian language and classical literature in a multicultural environment: a collection of materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Yakutsk, Ed. SVFU House, 2013. С. 17-26.
15. Correspondence of Prince A.D. Cantemir with sister Maria 1733-1744//Russian-Italian archive. Salerno. 2002. С. 25-78; С. 147-201.

УДК 82-1/-9

DOI 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.011

*Казанский федеральный университет
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН
доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Аmineva V.P.
Россия, г. Казань, г. Москва
тел. +79520457066
e-mail: amineva1000@list.ru*

*Kazan Federal University
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Doctor of Philology, professor,
Lead Researcher
Amineva V.R.
Russia, Kazan, Moscow
tel. +79520457066
e-mail: amineva1000@list.ru*

В.Р. Аминова

**ЖАНР «ПАРЧА» В СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ «МАЛОЙ» ПРОЗЫ Р. ГАБДУЛХАКОВОЙ)**

На материале произведений современной татарской писательницы Р. Габдулхаковой выявляются конститутивные черты жанра парча в современной татарской литературе. Охарактеризованы жанровые разновидности парчи в творчестве Р. Габдулхаковой, которые соответствуют двум направлениям сюжетного движения: от внешнего к внутреннему или от единичного к универсальному и двум типам повествования – от 1-го или от 3-го лица. Художественное завершение в парчах первого типа определяется постижением некоей нравственной истины, вытекающей из лично пережитой лирическим субъектом ситуации, в парчах второго типа оно создается переходом от отдельных явлений к их суммирующему итогу. Сделан вывод о том, что внутреннюю меру жанра определяет характер соотношения повествовательной фабулы и обобщающей ее «концовки». Описаны свойственные этому жанру пространственно-временные отношения и принципы организации субъектной сферы. Структурообразующая роль в парчах Р. Габдулхаковой отводится субъективно-лирическому началу в повествовании. В произведениях писательницы проявились как особенности ее творческой индивидуальности, так и типологические черты женской прозы в целом с ее повышенной эмоциональностью, автобиографичностью и проникновенностью. Большинство миниатюр Р. Габдулхаковой написаны от первого лица и представляют сознание женщины, сосредоточенной на переживании своего одиночества и «холода жизни», безответной любви и позднего раскаяния, боли утраты, преследующей каждого человека после ухода матери. Парчи, написанные от третьего лица, раскрывают сознание человека, знающего о существовании объективных закономерностей и пытающегося найти личный выход из безнадежных ситуаций. В творчестве Р. Габдулхаковой парча функционирует как синтетический жанр, вбирающий в себя элементы других жанровых форм.

Ключевые слова: эпос, лирика, миниатюра, художественное завершение, субъектная сфера, внутренняя мера жанра.

V.R. Amineva

**GENRE OF *PARCHA* IN MODERN TATAR LITERATURE:
FEATURES OF FUNCTIONING
(BASED ON THE MATERIAL OF R. GABDULKHAKOVA'S "SMALL" PROSE)**

On the material of works of the modern Tatar writer R. Gabdulhakova the constitutive features of the genre of the *parcha* are revealed. Genre varieties of *parcha* in the work of R. Gabdulhakova are characterized, which correspond to two directions of plot movement: from the external to the internal or from the individual to the universal, and two types of narrative-from 1 or 3 persons. Artistic completion in the *parcha* of the first type is determined by the realization of a certain moral truth arising from the situation personally experienced by the lyrical subject, in the *parcha* of the second type it is created by the transition from individual phenomena to their summing result. It is concluded that the internal measure of the genre determines the nature of the relationship between the narrative plot and its generalizing "ending". Space-time relations and principles of organization of the subject sphere peculiar to this genre are de-

scribed. The structure-forming role in the *parcha* of R. Gabdulhakova is assigned to the subjective-lyrical beginning in the narrative. The works of the writer manifested both the features of her creative individuality and the typological features of female prose in general with its increased emotionality, autobiography and penetration. Most of R. Gabdulhakova's miniatures are written in the first person and represent the consciousness of a woman focused on experiencing her loneliness and "cold life", unrequited love and late repentance, the pain of loss that haunts every person after leaving her mother. *Parcha* written in the third person reveal the consciousness of a person who knows about the existence of objective laws and tries to find a personal way out of hopeless situations. Allegorical or symbolic imagery at the same time turns a personal scenario - into a typical, universal human one. In the work of R. Gabdulhakova *parcha* functions as a synthetic genre, incorporating elements of other genre forms.

Key words: epic, lyrics, miniature, artistic completion, subjective sphere, internal measure of the genre.

В современной генологии стали общим местом суждения о том, что занятие теорией литературных жанров «немодно» [1; с. 7], жанр как понятие глубоко традиционное и неоднократно переосмысливавшееся в новое время обладает терминологической неустойчивостью [2], жанровые классификации исчерпали себя и необходимо констатировать «внежанровое состояние литературы» [3; с. 168]. Наряду с признанием теории жанров «устаревшей проблемой» [3; с. 174] существуют и другие точки зрения. Например, А. Компаньон утверждает: «Теория жанров – весьма развитая область литературоведения и, кстати, одна из наиболее заслуживающих доверия» [4; с. 184]. Н. Л. Лейдерман раскрывает сущность жанра, выявляя его функции в создании художественного произведения: «Жанр функционально обеспечивает формирование произведения как эстетически целого» [5; с. 42].

К числу авторитетных книг, подводящих итоги развития генологии в отечественном и зарубежном литературоведении в структуралистскую и постструктуралистскую эпохи, относятся работы И. П. Смирнова и В. И. Тюпы. И. П. Смирнов утверждает, что литературные жанры нельзя постичь без постановки вопроса о генезисе образующих их текстов: «Общий генезис первичен для текстов из одного и того же жанрового ряда, их интертекстуальные связи вторичны, надстроены над типологическим сходством литературных произведений, разнообразят жанровую парадигму, но не обуславливают ее инвариативность» [1; с. 262]. Объединяя теоретический взгляд на жанры с философским, ученый понимает их под углом зрения категории времени и доказывает, что именно разнообразие темпоральности определяет жанровый репертуар литературы.

В. И. Тюпа развивает теорию жанров в методологическом поле, заданном «металингвистикой» М. М. Бахтина. Вслед за Ц. Годоровым он считает, что любой литературный жанр имеет нелитературного «родственника». Этим нелитературным «другим», по отношению к которому художественная словесность, взятая в аспекте ее жанровой структуры, самоопределяется, является дискурс. В. И. Тюпа устанавливает соотносительность категорий жанра и дискурса и разграничивает нарративный и перформативный дискурсы, соотносимые с делением художественной словесности на эпическую и лирическую, выделяя «первофеномены» эпических и лирических жанров [см.: 6]. Они образуют ядро жанровой идентичности произведения, которое имеет универсальный характер – сверхязыковой и наднациональный.

Существующие труды по общей генологии обобщают в основном опыт русской и западноевропейских литератур. Обращает на себя внимание отсутствие специальных исследований, посвященных жанровым процессам, исторической и теоретической поэтике конкретных жанров в других национальных литературах, в частности – в татарской. В данной статье предпринимается попытка осмыслить жанровое содержание, структурные и функциональные особенности традиционного для татарской литературы XX в. жанра парчи на материале творчества Р. Габдулхаковой, которое признано значительным и ярким явлением современной литературы. Габдулхакова Рамзия Гайсаровна родилась в 1959 г. в деревне Старый Утямыш Черемшанского района республики Татарстан, поэт, прозаик, драматург, член Союза журналистов Татарстана (2000), член Союза писателей Татарстана (2003). Произведения Р. Габдулхаковой удостоены ряда премий: за первую книгу «Гроздь рябины на снегу» (1996) она получила премию имени Ш. Бикчурина, за книгу «Осенняя гроза» – поощрительную премию фонда «Рухият» имени С. Сулеймановой; сборник «Серебряная шуба» в 2008 году вошел в список наиболее

читаемых книг. На республиканском конкурсе «Книга года – 2011» книга Рамзии Габдулхаковой «И за горой есть солнце» на третьем месте среди 182 книг, прочтенных многократно в течение 2012 года [7]. Самостоятельного целостного анализа жанрового своеобразия «малой» прозы Р. Габдулхаковой, отразившей основные тенденции историко-литературного процесса начала XXI в. [8; с. 121-126] – с одной стороны, и ставшей фактором общего порядка, воздействующим на логику и динамику литературного развития – с другой, до сих пор не проводилось. Предметом исследования стали произведения, включенные в сборник «Көмеш тун» («Серебряная шуба», 2006), имеющий рематический подзаголовок: «хикэялэр, парчалар, нэсерлэр» («хикая, парчи, нэсер»), и отобранные по признакам наивысшей художественной ценности и наибольшей характерности для творческой манеры писательницы. Исследовательская концепция работы обусловлена пониманием жанра как фактора идентичности литературы, обеспечивающего функционирование данной национально-художественной системы в ценностном поле мировой культуры как уникального духовно-практического образования.

В жанровой системе восточных литератур парча (парча (парса): от перс. парче – часть, кусок, отрывок) определяется как «миниатюрное стихотворение (дву- и трехстишие) или небольшое по объему прозаическое произведение, отражающее эмоциональное состояние, философскую настроенность, непосредственные впечатления автора» [9; с. 585]), обладающая смысловой и структурной завершенностью, противоположна китге (китга (кыйтга, кита): араб., перс., тюрк. – часть, фрагмент) – «жанровая форма в классической восточной поэзии; небольшое стихотворение философского и дидактического характера» [10; с. 307]) – жанру, который характеризуется признаками семантической и композиционной незавершенности. Аналогичную пару жанров, существенно противоположных по своим свойствам, в русской литературе образуют фрагмент и миниатюра [11; с. 136-141]. Ф. Р. Абелгузина, исследуя место парчи в системе малых жанров и особенности ее функционирования в башкирской литературе, приходит к выводу, что ее формальная неопределенность «имеет то преимущество, что дает писателю возможность свободного выбора формы и размера произведения при сохранении лирико-философского содержания» [12; с. 21-22]. Как неканонический жанр, каждый раз заново определяющий свою специфику в том или ином способе развертывания темы и ее стилистическом оформлении, парча оказывается емкой и гибкой художественной формой, востребованной и в советской (И. Гази, А. Баянов и др.), и в современной татарской литературе (в творчестве Ш. Галиева, Ф. Латифи, Г. Гильманова, М. Галиева, М. Юныса и др.). Ее жанровый потенциал раскрывается и в малой прозе Р. Габдулхаковой. Парчи «Девочка, собирающая полынь», «Желтые платки», «Листья целуют следы...», «Огонь и вода», «У потухшего костра», «Любовь поэта», «Светлая Гора» и др., включенные в сборник 2006 г., состоят из двух неравных и разнородных частей – эмпирической и обобщающей. Первая часть имеет повествовательный характер и строится по законам эпического рода литературы. В ней рассказывается конкретная история, представляющая собой частный случай из жизни или аллегорическую «иллюстрацию» какой-либо мысли, дидактический «пример». Во второй, обобщающей части, имеющей лирическую ориентацию, субъект речи осмысливает эмпирическую сторону событий и раскрывает их суть.

Сюжетное движение в миниатюрах Р. Габдулхаковой совершается в двух направлениях. В одном случае – это переход от внешнего к внутреннему, от фактов объективной действительности к их эмоциональной переработке и постижению некой нравственной истины, вытекающей из лично пережитой и прочувствованной ситуации и достигаемой в результате предельного напряжения душевных сил лирического субъекта.

Так построена парча «Девочка, собирающая полынь»; случайная встреча с девочкой, собирающей отнюдь не цветы, а горькую полынь зеленовато-голубого цвета в надежде исцелить больную мать, становится той опорной точкой, на основе которой вырастает лирико-философское обобщение о безнадежно больных страдальцах, от которых отступились врачи и у которых осталась лишь вера в чудо: «Мало ли таких людей, которые целые месяцы проводят в больницах, не могут выздороветь, несчастных больных, обреченных на смерть?! Несмотря на то, что врачи вынесли свой суровый приговор и отвернулись от больного, человек

не теряет надежды: обращается за помощью к милосердной и щедрой матери-Земле, к природе <...>. И иногда случается чудо» (здесь и далее подстрочный перевод выполнен автором статьи) [13; с. 204]. Эта речь, обнажающая онтологическую коллизию человеческого бытия – борьбу за жизнь и обращение за помощью к силам природы, проецируется на историю девочки, наполняя ее универсальным содержанием. Образы ребенка, горькой полыни, женщины, всем сердцем откликнувшейся на чужую боль, связываются одной нитью – нитью надежды на выздоровление, вопреки чувству печали и неизбежной беды, пронизывающему все повествование. Любовь, сострадание, милосердие, взаимопомощь, самоотвержение входят в человеческую жизнь, наполняя ее смыслом и помогая найти выход из экзистенциального тупика.

Парча «Желтые платки», как и предыдущая, написана от первого лица. Организация ее субъектной сферы отражает предельную активизацию авторского начала; субъект сознания и речи приобретает черты лирической героини. Оказавшиеся у нее в руках платки, желтые, как цветы подсолнуха, яркие, как солнечный свет, пробуждают память и влекут за собой ассоциативную цепь эпизодов прошлого, переведенных в зрительные образы: эти платки подарила матери старшая сестра героини, получив свою первую зарплату, мать их очень любила, по ним дети узнавали ее среди других сельских женщин, носивших обычно платки зеленого и голубого цветов, несмотря на то, что прошло больше двадцати лет, они не полиняли, и после каждой стирки становились ярче и светлее.

Во второй половине произведения выстиранные платки из объектов описания превращаются в субъекты, испытывающие физические страдания: «Замершими от холода руками вешаю платки на бельевую веревку, выжимая из них воду; с них стекает вода. Через некоторое время серебряные капли превращаются в ледяные копыя. Платки заледеневают. Прислонившись к забору, смотрю на них. Я знаю, что они неживые, но мне кажется, что платки замерзают» [13; с. 205]. Горячие слезы, текущие по лицу героини противопоставлены холоду воды. Мотив физических страданий и слез устанавливает между желтыми платками, замерзающими сейчас на морозе, и тяжело больной матерью, лежавшей когда-то давно в больнице Альметьевска, провиденциально-вероятностные отношения совпадения, тождества, эквивалентности. Платки становятся живыми существами – двойниками матери. Объективно-предметное содержание образа вытеснено эмоционально-субъективным. Эта тема продолжается в финальном лирическом заклинании, напряженная экспрессия которого готова перейти черту, разделяющую поэтическую и внехудожественную реальности, и прикоснуться к трансцендентному: «Вижу перед глазами свою дорогую маму и, испытывая душевную боль, обращаюсь с мольбой к Богу: “Господи! Пусть мама будет жива! Пусть носит эти солнечные платки и наполняет нашу жизнь ярким светом, согревает наши замершие души! Вылечи, верни нам маму, милостивый Бог!”» [13; с. 205].

Основу символического подтекста произведения составляет антитеза «света», «тепла» и «холода», «тьмы». Она восходит к мифопоэтической традиции и преобразует ее включением в контекст взаимоотношений матери и дочери. «Холод» ассоциируется с одиночеством, сиротством, страданием и гибелью. Свет принадлежит к первому ряду в иерархии эстетических и духовных ценностей в мусульманской культуре [см.: 14; с. 15]. Уделяя большое внимание свету («нур»), теоретики суфизма поднимали его до уровня эстетической (свет определяет красоту Бога и мироздания), космологической (начало, лежащее в основе мира) и гносеологической (при помощи света осуществляется познание мира) категории: «Суфизм Божественную сущность сравнивает с лучами Солнца и утверждает, что она подобна солнечным лучам, которые постоянно испускаются и снова поглощаются» [15; с. 39]. Тема «света» связывается с представлениями о материнской любви, непреходящей, безусловной, жертвенной, о заботе, понимании и прощении. Уподобление матери, несущей тепло и свет, солнцу выступает не только как условно-поэтическое сближение, но и как их бытийно-субъектное взаимопроникновение, превращение друг в друга.

В сакрализации образа матери Р. Габдулхакова продолжает традиции национальной литературы: Ш. Камала, показывающего в хикая «В метель» (1910) способность матери в си-

ду особой духовной связи с ребенком всегда быть рядом с ним, защищать и оберегать его от подстерегающих опасностей, переходить границы, непреодолимые для других; А. Еники, подключающего человеческое сознание к величайшей парадигме человеческого существования: к судьбам матери и ее детей («Мать и дочь», 1942; «Красота», 1964), раскрывающего в повести «Невысказанное завещание» (1965) с помощью различных художественных средств нравственную чистоту и высокую духовность матери [см.: 16; с. 129-134; 168-178; 219-257]; Р. Ахметзянова, создающего в «длинном стихотворении» «Белая поэма» (1971) мифосимволическую картину мира и устанавливающего связь между действиями матери и течением жизни, ходом времени: благодаря воздействию ее жизнотворческой энергии дети приобщаются к ценностям национально-исторического бытия [17; с. 286-289].

Миниатюра «Желтые платки» завершается заклинанием-мольбой, архитектуру которой определяет, как это установлено В. И. Тюпой, «перформатив волеизъявления (воления, хотения, чаяния, стремления, мечтания, искания) как речевого действия “да будет так!”» [6; с. 141]. В финале парчи «У погасшего костра» звучит горестное сожаление: «У потухшего костра, опустив головы, перебираем пепел. Ах, если бы была хоть одна искра! Если бы только одна искра! Мы бы ее сохранили! Мы бы сберегли ее от ветра и дождя!!! Но поздно...» [13; с. 208]; стремление воздействовать на силы бытия и управлять ими сменяется признанием зависимости человека от внеположных ему жизненных стихий. Художественный эффект финалов определяется, таким образом, доминированием одной из двух интенций: страдательной, вопрошающей, подчиняющейся объективным законам действительности («У погасшего костра»), или активной, свободной, противостоящей природным законам и всеобщему порядку вещей («Желтые платки»).

Второе направление сюжетного движения в парчах Р. Габдулхаковой можно определить как переход от единичного к универсальному, от отдельных явлений к их суммирующему итогу. Таким выводом в парче «Огонь и вода» является мысль об изначальной сопричастности человеческих типов родственным им стихиям огня или воды, которая не только исключает возможность гармоничных взаимоотношений между ними, но и содержит в себе перспективу неизбежного трагического исхода: «Эй, люди! Почему и вы, как эта упрямая Река, ради бессмысленной победы над любимыми приносите в жертву своим интересам их мечты и светлые надежды, почему от устремленных к небу страстных сердец оставляете горсть пепла? Если вы Вода, не прикасайтесь к Огню! Не прикасайтесь!» [13; с. 208]. Это логическое умозаключение подтверждается историей Реки, охваченной неодолимой любовной страстью к танцующей дочери Огня. Река готова на все ради нее и, устремляясь вслед за ней, выходит из своих берегов, в то время как дочь Огня, обращаясь за помощью к звездам, тянется к небу. Ценностно-смысловые характеристики воды и огня разнокачественны и несовместимы, поэтому попытка Реки овладеть дочерью Огня заканчивается ее гибелью. Высокая символика стихий огня и воды такова, что рассказанная история тяготеет к притче (масаль). Масаль (с араб. – басня, притча, аллегория) – «короткий иносказательный стихотворный, прозаический или смешанный (в стихах и прозе) рассказ, персонажами которого являются животные звери, птицы и неодушевленные предметы» [9; с. 83]. В ней моделируется императивная картина мира и актуализируется генетически восходящая к традиции насихатов дидактически-нравоучительная тенденция. Насихат (с араб. – «назидание», «наставление», «нравоучение») – «в средневековой персидской и тюрко-татарской литературах поэтическое, прозаическое или смешанное произведение дидактического содержания. В афористической, образной форме читателю даются совет, наставление назидание» [9; с. 368].

В парче «Светлая Гора» напряженное противостояние Неба / Горы и Земли, Верха и Низа, Духовного и Телесного, Мечты и Реальности разрешается снятием оппозиций и осознанием взаимодополнительности этих сфер: «Высокие горы, яркие звезды нужны для того, чтобы ими восхищаться и поклоняться им. Но и те, кто поклоняются Горе, питаются хлебом земным, опускаются на колени перед источником, чтобы испить воды. И Чудо, и Счастье – рядом. Это нужно видеть, находить и ценить» [13; с. 212].

Сюжетообразующую функцию в этой миниатюре выполняет сон героя, переключающий действие из русла отвергаемой действительности в перспективу желаемого будущего – в мир мечты: «Человек был очарован Горой, не мог налюбоваться ею. Он назвал ее Светлой Горой. Каждый раз, когда он смотрел на нее, ему хотелось подойти к ней, дотронуться до таинственных камней, испытать радость, поднявшись на ее вершину» [13; с. 211]; сон, в котором герой поднимается на вершину горы, оказывается способом познания и самопознания; ситуация бытийного прозрения смоделирована встречей с самим собой, живущим на вершине Горы и достигшим, казалось бы, своего идеала, но глубоко несчастным, сожалеющим о том, что поторопился, преждевременно отказавшись от земной жизни: «Я не умел ценить того, что имел, и все потерял. Назад пути нет. Я понял, что такое счастье, но слишком поздно. Я вынужден находиться среди этих холодных камней до тех пор, пока душа не отделится от тела. Единственный путь – броситься вниз» [13; с. 212].

Образ горы обладает универсальными лирико-философскими «сверхсмыслами». В научно-исследовательской литературе выявлен архетипический подтекст образа горы как «центра мира», сферы возвышенного, а горных высот как «крайних форпостов земного, выдвинутых в космически-потусторонний и имагинарно-мифический мир» [18; с. 579]. В мусульманских космографиях гора Каф не только ограничивает и удерживает в единстве и равновесии земной мир, но и соединяет его с небесным миром: на этой горе укреплено семь небес, происходит ее контаминация с раем, с нее нисходит дивный свет, иногда с нее стекают райские реки [19; с. 191]. В суфизме подъем на гору Каф символизирует внутреннее путешествие к центру своего бытия, путь единения [19; с. 194]. Как отмечает А. Шimmel, гора Каф в суфийских сочинениях связана с «концепцией *курб*, “близость”, и *каф-и курб*, “первая буква” или “гора Каф близости”, становится почти обычным выражением – особенно потому, что эта гора рассматривается как стоянка в конце сотворенного мира, место, где человек может обрести истинную близость, *курб*, на своем пути к Богу» [20; с. 326]. Г. Гачев доказывает, что из Космоса Ислама изгнаны стихии-посредники – воздух и вода, размывающие определенности мыслей и чувств, как и очертания предметов и их силуэты, но «образуем он четкостью Двоицы: небо, с его четкостью письмен – звезд по сини ночного покрывала, и земля-камень, с сумбуrom гор и песков, лишенных логосного смысла. И это тоже важно: если для собственно тюркской, кочевой культуры горы – многосказуемы, божества (для киргизов, казахов, памирцев и т. п.), то для арабов-бедуинов, жителей равнинных плоскогорий, пики гор – не божества, не знают они их; и вообще земля, ее виды и варианты, – малосмысленны» [21; с. 55]. Р. Габдулхакова предлагает свою трактовку мифологемы пути на вершину горы. В миниатюре «Светлая Гора» сфера вершин как топос возвышенности не только символизирует отрешенность от всего обыденного, повседневного, временного, но и отождествляется с пространством чистой духовности, безнадежно далеким от человеческого мира. Это еще и область предельной близости к тому, что не имеет соответствий в индивидуальном существовании и индивидуальной судьбе. Так же, как и в повести Г. Рахима «Идель» (1921), хикая А. Еники «Родная земля» (1959) и др., переход персонажа из одного жизненно-идеологического статуса в другой коррелирует с вертикализмом построения пространства, принципиальной устремленностью вверх – на вершину горы. В повести «Идель» горные высоты – кульминационные точки переживаемого героем катарсиса, результатом которого становится его превращение в своеобразного двойника Заратустры. Потрясение-прозрение героя Р. Габдулхаковой иного рода: оказавшись на вершине горы, он осознает ценность земной жизни, которая необозримее, разнообразнее и богаче, чем владения поэтической мечты: «Надоели и здешний свет, и красота, и совершенство. Я тоскую по земле, по моему дому, по стоящим перед ним горам, по людям» [13; с. 212].

Художественное завершение в миниатюрах, использующих второй тип сюжетного построения, создается сопоставлением смысла рассказанной истории с формулировкой итога в финале: их совпадением («Огонь и вода») или возможными расхождениями (например, обобщающая часть парчи «Светлая Гора» не исчерпывает содержания повествовательных эпизодов).

В творчестве Р. Габдулхаковой парча функционирует как синтетический жанр, вбирающий в себя элементы притчи / масаль («Огонь и вода», «Светлая Гора»), нэсер и лирической автобиографии («Желтые платки», «У погасшего костра»), бытового и этнографического очерка («Госка кошки», «Не стали летящими птицами»), философского этюда («Девочка, собирающая полынь»), психологической новеллы («Любовь поэта»), фантастической повести («Листья целуют следы...»), «Светлая Гора»).

Стабильность жанра обеспечивается устойчивыми признаками, реализующими определенные художественные задачи. Переход границы между внешним и внутренним или единичным и универсальным отражает жанровую «идею» парчи, заключающуюся в выражении неразрывной целостности бытия и утверждении характерных для данного типа культуры [см.: 22] взаимно-однозначных соответствий между обобщающим взглядом на мир и индивидуально-личным переживанием законов жизни, полной исчерпанностью высказывания и поэтической перспективой, открывающей возможности нового тематического движения.

Жанрово ориентированные особенности имеет и пространственно-временная организация текстов. Разные типы времени: биографическое и природное, бытовое и бытийное, вечное, прошлое и настоящее – соотносены как часть и целое. Они образуют неисключающие оппозиции и перетекают друг в друга, формируя контекст временного всеединства – единства времени личного и всеобщего. Этой же логике подчиняются и пространственные отношения: «здесь» и «везде», мир «этот» и «тот», открытое и закрытое, точечное и линейное виды пространств – активно взаимодействуют и переходят друг в друга.

Итак, парча в творчестве Р. Габдулхаковой, как и в современной татарской литературе в целом, – неканонический жанр, константная структура которого может быть описана с помощью понятия «внутренняя мера» (Это понятие, аналогичное по предмету и функциям понятию канон, введено для того, чтобы описать механизм, позволяющий жанру при всей его изменчивости не утрачивать собственную идентичность [11; с. 136–141]). Парча имеет двухчастную композицию – экспозицию и концовку, представляющую собой обобщение повествовательной фабулы и имеющую «пуантированный» характер. Внутреннюю меру жанра составляют различные формы взаимодействия этих двух разнородных начал как проявления завершающей авторской активности.

Библиографический список

1. Смирнов И. П. Олитературное время. (Гипо)теория литературных жанров. СПб.: Изд-во РХГА, 2008. 264 с.
2. Шеффер Ж.-М. Что такое литературный жанр? Пер. с фр. М.: Едиториал УРСС, 2010. 192 с.
3. Зенкин С. Н. Теория литературы: проблемы и результаты. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 368 с.
4. Компаньон А. Демон теории. М. Изд-во им. Сабашниковых, 2001. 336 с.
5. Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Екатеринбург, 2010. 904 с.
6. Тюпа В. И. Дискурс / Жанр. М.: Intrada, 2013. 211 с.
7. Габдулхаков Р. «Многие мои произведения посвящены родному краю». [Электронный ресурс]. <https://zen.yandex.ru/media/id/5b83cdce7f1c5200aaa38412/ramziia-gabdulhakova--mnogie-moi-proizvedeniia-posviaseny-rodnomu-kraiu-5ddcae3a8798bb77f7268e66> (Дата обращения 01.12.2019).
8. Загидуллина Д. Ф. Современная татарская проза (1986–2016 гг.): основные тенденции историко-литературного процесса. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. 246 с.
9. Татарская энциклопедия: В 6 т. Казань: Ин-т татарск. энциклопедии АН РТ, 2008. Т. 4. М–П. 768 с.
10. Татарская энциклопедия: В 6 т. Казань: Ин-т татарск. энциклопедии АН РТ, 2006. Т. 3. К–Л. 664 с.
11. Теория литературных жанров / под ред. Н. Д. Тamarченко. М. Издательский центр «Академия», 2011. 256 с.
12. Абелгузина Ф. Р. Жанр «парса» в башкирской литературе: проблемы формирования и развития: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2003. 25 с.
13. Габдулхакова Р. Г. Серебряная шуба: Рассказы, миниатюры, проза в стихах. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. 223 с. На татарск. яз.
14. Ганиева Р. К. Татарская литература: традиции, взаимосвязи. Казань: Изд-во КГУ, 2002. 272 с.
15. Курбанмамадов А. Эстетическая доктрина суфизма (опыт критического анализа). Душанбе: Изд-во «Дониш», 1987. 108 с.

- 16 Еникеев А. Н. Невысказанное завещание: рассказы, повесть / А. Н. Еникеев; [сост., авт. анализ. ст. В. Р. Аминовой]. Казань: Татар. кн. изд-во, 2017. 271 с.
17. Аминова В. Р. Не-(пост) классическая картина мира в национальном историко-литературном процессе (на материале лирики Р. Ахметзянова) // *Studia Litterarum*. 2016. Том 1, № 3–4. С. 278–297.
18. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / пер. с нем. М. Ю. Некрасова. СПб.: Академ. проект, 2003. 816 с.
19. Брагинский В. И. Символизм суфийского пути в «Поэме о Море Женщин» и мотив свадебного корабля // *Суфизм в контексте мусульманской культуры*. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1989. С. 174–215.
20. Шиммель А. Мир исламского мистицизма / пер. с англ. М.: Алетея, Энигма, 2000. 416 с.
21. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Центральная Азия: Казахстан, Киргизия. Космос ислама (интеллектуальные путешествия). М.: Изд. сервис, 2002. 784 с.
22. Смирнов А. В. Номинативность и содержательность: почему не критическое исследование «универсалий культуры» грозит заблуждением // *Универсалии восточных культур*. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2001. С.290–317.

References

1. Smirnov I.P. Literary time. (Hypo) theory of literary genres. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Arts, 2008. 264 p.
2. Scheffer J.-M. What is a literary genre? Moscow: URSS editorial, 2010. 192 p.
3. Zenkin S.N. Literature theory: problems and results. Moscow: New Literary Review, 2018. 368 p.
4. Companion A. Demon theory. Moscow. Publishing House. Sabashnikovs, 2001.336 p.
5. Leiderman N.L. Theory of the genre. Yekaterinburg, 2010.904 p.
6. Туупа V.I. Discourse / Genre. Moscow: Intrada, 2013.211 p.
7. Gabdulhakov R. "Many of my works are dedicated to my native land". [Electronic source]. <https://zen.yandex.ru/media/id/5b83cdce7f1c5200aaa38412/ramziia-gabdulhakova--mnogie-moi-proizvedeniia-posviascheny-rodnomu-kraiu-526caebd77e3d8b77a3> (Date of appeal 01.05.2020).
8. Zagidullina D.F. Modern Tatar prose (1986–2016): the main trends in the historical and literary process. Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2017. 246 p. (In Tatar)
9. Tatar Encyclopedia: 6 v. Kazan: Institute of Tatars. Encyclopedias of the Academy of Sciences of the RT, 2008. V. 4.: М – P. 768 p.
10. Tatar Encyclopedia: 6 v. Kazan: Institute of Tatars. Encyclopedias of the Academy of Sciences of the RT, 2006. V. 3: К – L. 664 p.
11. Theory of literary genres / ed. N.D. Tamarchenko. Moscow. Publishing Center "Academy", 2011. 256 p.
12. Abelguzina F.R. Genre of "Parsa" in Bashkir literature: problems of formation and development: abstract. dis. ... cand. filol. sciences. Ufa, 2003. 25 p.
13. Gabdulhakova R.G. Silver coat: Short stories, miniatures, prose in verse. Kazan: Tatars. Prince Publishing House, 2006. 223 p. (In Tatar)
14. Ganieva R.K. Tatar literature: traditions, relationships. Kazan: KSU Publishing House, 2002. 272 p.
15. Kurbanmamadov A. Aesthetic doctrine of Sufism (experience of critical analysis). Dushanbe: Donish Publishing House, 1987. 108 p.
- 16 Enikeev A.N. Unspoken testament: short stories, novel / A. N. Enikeev; [comp., author of analytical articles V.R. Amineva]. Kazan: Tatars. Prince Publishing House, 2017. 271 p.
17. Amineva V.R. Non-(post) classical picture of the world in the national historical and literary process (based on the material of R. Akhmetzyanov's lyrics) // *Studia Litterarum*. 2016. Volume 1, No. 3-4. P. 278–297.
18. Hanzen-Löve A. Russian Symbolism. The system of poetic motives. Mythopoietic symbolism. Cosmic Symbols. St. Petersburg: Academ. project, 2003. 816 p.
19. Braginsky V. I. The symbolism of the Sufi path in the "Poem on the Sea of Women" and the motive of the wedding ship // *Sufism in the context of Muslim culture*. Moscow: Science, 1989. P. 174–215.
20. Schimmel A. World of Islamic mysticism. Moscow: Aletheia, Enigma, 2000. 416 p.
21. Gachev G. D. National images of the world. Central Asia: Kazakhstan, Kyrgyzstan. Cosmos of Islam (intellectual travel). Moscow: Publishing Service, 2002. 784 p.
22. Smirnov A. V. Nominativity and substantiality: why a non-critical study of “universal culture” threatens with error // *Universals of oriental cultures*. Moscow: Publishing company "Oriental Literature" Russian Academy of Sciences, 2001. P. 290-317.

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.012

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации
Паринова А.С.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(908)143-22-68
e-mail: anna.parinova.90@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
PhD, Senior lecturer*

*Parinova A.S.
Russia, Voronezh, tel. +7(908)143-22-68
e-mail: anna.parinova.90@mail.ru*

А.С. Паринова

КОМПЛЕКС МОТИВОВ АДА И РАЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ, ПОСВЯЩЕННОЙ ЛАГЕРНОЙ ТЕМАТИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ» И ГУЗЕЛЬ ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»)

В статье рассматривается комплекс мотивов ада и рая в двух значимых произведениях 2014-2015 года – романе З. Прилепина «Обитель» и романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза». В данной работе были выявлены общие тенденции данных романов. Оба произведения посвящены лагерной теме, ставшей особенно актуальной в современной литературе последних десятилетий. Центральным персонажем является молодой человек (около 30-ти лет), волею судьбы оказавшийся в трудовом лагере. В романах отмечается изолированность и условность созданного в нём мира, при этом у З. Прилепина мы видим очень противоречивое изображение Соловецкого лагеря особого назначения, как пограничного места, обители, вбирающей в себя не только традиционное изображение лагеря как «ада на земле», но и монастырские мотивы, а у Г. Яхиной – это утопический «райский» уголок, в котором героиня обретает долгожданное спокойствие. Безусловно, яркое отличие состоит в том, что Горяинов с первых страниц романа изображен в условиях СЛОН, Зулейха же проходит долгий путь от раскулачивания, до выживания в Тайге. Несмотря на то, что оба героя проходят важный этап становления личности, мы можем отметить существенную разницу в динамике этих образов, а также в том финале, к которому автор приводит обоих героев. В «Обители» герой преобразуется, обращаясь к Богу, обретая его внутри себя в сцене побега из лагеря. В романе «Зулейха открывает глаза» героиня, только спрятавшись от всевидящего Аллаха в Семруке и поборов свой страх перед языческими духами урмана, смогла обрести силу и свободу, при этом не отказавшись от Бога, а найдя его внутри самой себя.

Ключевые слова: мотив ада, мотив рая, тема лагеря, СЛОН, раскулачивание, современная русская проза, З. Прилепин, «Обитель», Г. Яхина, «Зулейха открывает глаза».

A.S. Parinova

THE COMPLEX OF MOTIVES OF HELL AND PARADISE IN MODERN RUSSIAN PROSE DEDICATED TO THE LABOUR CAMP THEME (BASED ON NOVELS «THE MONASTERY» BY Z.PRILEPIN AND «ZULEIKHA OPENS HER EYES» BY G. YAKHINA)

The article considers the complex of motives of hell and paradise in two significant works of 2014-2015 - the novel by Z. Prilepin "The Monastery" and the novel by G. Yakhina "Zuleikha opens her eyes." general trends of these novels were revealed in this work. Both novels are devoted to the labour camp theme, which has become very relevant in modern literature of recent decades. The central character is a young person (about 30 years old), who ended up in a labour camp. In both novels are noted the isolation and convention of the world created in it. Z. Prilepin images the Solovetsky special-purpose camp very contradictory as a border place, incorporating monastery motifs and the traditional image of the camp like "hell on earth". G. Yakhina makes a utopian "paradise", where the heroine take a peace and became person. In novel Goryainov's way was started in camp's conditions, but Zuleikha had a long way from dis-possession, to survival in Taiga. Despite the fact that both go through an important stage of personality formation, we can note a significant difference in the dynamics of these images and their ending. In the "Monastery" Artem is trans-

formed, because he finds God inside himself (in the scene of escape from the camp). In the novel "Zuleikha opens her eyes," the heroine makes it, when she hid her life from the all-seeing Allah and overcame her fear of pagan spirits. After that she was able to find herself, her strength and her freedom, not giving up God, but finding him inside herself.

Key words: motive of hell, motive of paradise, theme of labour camp, dispossession, modern Russian prose, Z.Prilepin, "The Monastery," G. Yakhina, "Zuleikha opens her eyes."

Особое внимание к лагерной теме отмечается в русской прозе в последние десятилетия. Романы Захара Прилепина «Обитель» (2014), Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2015), Евгения Водолазкина «Авиатор» (2018) приобретают как популярность среди читателей, так и высокую оценку критиков. В годы своих публикаций именно они возглавляли списки большинства литературных премий, таких как «Книга года», «Большая книга», «Ясная Поляна». Это, безусловно, говорит о желании современного человека осмыслить эту тему, сквозь призму времени взглянуть не столько на исторические события, сколько на их значение в судьбе конкретного человека.

В интервью Российской газете «Большая карта для маленькой Зулейхи» роман Гузель Яхиной называют «женским вариантом» «Обители» Захара Прилепина. Интересные сходства есть: на фоне важных, очень значимых для страны событий, читатель наблюдает становление человеческой личности. В обоих романах важным топом является трудовой лагерь в 20-30 годы начала XX века, а также очень важна общая характеристика центрального героя – это молодой человек около тридцати лет, находящийся на важнейшем этапе своего развития. Прежде всего стоит отметить, что за лагерной темой в традиции русской литературы закрепилось довольно прочное представление об «аде на земле» [1; с. 169]. Действительно, особое островное пространство, изолированность и замкнутость создает некий мифологический топос, в котором повествование приобретает условность.

В романе «Обитель» перед нами представлена модель мира, созданная демиургом Эйхманисом, напоминающая искусственный мир, отделённый от реальности, фантазмагорию, где, как в огромном котле, смешиваются люди разных национальностей, политических взглядов и жизненных позиций: блатные и священники, контрреволюционеры и бывшие чекисты, поэты и крестьяне. Жизнь здесь наполнена противоречиями: с одной стороны, мы видим «ад» в лучших традициях лагерной прозы, с её жестокостью, холодом, голодом, болезнями, вшами и прочей живностью, тяжелыми баланами и смертями заключенных от нечеловеческих условий работы; с другой стороны, перед нами возникает утопическая модель «рая» на земле: «афинские ночи», театр, библиотека, спартакиада, научные исследования, свобода, даже большая, относительно той, которая была в это время на «материке».

Главный герой романа «Обитель» Артём Горяинов путешествует по этому многогранному пространству лагеря, оказываясь то на тяжёлых «общих работах», то на практически вольном труде в лисьем питомнике. Читатель видит, как он проходит все круги Соловецкого «ада», апогеем которого является Секирка, где и происходят одна из самых ярких сцен романа. Это место превращается в кипящий котел с грешниками, каждый из которых выкрикивает признания в самых жестких своих поступках. Исповедь и причастие заключённых для Артёма оборачиваются испытанием: он не может признать своего греха вместе со всеми. Вместо этого он насмехается над кающимися грешниками, соскабливает со стены лик святого, бережно освобожденный от штукатурки до этого им же самим.

Поиск Горяиновым Бога происходит позднее в эпизоде побега из лагеря. Многоуровневая мифологичность этой сцены выделяет её из общего повествования: лодка, одиноко плывущая по водному пространству представляет из себя сразу несколько символов – это и переход из одного мира в другой в античной традиции, и символ спасения в христианской традиции. Артём именно в этой сцене впервые искренне взывает к Богу, что показывает нам его стремление к свету. В его словах есть осознание себя и Галины уже не заключенным и чекисткой, а мужчиной и женщиной, Адамом и Евой, стремящимися начать жизнь заново: «Никого тут нет, только две судьбы, и две памяти – её и его. Влекутся за лодкой, теряя по пути то одно, то другое – какие-то слова, какие-то вещи, какие-то голоса» [2; с. 614]. Герой после этого момента действительно меняется – он признаётся себе в своих грехах, спокойно встает в

расстрельный ряд и на этом повествование о нём заканчивается. Для автора именно здесь – финал истории об Артёме Горяинове. О его дальнейшей жизни читатель не узнает ничего, о его смерти сообщается несколькими небрежными фразами: «Артёма Горяинова, как рассказал мой дед со слов прадеда, летом 1930 года зарезали блатные в лесу: он проходил мимо лесного озера, решил искупаться, - на берегу, голый, поймал своё острière» [2; с.743].

Главный герой ходит рядом со смертью на протяжении всего романа, но она не забирает его, так как он еще не завершил своего пути: «Сколько же раз меня убивали? – слёзно жаловался Артём. – Не сосчитать! Меня зарезали блатные. Меня сгноили на баланах. Меня забрали на смерть за чужие святцы. Меня закопали вместе с заговорщиками. Меня застрелили на Секирке. Меня затоптали лагерники, не простив изуродованный лик на стене. Меня еще раз застрелила в лодке Галина. Меня утопило море, и то, что мама гладила по голове, съели рыбы. Я медленно умер от холода и голода. С чего бы мне опять умирать? Больше нет моей очереди, я свою очередь десять раз отстоял! Господи!» [2; с.663]. Испытания, на которые обрекает своего героя писатель, посланы ему, чтобы понаблюдать, как в зависимости от ситуации меняется его поведение и внутреннее состояние.

В «Обители» Захар Прилепин показывает нам не столько «ад» внешний, сколько «рай» внутренний на примере таких героев, как владычка Иоанн, монах-отшельник. В Горяинове же главное – это то самое сопротивление при попытке грешника обрести гармонию с собой, с миром, с Богом. Двойственность героя, как и двойственность места – это то, что притягивает читателя. Монастырь и лагерь – два символа двух эпох, расположившиеся в одном месте, и есть Обитель для большинства заключенных, место, которое стало их последним пристанищем, подарившее некоторым из них возможность покаяния. Психические реальности «ада» и «рая», которые одновременно существуют в Артёме и ведут его из неверия к прозрению.

В романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» также крайне важен мотив «прозрения», именно его мы видим в названии, именно с этих строк и начинается само повествование. Однако от стратегии прилепинского мечущегося героя кардинально отличается выбор главной героини. В центре повествования – судьба татарской замужней женщины тридцати лет, половину из которых она провела в доме своего мужа и свекрови. Стоит отметить, что, по сравнению с «Обителью», отличается гендерная принадлежность персонажа, которая становится очень значимой для писательницы и является импульсом для целого ряда тем и мотивов. Прототипом образа Зулейхи стала судьба бабушки Г.Яхиной: «В романе я ничего не придумала, просто вспомнила, как это было в доме бабушки и дедушки, чуть-чуть усилила акценты, гуще положила краски» [3].

Первая глава наполнена жестокими сценами насилия, грубости, беспросветной печали. Смирение и послушание проявляет Зулейха в семье деспотичного мужа и его матери. Жизнь, в которой все живут по древним законам, оставленным предками, становится для молодой женщины мучением, которому нет конца, единственный выход для неё – собственная смерть. Именно о ней постоянно говорит свекровь, которую она называет Упырихой. Это единственная героиня в романе, которая имеет прототип – прабабку автора, обладающую крутым и деспотичным нравом. При всей реальности этого персонажа именно её образ становится наиболее эфемерным. Мы не знаем, как сложилась судьба Упырихи, но понимаем, что гибель её неизбежна в самое ближайшее время после того, как Зулейха покидает поселок. Несмотря на это, голос свекрови, как зов всех далёких предков, слышит героиня в самые сложные жизненные моменты.

Сцены жизни в доме сопровождаются мотивом вечности: темнота, холод, смерть. Зулейха живёт в страхе перед мужем, свекровью, Аллахом и языческими богами, населяющими всё пространство от дома до таинственного урмана (татар. *лес*). Она не способна противостоять, полностью подчинена власти мужа: «А ты не сможешь. Ни ударить, ни убить, ни полюбить» [4; с. 33] - говорит ей Упыриха, и все последующее повествование читатель наблюдает, как Зулейха доказывает обратное.

Убитый красноармейцами муж открыл ей дорогу из этого «чистилища», в котором пребывала её душа до тридцати лет. Все остальные невзгоды, которые выпали на её долю, выглядят не намного страшнее и трагичнее, чем её жизнь в татарской деревушке. Вырвавшись

на свободу, Зулейха словно только начинает жить, чувствовать: она постепенно обретает возможность говорить, видеть, слышать, превращаясь в удивительное создание, которому по плечу любые трудности.

Дорога в лагерь наполнена для героини испытаниями, в которых ей суждено выжить: длинный голодный путь эшелона, трагическая гибель заключенных на прохудившейся барже, зимовка в тайге – все это закаляет характер, она открывает в себе огромную силу, храбрость, любовь. Интересно рассмотреть более детально отношение героини к Богу. «На всё воля Аллаха» – всё время повторяет Зулейха ровно до того момента, пока не оказывается в лагере. Это место подарил ей надежду на то, что Аллах, посылающий ей скорби в виде смерти детей, забудет о ней и её ребенке. При этом, в отличие от Артёма Горяинова, перед героиней, которая изначально верует и надеется на помощь Всевышнего, но, не обретя её извне, обращает внимание на то, какой потенциал и какая сила духа заложена в ней самой: «Жить без постоянного внимания и строгого надзора всевидящего ока было поначалу страшно, будто осиротела. Затем привыкла, смирилась. Иногда по привычке, посылала в небесную высь какие-то молитвы – как отправляют короткие письма из далёких и диких мест, не надеясь, что они долетят до адресата» [4; с.334].

Героиня будто освобождается от оков запретов и правил, на которых основывалось её воспитание, воспитание её матери и всех женщин рода. Обретя свободу от Всевышнего, Зулейха обретает саму себя, впуская внутрь позволение любить ближнего, делать это не из чувства долга или страха, а по велению сердца. Безусловно, неоднозначно трактуется мотив богооставленности этого места, а также формального отречения героини от Бога. Однако здесь мы согласимся с мнением И. Савкиной и А. Розенхольм, которые считают, что «Она (писательница) постоянно помнит о Боге, но в ее романе Бог — не над людьми, а между ними» [5; 24]. Действительно, образ Зулейхи в этом отношении неоднозначен, ей приходится пройти сложный путь для того, чтобы увидеть частицу божественного промысла в себе самой, чтобы поверить, что она, как любое создание Творца, имеет право на жизнь. При этом понимании, мы видим, что героиня становится удивительно гармоничной и наполненной именно на этом «острове», в поселении трудового лагеря, где в глухой чащобе сибирского урмана люди совсем одни: «наедине друг с другом» [4; с. 465].

Это место воплощает в себе скорее «райские» черты, нежели традиционное представление о лагере как об аде. Здесь живут люди, которых автор не наделяет явными отрицательными чертами, даже доносчик Горелов не раскрывает свою жестокость в полной мере, он как-то усмиряется под влиянием справедливых и благородных Иконникова, Сумлинского, Вольфа Карловича Лейбе, Изабеллы и Константина Арнольдовича. До этого забытого людьми места можно добраться лишь водным путем, оно изолировано и как бы спрятано от внешних бед, например, о войне они узнают лишь понаслышке, отправив на фронт несколько добровольцев. Поэтому новый человек, родившийся здесь, не имеет чётких национальных и религиозных корней, он вобрал в себя все лучшее, что было на этом острове: стойкость и смелость от матери, искусство живописи от Иконникова, воспитание и культуру от Изабеллы Павловны, легенду о птице Семруг о единении всех со всеми. В этой истории, как и в легенде, которую рассказывает мать сыну, воспевается сила духа не только одного человека, а целого народа необъятной многонациональной страны.

Материнство даёт Зулейхе новое осознание себя, она уже не просто послушная женщина, она – мать, готовая на всё ради своего дитя. Она выкармливает его собственной кровью в первую голодную зиму, отказывается от отношений с комендантом лагеря, чувствуя, что это может навредить её сыну, она отпускает Юзуфа в тот момент, когда он хочет покинуть лагерь. Её любовь не имеет границ, но, в отличие от самодовольной и властной Упырихи, Зулейха готова жертвовать собой и своими чувствами ради счастья своего сына.

В романе присутствует любовная линия, но она не главенствует, как и в «Обители», – это лишь часть человеческой жизни. Гораздо важнее для обоих писателей – диалог человека с самим собой, поиск внутри себя Бога. В этом контексте интересен и образ возлюбленного Зулейхи, коменданта лагеря Игнатова, которого читатель встречает сильным, грубым, бескомпромиссным красноармейцем, твердо следующим указаниям своего начальства. Но с ним

также происходят удивительные метаморфозы. Изменения внутри этого героя происходят постепенно, через принятие хрупкости и быстротечности человеческой жизни: одну за одной он зачеркивает фамилии вверенных ему заключенных, отмечает как «убыль» каждую смерть. Оказавшись в Тайге с горсткой заключенных, он сам становится одним из них и принимает на себя ответственность за спасение их жизней. Являясь самоотверженным атеистом, герой, тем не менее, следует идее человеколюбия, становится спасителем для умирающих от голода и холода людей. Образ Ивана Игнатова динамичен, он проходит сложный путь принятия себя не элементом системы, а Человеком. Дав Юзуфу свои фамилию и отчество, он нарушает данную когда-то присягу, однако совершает поступок, дающий этому юноше надежду на счастливое будущее. С этим эпизодом связан и мотив бегства, но в произведении Г. Яхиной, в отличие от «Обители» З. Прилепина, финал открыт: Юзуф садится в лодку и покидает Семрук.

Лагерь Зулейхи, в отличие от лагеря Горяинова, действительно напоминает рай, жизнь там течет размеренно и гармонично, все находится при своём деле. После попадания героев на его берег читатель уже не видит трагических смертей. Это место принимает их после тяжелого испытания голодом и холодом, оно прячет их от невзгод, которые обрушиваются в то время на материк: война, голод, тысячи смертей. Однако утопия рушится, когда на берег выходят Горелов и Кузнец, с намерением разрушить этот «рай» на земле, забрав командование Семруком у Ивана Игнатова. Наряду с традиционным для малых татарских народов смешением мусульманских и языческих верований главной героини, очень силен и библейский компонент религиозных мотивов, особенно в финале произведения. Сам Семрук носит имя, напоминающее Кузнецу «серафимов шестикрылых», а лодка, на которой юноша отправляется из лагеря, чтобы учиться живописи, подарена Юзуфу Луккой, в то время как в православной и католической традиции евангелист Лука считается покровителем не только врачей, но и живописцев. Показательно, что имя, которое даёт ему Игнатова уже не Юзуф, а Иосиф, в документе он пишет, что отец его «красноармеец», а мать «крестьянка», таким образом, освобождает юношу от национальной самоидентичности. Перед нами Новый человек, Новый Адам, который отправляется на большую землю строить новое будущее.

Интересно, что несмотря на всю разницу между героями Прилепина и Яхиной, эти романы объединяет главная идея – показать путь человека к Богу, суть любви к которому проявляется не в соблюдении правил и традиций, а в искренней любви к ближнему и к самому себе, как к части божественного замысла. Оба героя воплощают важную мысль о том, что самый важный диалог происходит внутри человека; таким образом оба писателя, размышляя на «вечные» темы, продолжают классическую традицию русской литературы.

Библиографический список

1. Старикова Л.С. «Лагерная проза» в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика // Вестник Кемеровского государственного университета. №2(62). 2015. С. 169-174.
2. Прилепин З. Обитель: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 746 с.
3. Пульсон К. Большая карта для маленькой Зулейхи, Интервью // Российская газета. №260(6831) 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2015/11/18/yahina.html> (дата обращения 25.10.2020)
4. Яхина Г. Зулейха открывает глаза. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. 512 с.
5. Савкина И., Розенхольм А. «Секрет ее успеха»: Размышления о романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследования №3/4. 2016. С. 22-25.

References

1. Starikova L.S. The “camp prose” in the context of the Russian literature of the 20th century: concept, framework, specificity // Bulletin of Kemerovo State University. №2(62). 2015. p. 169-174.
2. Prilepin Z. The Monastery: novel. M.: AST: Elena Shubina editorial office. 2015. 746 p.
3. Pulson K. Big map for young Zuleykha. Interview // Russian newspaper. №260(6831) 2015. [Internet source]. URL: <https://rg.ru/2015/11/18/yahina.html> (date of application: 25.10.2020)
4. Yakhina G. Zuleykha opens her eyes. M.: AST: Elena Shubina editorial office. 2016. 512 p.
5. Savkina I., Rozenkholm A. «The secret of her success»: Reflections about novel by Guzel Yakhinoy «Zuleykha opens her eyes» // Maze. Journal of Social and Humanitarian Studies №3/4. 2016. p. 22-25.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 81'373.23(470.324)

DOI 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.013

*Борисоглебский филиал Воронежского
государственного университета
кандидат филологических наук
доцент кафедры социальных
и гуманитарных дисциплин
Верховых Л.Н.
Россия, г. Борисоглебск, тел. 84735461327
e-mail: lverhovyyh@mail.ru*

*Borisoglebsky branch of
Voronezh State University
The chair of social disciplines
and liberal arts
PhD, associate professor
Verhovyykh L.N.
Russia, Borisoglebsk, tel. 84735461327
e-mail: lverhovyyh@mail.ru*

Л.Н. Верховых

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ РЕЛИКТЫ В ВОРОНЕЖСКИХ ФАМИЛИЯХ

В статье рассматриваются фамилии жителей ряда сел Воронежской области, восходящие к топонимам и катойконимам. Материалом исследования послужили более 1300 антропонимических единиц в синхронии и 275 в диахронии (по данным ревизских сказок 1816 года). Целью данной статьи является установление различных видов топонимических реликтов в воронежских фамилиях (на примере ряда сел Поворинского, Новохоперского, Таловского районов Воронежской области) с использованием описательного и сравнительно-исторического методов. В результате исследования с лексико-семантической точки зрения выделены следующие типы топонимических реликтов: 1) топонимические реликты, восходящие к разновидностям топонимов – ойконимам (собственным именам поселений); 2) топонимические реликты, восходящие к катойконимам – от-топонимным образованиям (нарицательным именованьем жителей по названию места жительства); 3) топонимические реликты, восходящие к гидронимам – собственным наименованиям водных объектов. Топонимическую основу имеют 2,5% от общего числа рассмотренных антропонимов. Анализ сохранившихся в фамилиях топонимических реликтов, классифицированных в соответствии с основами онимов, позволяет сделать вывод о том, что в Воронежский край переселялись жители из разных областей Центральной России, с юга России – Ростовского края, Белоруссии, а также с Украины, что подтверждают и исторические документы.

Ключевые слова: ономастика, антропонимия, топонимические реликты, фамилии, Воронежская область.

L.N. Verkhovyykh

TOPONYMIC RELICTS IN VORONEZH SURNAMES

The article deals with the surnames of a number of villages in Voronezh region that go back to toponyms and katoikonims. We have used more than 1300 anthroponymic units in synchrony and 275 indiachrony (according to the revision lists of 1816) as the research material. The purpose of this article is to establish various types of toponymic relicts in Voronezh surnames (exemplified by a number of villages of Povorinsky, Novokhopersky, Talovsky districts of the Voronezh region) using descriptive and comparative historical methods. As a result of the study, we have identified the following types of toponymic relicts from lexical and semantic points of view: 1) toponymic relicts dating back to the varieties of toponyms - oikonims (proper names of settlements); 2) toponymic relicts dating back to katoikonims - toponym formations (common names of people derived from the name of the residence place); 3) toponymic relicts dating back to hydronyms - proper names of water bodies. 2.5% of the total number of considered anthroponyms have a toponymic basis. An analysis of the toponymic relicts preserved in the surnames, classified in accordance with the basics of onyms, allow us to conclude that residents from different regions of Central Russia, from the South of Russia – the Rostov region, Belarus, as well as from Ukraine moved to the Voronezh region, which is also confirmed by historical documents.

Keywords: onomastics, anthroponymy, toponymic relicts, surnames, Voronezh region.

Современная и диахроническая фамильные системы транслируют не только обширные лингвистические данные, но и этнолингвистическую информацию. Топонимические реликты в фамилиях, отражающие процессы миграции населения, относятся к числу важных для лингвистов, историков и этнографов, поскольку косвенно позволяют установить ареалы распространения той или иной народности, изучить пути переселения жителей одной территории на другие внутри страны, определить истоки того или иного явления культуры. И действительно, «с помощью фамилий можно узнать не только наиболее вероятных первопоселенцев, но и узнать, откуда они пришли» [1, с. 242].

Многие воронежские фамилии сохраняют топонимические реликты, позволяющие судить о связи жителей Воронежского края в прошлом с определенной местностью. Под топонимическими реликтами мы понимаем остатки географических названий, сохранившиеся в основах фамилий, имеющие связь (в настоящее время преимущественно условную) с каким-либо топонимом или оттопонимным образованием.

Целью данной статьи является установление различных видов топонимических реликтов в воронежских фамилиях (на примере фамилий села Красного Новохоперского района, села Абрамовки Галовского района, сел Байчурово, Вихляевка, Ильмень, Каменка, Мазурка, Кардаиловка, Макашевка, Октябрьское, Пески Поворинского района Воронежской области) с использованием описательного и сравнительно-исторического методов. Всего было рассмотрено в синхронии более 3300 фамилий, в диахронии – около 4000 (общее количество ономоупотреблений). Количество антропонимических единиц без учета повторяющихся фамилий составило более 1300 в синхронии (антропонимикон указанных выше населенных пунктов) и 275 в диахронии (антропонимикон села Красного Новохоперского района по данным ревизских сказок 1816 года).

Материалом исследования послужила информация, извлеченная из ревизских сказок начала XIX века, полевые записи, сделанные автором статьи и студентами Борисоглебского филиала Воронежского государственного университета (в прошлом Борисоглебского педагогического института), а также данные телефонных справочников.

Новизна исследования состоит в том, что впервые в качестве предмета исследования рассматриваются воронежские фамилии, функционирующие в указанных выше населенных пунктах, сохраняющие в своей основе топонимические реликты.

Отметим, что результаты данного исследования предварительные (в части процентного соотношения фамилий с топонимическими реликтами к общему числу изученных антропонимов), поскольку для составления точной картины распространения фамилий с топоформантами, кроме списков фамилий из телефонных справочников (села Поворинского района), необходимы и основательные стратиграфические исследования с привлечением полного списка фамилий всех жителей населенных пунктов в определенный период.

В результате проведенного исследования установлено, что всего 39 фамилий сохраняют топонимическую основу, что составляет 2,5% от общего числа рассмотренных фамилий: *Байчуров, Бахмутский / Бахмуцкий, Бахмицкой, Варварский, Вышегородских, Городецкий, Елецких, Жигульский, Звезинцев, Камышанский, Колмыков, Коломницов, Коломьцев, Коноплянский, Масковой, Могилевской, Мозриненков, Москалев, Нижегородов, Ольховатский, Павловский, Подольский* (в трех населенных пунктах Поворинского района), *Полянский, Рязанов, Суздальцев, Тульский, Турьинской, Уваров, Угрянских, Уральский, Чернавский, Шафрановский, Шацкий, Шацкой, Шпакóвский, Яицкий, Яицкой, Ялтинской* (в фамилиях, извлеченных из архивных документов, ударения не ставим, поскольку нет достоверных сведений о месте ударения).

А.В. Суперанская выделила следующие типы фамилий, созданных на основе топонимов: 1) бессуффиксные фамилии, образованные от названий городов, рек, островов и других объектов; 2) фамилии, оформленные суффиксом *-ский (-цкий)*, образованные от названий тех

же видов объектов, то есть городов, рек, островов и т.д. с преобладанием названий городов; 3) фамилии, образованные от названий тех же видов объектов и оформленные суффиксами *-ов (-ев), -ин*; 4) бессуффиксные фамилии, образованные от названий жителей определенных мест; 5) фамилии, образованные от названий жителей определенных мест и оформленные суффиксами *-ов, -ин* [2, с. 110].

В данном исследовании нами были зафиксированы только суффиксальные образования от названий населенных пунктов (сел, поселков, деревень, городов) и от названий жителей различных мест.

Основными видами топонимических реликтов *с лексико-семантической точки зрения* являются следующие.

1. Топонимические реликты, восходящие к разновидностям топонимов – ойконимам (собственным именам поселений): названиям сельских поселений – комонимам: *байчур-*; названиям поселений городского типа – астионимам: *ба́хмут-, ба́хми(т)ц-, варва́р- вышего- рód-, городе́ц-, еле́ц-, жигу́льск-, звеги́нцев-, камыша́н-, колмык-, колóмн-, конопля́н-, масков-, моги́лёв-, мозр-, нижегоро́д-, ольховáт-, па́вловск-, подо́льск-, поля́н-, рязáн- , тул-, ту́рынск-, ува́ров-, угля́н-, черна́вск-, шафра́нов-, шацк-, шпакóвск-, ялт-*.

Сравните фамилии:

Байчуров [3, л. 782] (село Байчурово Поворинского района Воронежской области).

Ба́хмутский / Ба́хмуцкий; Бахмицкой (сначала приводятся фамилии, бытующие в настоящее время в населенных пунктах, а после точки с запятой или с новой строки (если в настоящее время эта фамилия отсутствует в населенном пункте) даны фамилии, извлеченные из ревизских сказок 1816 года) [3, л. 741, 742] (Бахмут – город в Донецкой области, также Бахмут – древний ойконим, ср.: Бахмутская провинция).

Варва́рский (поселок Варварино в Новохоперском районе Воронежской области).

Вышегоро́дских (г. Вышгород Киевской области Украины).

Городе́цкий (город Городец и поселок Городецкий, село Городецкое в Нижегородской области, село и деревня Городецкое в Рязанской области, село Городецкое в Ульяновской области, д. Городецкое в Смоленской области, село Городецкое в Орловской области и др.).

Еле́цких (г. Елец Липецкой области).

Жигу́льский (г. Жигулевск в Самарской области).

Звеги́нцев (п. Звегинцево в Борисоглебском районе Воронежской области).

Камыша́нский (г. Камышин в Волгоградской области).

Колмыко́в (станция Калмык в селе Октябрьском (ранее – село Калмык) Поворинского района Воронежской области, х. Калмыковский в Волгоградской области, х. Калмыков, х. Калмыковка, с. Калмыково в Ростовской области, д. Большие Калмыки, д. Малые Калмыки в Тульской области и др.).

Коломни́цов [3, л. 881, 882] (г. Коломна Московской области).

Копо́лянский (д. Коноплюно в Московской области, с. Коноплюно в Рязанской области, д. Коноплюно в Тверской области (3 одноименных названия в разных районах), д. Коноплюно в Тульской области и др.).

Масковой [3, л. 775, 851, 852] (г. Москва).

Могилевской [3, л. 906] (г. Могилев, административный центр Могилевской области Беларуси).

Мозри́нцев [3, л. 786] (г. Мозырь Мозырского района Гомельской области Беларуси).

Нижегоро́дов (г. Нижний Новгород).

Ольховáтский (р. п. Ольховатка в Воронежской области).

Па́вловский (г. Павловск Воронежской области).

Подо́льский (г. Подольск Московской области) – данный антропоним встречается в трех населенных пунктах Поворинского района Воронежской области.

Полянский (с. Поляна в Грибановском районе Воронежской области, х. Поляна в Нижнедевицком районе Воронежской области, с. Поляна и ст. Поляна в Поворинском районе Воронежской области и др.).

Рязанов (г. Рязань Рязанской области и д. Рязань в Московской и Архангельской областях).

Тульский (г. Тула в Тульской области).

Турьинской [3, л. 887] (г. Краснотурьинск Свердловской области).

Уваров (г. Уварово в Тамбовской области, д. Уварово во Владимирской области, д. Уварово в Московской, Тверской и Ярославской областях, с. Уварово в Нижегородской области).

Углянский (село Углянец Верхнехавского района Воронежской области).

Чернавский (д. Чернавские Выселки в Рязанской области, д. Чернавская в Свердловской области, село Чернавское и п. Чернавский в Курганской области).

Шафрановский (д. Шафраново в Костромской области, с. Шафраново в Башкортостане).

Шацкий (г. Шацк в Рязанской области, п. Шацкие Выселки в Тамбовской области); *Шацкой* [3, л. 843, 844] (в нач. XVIII в. город Шацк Шацкой провинции относился к Азовской губернии, ныне – город в Рязанской области).

Шпаковский (Шпаковский район в Ставропольском крае).

Ялтинской [3, л. 886] (Ялта – город-курорт в Крыму, порт).

2. Топонимические реликты, восходящие к катойконимам – оттопонимным образованиям (нарицательным именованием жителей по названию места жительства): *коломы́ц-, москал-, суздальц-.*

Сравните фамилии:

Коломы́цев < Коломыец < коломыец (г. Коломыя в Ивано-Франковской области Украины).

Моска́лев < Москаль < москаль (*моска́ль* – выходец из Москвы, русский (солдат), *южн., укр.* [4, т. 2, с. 659]; *моска́ль* – *юж.* москвич, русский; солдат, военнослужащий [5, т. 2, с. 356]).

Сузда́льцев < Суздалец < суздалец (г. Суздаль во Владимирской области).

3. Топонимические реликты, восходящие к гидронимам – собственным наименованиям водных объектов: *Ура́льский* (р. Урал), *Яи́цкий, Яи́цкой* [3, л. 905] (Яик (р. Урал) – древний гидроним, современное Урал).

Отметим, что некоторые антропонимы включают топонимические реликты, восходящие к основе с двойственной мотивацией (оним/ апеллатив, топоним / антропоним), и установить однозначную мотивацию в настоящее время не представляется возможным.

Ба́хмутский / Ба́хмуцкий. Фамилии могут быть образованы как от прозвища из топонима *Бахмут*, так и от прозвища из апеллатива *бахму́т* – *донское* «северо-западный холодный ветер» [6, с. 156]. Бахмутом могли назвать человека сурового, как северо-западный ветер, строгого.

Городе́цкий. Истоки фамилии могут быть связаны с прозвищем, восходящим к одному из многочисленных ойконимов с корнем *город-*, и с прозвищем из апеллативов *городча́нин, городе́ц* – «городок, крепостца, укрепленное тыном местечко, селение»; «городок, один зубчик, зубец в узоре» [5, т. 1, с. 381].

Коломы́цев. По-видимому, фамилия первоначально называла человека из украинского города Коломыя в Ивано-Франковской области. Ю.А. Федосюк отмечает: «Коломиец – либо житель украинского города Коломыя, либо рабочий на старой Украине, добывающий каменную соль» [7, с. 103]. Поскольку фамилия *Коломы́цев* встречается в селе, которое в XIX в. населяли преимущественно малороссы, украинские переселенцы [см.: 8, с. 224], [9, с. 113–114], то можно предположить, что антропоним возник для обозначения человека, переселившегося из украинского города в с. Красное Новохоперского района Воронежской области. Фамилия *Коломы́цев* также может происходить и от прозвища, восходящего к апеллативу

вам *коломыкать* – «бродить вокруг чего, шнырять, разнюхивать», *коломыка*– «бродяга; лазутчик» [5, т. 1, с. 140].

Уváров. Фамилия может восходить как к топониму *Уварово*, так и к личному имени *Уváр* (церк. *Уár*) [10, с. 249].

Проведенный анализ воронежских фамилий, включающих топонимические реликты, позволяет сделать вывод о том, что наибольшее число фамилий было образовано от прозвищ жителей по названию населенных пунктов; видимо, это достаточно поздние наименования. Как отмечает Б.О. Унбегаун, «фамилии на *-ский* обычно образуются от названий наследственных владений, более поздними являются фамилии из названий городов» [11, с. 105].

В результате проведенного исследования установлено, что в свой состав топонимические реликты включают 2,2% фамилий от общего числа рассмотренных антропонимов в синхронии и 3,6% фамилий от числа антропонимов, проанализированных в диахронии. Сохранившиеся в фамилиях топонимические реликты, указывают на то, что в Воронежский край переселялись жители из разных областей Центральной России, с юга России – Ростовского края, из Белоруссии, а также с Украины, что подтверждают и исторические документы.

Библиографический список

1. Ковалев Г.Ф. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. 440 с.
2. Суперанская А.В., Сулова А.В. Современные русские фамилии. М.: Наука, 1981. 176 с.
3. Государственный архив Воронежской области. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 205. Ревизские сказки по г. Новохоперску и Новохоперскому уезду Воронежской губернии. 10 марта – 6 августа 1816 г. С. Красное. Л. 716–915.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. М.: Прогресс, 1986–1987.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. СПб. -М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880–1882. Т. 1–4.
6. Словарь русских народных говоров. Вып. 2. М. – Л.: Наука, 1966. 317 с.
7. Федосюк Ю.А. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. М.: Детская литература, 1980. 239 с.
8. Населенные места Воронежской губернии. Справочная книга. Воронеж: Издание Воронежского губернского земства: Типо-Литография В.И. Исаева, 1900. 482 с.
9. Памятная книжка для жителей Воронежской губернии на 1916 г. / Под ред. Д.Г. Тюменева. Издание Воронежского Губернского Статистического Комитета. Воронеж, 1916. 557 с.
10. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М.: Эксмо, 2005. 448 с.
11. Унбегаун Б.О. Русские фамилии: Пер. с англ. Общ. ред. Б.А. Успенского. Москва: «Прогресс», 1989. 443 с.

References

1. Kovalev G.F. Selected works. Ethnonymy. Voronezh linguistic region studies. Various works. Voronezh, 2014. 440 p.
2. Superanskaya A.V., Suslova A.V. Modern Russian surnames. Moscow, 1981. 176 p.
3. State archive of Voronezh region. F. I-18, op. 1, d. 205. Revision list of the Novokhopersk and Novokhopersk area of Voronezh province. March, 10 – August, 6, 1816. Vil. Krasnoye. L. 716–915.
4. Fasmer M. Etymological dictionary of Russian language. In 4 vol. Moscow, 1986–1987.
5. Dahl V.I. Explanatory dictionary of live Great Russian language. In 4 vol. St.-Petersburg - Moscow, 1880–1882. Vol. 1–4.
6. Dictionary of Russian dialects. Vol. 2. Moscow - Leningrad, 1966. 317 p.
7. Fedosyuk Y.A. Russian surnames: A popular etymological dictionary. Moscow, 1980. 239 p.
8. Populated areas of Voronezh province. Reference book. Voronezh, 1900. 482 p.
9. A memorial book for residents of Voronezh province in 1916 / Voronezh Provincial Statistical Committee Edition. Voronezh, 1916. 557 p.
10. Superanskaya A.V. Dictionary of Russian personal names. Moscow, 2005. 448 p.
11. Unbegown B.O. Russian surnames. Moscow, 1989. 443 p.

УДК 81.42

DOI 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.014

*Воронежский государственный
технический университет
ассистент кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Голованова Н.Ю.
Россия, г. Воронеж, тел. 8(473)2715048,
+7(951)8638578,
e-mail: nadezhdagolovanova90@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
Assistant lecturer
Golovanova N.Y.
Russia, Voronezh, tel. 8(473)2715048,
+7(951)8638578,
e-mail: nadezhdagolovanova90@mail.ru*

Н.Ю. Голованова

РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ЦВЕТОВОЙ ПАЛИТРЫ В ПОВЕСТИ Л.Н. АНДРЕЕВА «В ТУМАНЕ»

Настоящая статья посвящена изучению цветовой лексики в повести Л.Н. Андреева «В тумане» (1902). Целью статьи является выявление специфики цветových репрезентантов в повести Л.Н. Андреева, их функциональной значимости в художественном тексте. В исследовании представлены причины особого внимания Л.Н. Андреева к цвету, связанные с автобиографическим аспектом творчества: автор занимался таким направлением, как создание автохромной фотографии – особой технологией преобразования и воспроизведения цвета. Основную палитру в творчестве писателя составляют красный, черный, желтый, синий, белый цвета. В качестве примера для рассмотрения лексических репрезентантов цвета была взята повесть Л.Н. Андреева «В тумане». Одним из доминантных колоронимов повести является *желтый*, несмотря на то, что название повести «В тумане» настраивает читателя на восприятие другой цветовой палитры, обусловленной таким атмосферным явлением, как туман. Адъектив «желтый» в исследуемой повести реализует разные значения, благодаря чему в произведении происходят смысловые сдвиги. Среди репрезентантов цвета в повести Л.Н. Андреева тексто- и сюжетобразующими являются сложные прилагательные, созданные на основе адъективов *желтый* и *черный*: *желто-черный*, *изжелта-черный*, *исчерна-желтый* и др. В качестве репрезентанта цвета в тексте андреевской повести выступает лексема *грязный* – коррелят вышеприведенных сложных прилагательных. Художественная оппозиция *свет – тьма*, введенная автором в текст, отражает внутреннее состояние героев, способствует раскрытию сюжета повести, соотносясь с мифопоэтической оппозицией *свой-чужой*. Некоторые словосочетания, используемые Л.Н. Андреевым при описании восприятия цвета героем, являются синестезийными метафорами, играя важную роль в создании образа героев.

Ключевые слова: цвет, цветовая лексика, колороним, цветовой репрезентант, цветообозначения, художественный текст, художественная оппозиция, синестезийная метафора, туман, свет, тьма, Л.Н. Андреев.

N.Y. Golovanova

THE REPRESENTATIVES OF COLOUR PALETTE IN THE NOVEL “IN THE FOG” BY L.N. ANDREEV

The present article studies colour language in the story “In the fog” by L.N. Andreev (1902). The purpose of the study is to reveal the specificity of colour representatives in L.N. Andreev’s story and their function in the fiction text. The research gives the reasons of Andreev’s special attention to colours connected with the autobiographic aspect of his creativity: the writer developed himself a special technology of transformation and reproduction of colour – the autochromatic photography. The main palette in Andreev’s works is formed by red, black, yellow, blue and white colours. The study of lexical colour representatives is based on the story “In the fog” chosen as a sample. One of the dominant coloronyms in the story is *yellow*, though the title of the story sets the reader to perception of a different palette defined by fog as an atmospheric phenomenon. The adjective *yellow* demonstrates various meanings in the studied novel and due to them the whole essence of the piece changes. Among the colour representatives in the story we must mention text-

forming and essence-forming ones based on the adjectives *yellow* and *black*: *yellow-and-black*, *yellowish-and-black* etc. The lexeme *dirty* also works in the story as a colour representative being a correlate of the compound adjectives mentioned above. The fiction opposition *light* – *darkness* introduced in the text reflects the psychological condition of the characters and helps to understand the plot of the story correlating it with the mythological and poetic opposition *inner* – *alien*. Some word combinations used by L.N. Andreev in order to describe the character's perception of the colour can be considered as synesthetic metaphors which play a significant part in the creation of the heroes' images.

Key words: colour, colour language, coloronym, colour representative, colour designation, fiction text, fiction opposition, synesthetic metaphor, fog, light, darkness, L.N. Andreev.

Мир цвета разнообразен. Он проникает во все сферы жизни человека, несет в себе глубинный смысл и значение. Как отмечает исследователь Л.Н. Миронова, трудно назвать такую область культуры, где цвет не играл бы более или менее существенной роли [1; с. 172]. «За цветом люди видят смыслы», – пишет В.А. Маслова [2; с. 105]. О цвете мы узнаем через язык, литературу, мифологию, а также через общение с окружающими людьми. Цвет – это прежде всего сигнал. Каждый цвет вызывает у человека определенную реакцию, которая возникает на подсознательном, инстинктивном и эмоциональном уровнях.

Цветовое восприятие является частью языковой картины мира любого человека, в том числе, и писателя. В плане исследования цветовой палитры интерес представляет творчество Л.Н. Андреева, художественные тексты которого богаты колоронимами. Данный термин широко используется во многих лингвистических трудах. Под ним понимают любую языковую единицу, обозначающую цвет (слово, словосочетание, корневую морфему).

Л.Н. Андреев большое внимание уделял цвету. Помимо литературной деятельности, писателя серьезно интересовала живопись. Его картины выставлялись с работами профессиональных мастеров, печатались в журналах, а сам автор позировал художнику И.Е. Репину для создания портрета. Стоит также отметить, что писатель занимался искусством фотографии. Он осваивал это направление самостоятельно. Начиная с 1903 года, писатель делал черно-белые снимки, а когда в Россию пришла цветная фотография (это 1907г.), стал заниматься «автохромом» (механизм получения цветного изображения на растровых пластинках). Л.Н. Андреев одним из первых в России стал делать цветное фото в этой технике. Это повлияло на восприятие цвета и на отображение его в творчестве, в котором каждый цвет неслучаен, имеет свое определенное значение и играет важную роль в тексте. Основную палитру в творчестве Л.Н. Андреева составляют красный, черный, желтый, синий, белый цвета.

Ярким примером использования лексических репрезентантов цвета является повесть Л.Н. Андреева «В тумане», опубликованная в 1902 году в «Журнале для всех». Доминирующим цветом в повести является *желтый*, представленный репрезентантами с высоким семантическим потенциалом. Л.Н. Андреев использует адъектив *желтый* не только в прямом значении для обозначения предметов и явлений («...в слое *желтого* подсолнечного масла» [3; с. 464]), но и в переносном – для обозначения старости и ветхости («склянки с...*желтыми* противными ярлыками» [3; с. 464]). У писателя желтый цвет переходит в ряд символов, что обусловлено тематикой повести: драматическая история молодого человека, Павла Рыбакова, больного венерическим заболеванием и от того сильно страдающего. Главный герой безответно влюблен в гимназистку Катю Реймер, но считает себя недостойным ее чистой любви, поскольку внутренне обезображен болезнью. Неоднократное упоминание желтого цвета задает тематику нечистоты, падения, а затем и смерти. Как известно, заменительный билет (из-за своего жёлтого цвета имевший в народе неофициальное название *жёлтый билет*) являлся документом, альтернативным паспорту, который в Российской империи давал право легально заниматься проституцией. Именно с эпизода, связанного с Луизой, «развратной и бесстыдной женщиной» [3; с. 446], для героя все начинает окрашиваться в желтый цвет. Он заполняет пространство «...все, что проходило сквозь него [туман], окрашивалось в тревожный *темно-желтый* цвет» [3; с. 435]. Главный герой «...вслух пожалел себя и повернул глаза к окну, жадно ища света. Но его нет, и *желтый* сумрак настойчиво

ползет в окна, разливается по комнате и так ясно ощутим, как будто его можно осязать пальцами» [3; с. 436]. Желтый сумрак становится ощутимым, меняет свое состояние, цвет воспринимается согласно его плотности. Туман перестает быть атмосферным явлением и приобретает свойства твердого вещества (согласно определению, туман – это совокупность очень мелких капель жидкой воды в газе, которая уменьшает его прозрачность). У Л.Н. Андреева туман – некая субстанция, наделенная признаками живого, в связи с чем дальнейшее существование в желтом тумане для героя становится невозможным: «Печален и страшно тревожен был этот *призрачный* день, задыхавшийся в *желтом* тумане» [3; с. 435], «Он стоит у окна и давится *желтым* отвратительным туманом, который угрюмо и властно ползет в комнату, как бесформенная желтобрюхая гадина» [3; с. 450]. Обратим внимание на адъектив *призрачный*. Он указывает на то, что даже день имеет своеобразный оттенок, точнее его отсутствие, и противопоставляется туману по этой характеристике. Туман оказывается более реальным, чем день. В обороте «как бесформенная желтобрюхая гадина» писатель сравнивает туман с крупной змеей из семейства ужеобразных, т.е. ползучей, неприятной, способной напасть на человека, навредить ему. Интересно, что лексемы «задыхается», «давится» по отношению к желтому туману говорят о его избыточности, сверхплотности, чужеродности.

Стоит отметить, что пространство, в котором находился Павел, тоже окрашивается в *желтый*, *грязный* цвет, а привычный голос отца, оказавшийся в этом же пространстве, кажется ему теперь другим, «в нем было что-то надтреснутое и покоробленное, словно в гортань Сергея Андрейча проник *грязно-желтый*, скучный туман» [3; с. 438]. Лексемы *надтреснутое* и *покоробленное* свидетельствуют о вторжении в жизнь вместе с туманом старости и угасания жизни, не только человека, но и того, что его окружает. Согласно определению, *грязный* имеет несколько значений: покрытый грязью, запачканный, нечистый; (*перен.*) безнравственный, аморальный; серовато-мутный; предназначенный для нечистот, помоев [4; с. 148]. Повествуя о цвете, автор использует не столько значение *серовато-мутный*, свидетельствующее о переходе к другому цвету, сколько значение *нечистый*, отражающее духовную нечистоту героя.

Важно обратить внимание, что на протяжении всей повести автор, описывая туман, наряду с адъективом *желтый* использует адъектив *тревожный* («тревожный *темно-желтый* цвет» [3; с. 435], «тревожен был этот *призрачный* день, задыхавшийся в *желтом* тумане» [3; с. 435], что говорит о напряженной атмосфере, о беспокойном внутреннем состоянии главного героя.

Несомненное воздействие на Л.Н. Андреева оказал Ф.М. Достоевский, хотя долгое время Л.Н. Андреев этого не признавал. «Л. Андреев с большим и всевозрастающим успехом идет по дороге гениального русского писателя», – отмечает В.И. Беззубов [5; с. 90]. А.Н. Хоц, рассматривая структурные особенности пространства в прозе Ф.М. Достоевского, отметил, что, «устраняя или притушевывая приметы времени и места, туман выносит событие в особый пространственный контекст, создает условный, вневременной фон, отсылая к надбытовому сущностному аспекту данного события. Это своего рода опущенные кулисы, обособляющие событие или героя в общем событийном потоке.<...> туман – своеобразный аналог малого пространства, «отсекающего» от героя большой мир во всем его объеме. Вместе с тем это и неопределенно распаханное в мир пространство, аналог вселенной с ее размытыми границами. <...> Таким образом, туман – одновременно обладает признаками как закрытого пространства, ставящего преграду между героем и миром, чреватого — как и всякая закрытая среда — ситуацией «вдруг»; так и открытого пространства, выносящего героя в контекст вселенной (туман как метафора беспредельности)» [6; с. 72-73]. У Л.Н. Андреева туман тоже является неким беспредельным пространством. С одной стороны, он отсекает Павла от внешнего мира, закрывает его, а с другой – размывает границы, становится близок герою.

Желтый цвет в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» оказывается лейтмотивным. Из 30 употреблений 28 приходится на очень узкую сферу изображения. Это быт, с одной стороны, и знаки усталости, болезни, смерти – с другой <...>. Ни один другой цвет не оказывается так жестко закрепленным за какой-либо определенной сферой изображения» [6; с. 56-57]. И далее: «<...> желтизна – это не собственный цвет вещи, но знак ее порчи (пожелтелая кацавейка, желтый кусок сахара, желтая вода, желтый цвет лица и т. п.). В художественной системе Достоевского *желтый* цвет – это выражение борьбы бытия с небытием <...>. Отсюда его связь с семантикой старения, болезни, распада, смерти (включая самоубийство)» [7; с. 57]. Именно поэтому *желтый* связан со знаком небытия – черным.

Подобно Ф.М. Достоевскому, Л.Н. Андреев в своей повести «В тумане» делает обязательным спутником желтого *черный* цвет. В тексте повести встречаются сложные прилагательные, созданные на основе адъективов *желтый* и *черный*: *желто-черный*, *изжелта-черный* и *исчерна-желтый*: «Туман стоял, и небо за серыми крышами было *желто-черное*...» [3; с. 437], «<...> к северу оно [небо] <...> у самой земли становилось *изжелта-черным* и *непрозрачным*, как ночью [3; с. 435]. Желтый, грязный туман, как сама смерть, проникает в помещение героя повести («...а в комнате Павла Рыбакова было темно, как в сумерках, и на всем лежал отраженный, *исчерна-желтый* отсвет» [3; с. 435]. Обратим внимание на адъектив *отраженный*. Отражать свет может только гладкая поверхность. В данном случае таковой является стекло окна. Отраженный свет может иметь разные оттенки, но у Л.Н. Андреева – это желтый. Адъективы *желто-черный* и *изжелта-черный* используются автором для обозначения неба. Действие происходит поздней осенью, когда природа, а вместе с ней все вокруг угасает, умирает. Это касается и неба: тяжелое, угрюмое, оно подчеркивает атмосферу повести, выступает символом тревоги. Адъектив *исчерна-желтый* в сочетании с существительным *отсвет* (*исчерна-желтый отсвет*) указывает нам на не прямой свет, а на отраженный. Как и в художественном мире Ф.М. Достоевского, в повести Л.Н. Андреева *желтый* цвет, являясь выражением борьбы бытия с небытием, сильно связан с семантикой угасания, старения, болезни, духовного падения и смерти. В приведенных примерах четко прослеживаются оппозиции *верх – низ*, *жизнь – смерть*, где верх (жизнь) – это небо, а низ (смерть) – комната героя – бездна, из которой нет выхода. Поэтому и цвет через отражение переворачивается.

Интересно проследить художественную оппозицию *свет – тьма*. Они представляют интерес для многих наук и комплексно изучаются в лингвистике.

Понятие «свет» неоднозначно. Свет – состояние, противное тьме, темноте, мраку, потемкам, что дает способ видеть [8; с. 156].

Темь, тьма, темень, темнота – отсутствие света, мрак, потьмы, потемок, потемки, в разных степенях.[8; с. 397].

На протяжении всей повести Л.Н. Андреева «В тумане» используются лексемы *свет*, *светлый*, *светлее*, *светилось*, *тьма*, *темно*, *темный*, *темнота* и др.

«<...> небо было *светло*, *светлее* земли» [3; с. 435]. В данной цитате мы видим, что лексема *свет* характеризует ясность неба, до момента, как оно изменило свой цвет на *изжелта-черный*: «<...> к северу оно [небо] <...> у самой земли становилось *изжелта-черным* и *непрозрачным*, как ночью [3; с. 435]. В цитатах «<...> повернул глаза к окну, жадно ища *света*» [3; с. 436], «И так захотелось *света*, широкого и ясного, что даже заломило в глазах» [3; с. 437] – свет воспринимается предсказуемо – с помощью зрения. Главный герой задыхается в пространстве, в котором он находится (его комната), так как и в помещении, и в самого него проник *грязно-желтый* туман – символ болезни, нечистоты. *Желтый* цвет приобретает вкусовые и ольфакторные характеристики. Несмотря на то, что свет падает из окна, он не меняет ничего: все по-прежнему желтое и угрюмое, что говорит о невозможности исправить то, что есть, о неизбежности будущей смерти: «И все, на что падал свет из окна, казалось желтым и странно угрюмым» [3; с. 439].

«Что-то *темное*, жуткое и безнадежное, как осеннее небо, глядело оттуда, и казалось, что не будет ему конца, и всегда было оно, и нет нигде на свете ни радости, ни *чистого* и *светлого* покоя» [3; с. 452]. Здесь явно противопоставляется *чистый*, *светлый* (белый), несущий радость и покой, – грязному *желтому*. Мир за окном чужд главному герою. Между героем и миром возникает непреодолимая граница. Мы видим, что герой полностью отчаялся, сдался, не имеет моральных и физических сил, чтобы бороться, идти дальше. «Хоть бы *света!* – говорит Павел с тоскою и, как последнюю надежду, вспоминает дневник». Дневник вел герой еще до падения, когда был «чистым». В дневнике все его *светлые* воспоминания и *незапятнанные* страницы жизни. «Бледным, *равнодушным светом* загорелись *уличные фонари*, и был их *свет* холоден и печален...» [3; с. 453]. Фонари – это улица, это не дом, они равнодушны. Здесь мы наблюдаем синестезийную метафору. «...кое-где в домах вспыхнули *окна теплым огнем*, и каждый такой дом, где *светилось* хоть одно окно, точно озарялся приветливой и ласковой улыбкой...» [3; с. 453]. Это другой дом, не его, чужой. Окна там не просто светятся, а вспыхнули теплым огнем, что говорит о домашнем очаге, уюте. Уличному свету фонаря приписывается человеческое качество – равнодушие, одно из самых жестоких качеств человека. Сам по себе свет фонарей не несет тепла. Они зажигаются в одно и то же время на улицах города и абсолютно «равнодушны» ко всему происходящему, однако свет фонарей рассеивает тьму. Также автор называет *свет* холодным и печальным, каким и является равнодушный человек. Но огонь, зажигающийся в окнах, в других окнах, где есть жизнь, где живут люди, которые не променяли настоящую любовь на обычное удовлетворение своих потребностей, наоборот, теплый, домашний. Автор говорит, что дом словно улыбается приветливой улыбкой от *света* в окнах, становится «другом». Здесь мы видим мифопоэтическую оппозицию *свой-чужой*, причем полюса меняются: теплый свет исходит из окон чужого дома, в доме главного героя свет не становится теплым – он мертвый, холодный, близкий к серому и черному (к бездне).

Свет является антитезой туману. *Свет* как символ жизни, надежды, тогда, как *тьма* – символ пустоты, смерти. «*Светлой* и яркой точкой блистал огонек» [3; с. 453] – эпизод с видением Павлу жестянщиков с повозкой. Они шли вперед, и на горизонте был этот огонек, как точка, куда невозможно прийти, но такой свет дает надежду двигаться вперед. «Зажги, пожалуйста, лампу! – попросил отец. – Только и спасения от тумана, когда огни зажгут» [3; с. 454]. И снова мы видим, как уже отец главного героя тоже нуждается в *свете*, тоже хочет «спастись от тумана» как от смерти, спрятаться, чтобы *свет* разогнал *тьму*. И здесь тоже *свет* чужой.

Обратимся к лексемам «*тьмы*»: «...а в комнате Павла Рыбакова было *темно*, как в сумерках, и на всем лежал отраженный, *исчерна-желтый отсвет*» [3; с. 435]. Отсвет – это отражение света, а не прямой свет. Пространство, где находится главный герой стало *темным*, хотя пробило только двенадцать часов дня, что свидетельствует о том, что болезнь, грязь, нечистота, бесконечные думы главного героя создали такую же атмосферу, которая была за окном, во внешнем мире. Когда Павел закрывал глаза, перед ним представляли картины ужасных воспоминаний, тех, которые он пытался забыть: «Но лежать с закрытыми глазами и видеть в темноте закрытых век все то ужасное, о чем хочется забыть навсегда...» [3; с. 436]. Человек закрывает глаза и погружается в свой мир, в свои внутренние переживания, когда картины внешнего мира не мешают думать. Он хочет закрыть глаза, погрузиться в темноту и ни о чем не думать, но воспоминания о его поступке терзают его еще сильнее.

«Он вспомнил дачу и *темную* июльскую ночь» [3; с. 442]. Именно в то время и произошли события, которые не дают ему покоя. Но это воспоминания о чистой любви, о девушке, в которую он влюблен, о своем приключении в лесу. «И в лесу, где он лежал за кустами, было так *темно*...и порой ему чудилось, что и самого его нет, а есть только молчаливая и глухая *тьма*» [3; с. 442]. В одном этом предложении мы замечаем и лексему *темно*, и лексему *тьма*. *Темно*, потому что действие происходит непосредственно ночью, а *тьма*,

представленная через синестезию (*молчаливая и глухая тьма*), уже наделена человеческими признаками – молчаливая и глухая, будто она скрывает тайны, секреты, будто молча наблюдает за происходящим. «Далеко во все стороны расстилался мир, и был он бесконечный и темный...» [3; с. 442]. Мир, в котором находился герой, был ему чужд, как чужды ему были и люди в нем. «*Тьма* стала гуще и чернее» [3; с. 442]. Она наступала и все страшнее было Павлу в лесу. *Тьму* рассекла только *спичка*, которую *зажгла* Катя, которая в повести и является отражением всего чистого и светлого. И опять это чужой свет, точнее, огонь. И чем темнее становилось в лесу, тем ярче и звонче раздавались голоса в лесу. «Минута *черного* молчания – далекий, тихо сверкающий, загадочный, как зарница, женский смех, – и стихло все, и тяжелая *тьма* словно придавила идущих. «<...> Жизнь прошла мимо со всеми ее песнями, любовью и красотой – прошла в эту июльскую *темную* ночь» [3; с. 442]. В данной цитате мы находим синестезию – *черное* молчание – перенос цвета на отсутствие звука. Потом прозвучал «сверкающий» смех (снова синестезийная метафора!) и снова наступила *тьма*. Смех, голоса, песни как вспышки света, радости и веселья среди тьмы, тишины и пустоты.

«И под нею [тучей] расстилалось поле ржи, и было оно совсем белое, и оттого, что оно было такое белое среди *тьмы*, когда ниоткуда не падало света, рождался непонятный и мистический страх» [3; с. 444]. Здесь мы видим противопоставление *света* и *тьмы*, придающее картине мистический оттенок. «Потом сразу глубокая *тьма*, звук снимаемого стекла и сразу яркий ослепительный *свет* маленькой лампочки...» [3; с. 464]. *Тьма* – звук – яркий свет – три последовательных шага вниз, в такой чуждый ему мир. Пространство живого города и его жители словно затягивают героя, ведут к гибели.

В традициях русской реалистической прозы конца XIX века символы *света* и *тьмы* использовались для изображения процесса духовного воскресения человека, его пути от тьмы к свету, от смерти к жизни. Движение к *свету* связано, по Л.Н. Толстому, с прозрением человека, переосмыслением им собственного существования как неистинного. Преодолевая все ложное в своей жизни, человек творит благо и побеждает *тьму* [9; с. 100].

Как видим, цветовое восприятие является частью языковой картины мира писателя. Творчество Л.Н. Андреева представляет большой интерес для исследования цветовой гаммы, так как его художественные тексты богаты цветообозначениями. На особое восприятие цвета и на отображение его в творчестве повлияло увлечение писателя «автохромом» и живописью, поэтому выбор цвета автором имеет свой сакральный смысл и играет важную роль в тексто- и сюжетопостроении. Особую смысловую нагрузку в текстах Л.Н. Андреева несут сложные прилагательные, в составе которых сочетаются, казалось бы, несочетаемые цвета и оттенки: *изжелта-черный*, *исчерна-желтый* и др. Адъективы *желто-черный* и *изжелта-черный* используются автором для обозначения неба, однако оно показано по-разному: желто-черное над крышами, ближе к земле оно становится изжелта-черным, что говорит о восприятии его писателем через оппозиции *небо-земля*, *верх-низ*. Исчерна-желтый используется с лексемой *отсвет*, что говорит об отражении света, а не о прямом свете. Оппозиция *свет-тьма* способствуют раскрытию определенных аспектов художественного произведения, играет важную роль в «подсвечивании» качеств и черт характера героев, более полно раскрывает состояние героев. Герой ищет света, ищет глазами, но он его не находит, ибо отказался от подлинной любви. В тексте прослеживается яркая мифопоэтическая оппозиция *свой-чужой*. В доме главного героя *свой* свет – мертвый и холодный, теплый свет и даже огонь мы замечаем только в *чужих* домах, в *чужих* окнах, то есть происходит смена полярности. У Л.Н. Андреева *свет* не дается герою, отказавшемуся от истинной любви. *Тьма* является символом пустоты, смерти, бездны. Туман, окрашивающий все в неестественные цвета, перестает быть атмосферным явлением и приобретает свойства твердого вещества. Желтый цвет, доминируя в повести Л.Н. Андреева «В тумане», переходит в разряд символов, задавая тематику болезни, падения, а в итоге и смерти.

Библиографический список

1. Миронова Л.Н. Семантика цвета в эволюции психики человека // Проблема цвета в психологии / отв. ред. А.А. Митькин, Н.Н. Корж. М.: Наука, 1993. С. 172-188.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
3. Андреев Л.Н. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 1. Рассказы 1898-1903 гг. М.: Художественная литература, 1990. 639 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
5. Беззубов В.И. Леонид Андреев и Достоевский // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 369. Тарту, 1975. С. 86-125.
6. Хоц А.Н. Структурные особенности пространства в прозе Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. Т. 11. СПб., 1994. С. 51-80.
7. Тихомиров Б.Н. «Лазарь! Гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание в современном прочтении. Книга-комментарий. СПб., 2005.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: Рус.яз., 1978-1980. С. 156.
9. Ширванова Э.Н. Цветосветовые образы в прозе Леонида Андреева (на примере рассказа «В темную даль») // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. № 4 (24). С. 100.

References

1. Mironova L.N. Colour semantics in the evolution of human psychic // Colour issues in psychology. Moscow, 1993. P. 172-188.
2. Maslova V.A. Linguo- and culture studies: a course book. Moscow, 2001. 208 с.
3. Andreev L.N. Collection of works. In 6 vol. Vol. Stories (1898-1903). Moscow, 1990. 639 с.
4. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Explanatory dictionary of Russian language. 4th edition. Moscow, 2006. 944 с.
5. Bezzubov V.I. Leonid Andreev and Dostoevsky // Scientific bulletin of Tartu State University. Iss. 369. Tartu, 1975. P. 86-125.
6. Khots A.N. Structural specificity of the space in Dostoevsky's proze // Dostoevsky: materials and studies. Vol. 11. St.-Petersburg, 1994. P. 51-80.
7. Tikhomirov B.N. "Lazarus! Come forth". The novel "Crime and Punishment" by F.M. Dostoevsky in modern interpretation. A comment book. St.-Petersburg, 2005.
8. Dahl V.I. Explanatory dictionary of live Great Russian language. Vol. 4. Moscow, 1978-1980. P. 156.
9. Shirvanova E.N. Colour and light images in Leonid Andreev's prose // The bulletin of higher educational establishments. Volga region. Liberal arts. 2012.Vol. 4 (24). P. 100.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 811.161.1'24-054.6
DOI 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.015

*Воронежский государственный университет
кандидат филологических наук
доцент кафедры русского языка
как иностранного
Кожевникова Е.В.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: elvlad2010@mail.ru
Воронежский государственный университет
кандидат филологических наук
доцент кафедры русского языка как
иностранного
Вязовская В.В.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: v.vyazovskaya@gmail.com*

*Voronezh State University
The chair of Russian language
as a foreign language
PhD, associate professor
Kozhevnikova E.V.
Russia, Voronezh,
e-mail: elvlad2010@mail.ru
Voronezh State University
The chair of Russian language
as a foreign language
PhD, associate professor
Vyazovskaya V.V.
Russia, Voronezh,
e-mail: v.vyazovskaya@gmail.com*

Е.В. Кожевникова, В.В. Вязовская

СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСОВ «ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ» И «МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ» В КИТАЙСКИХ ВУЗАХ

В статье рассматриваются вопросы преподавания учебных курсов лингвокультурологии и межкультурной коммуникации (МКК) магистрантам факультетов русского языка китайских вузов, предлагаются критерии отбора учебного материала, а также общая модель построения учебных курсов теоретического цикла на русском языке. Целью учебных курсов лингвокультурологии и МКК является формирование лингвокультурной и языковой компетенции учащихся в учебно-профессиональной сфере общения на материале текстов, тематически связанных с лингвокультурологией и МКК. При тематическом отборе учебного материала для разрабатываемых учебных курсов лингвокультурологии и МКК важно учитывать его обучающий потенциал, прежде всего доступность для восприятия носителями китайской культуры. Ввиду отсутствия дисциплин теоретического цикла в программах бакалавриата многих факультетов русского языка китайских вузов на вводных занятиях учащимся необходимо дать представление об основных конструкциях научного стиля речи на материале подязыка лингвистики (при изучении курса лингвокультурологии) и для подязыка психологии (при изучении курса МКК). Предлагается апробированная и положительно зарекомендовавшая себя схема работы над учебным материалом, включающая три основных блока: лексическая работа, грамматическая работа и работа с текстом. Представлен образец контрольно-измерительных материалов, используемых на итоговой аттестации магистрантов первого года обучения. Общими особенностями учебных курсов лингвокультурологии и МКК, преподаваемых в КНР на русском языке, являются стандартизированность предъявляемых на занятиях текстов и заданий к ним, унификация всех учебных материалов, наличие наглядности и перевода на китайский и английский языки.

Ключевые слова: лингвокультурология, межкультурная коммуникация, русский как иностранный, обучение в магистратуре, китайские вузы.

Е.В. Kozhevnikova, V.V. Vyazovskaya

SPECIFICITY OF COURSES IN LINGUOCULTUROLOGY AND INTERCULTURAL COMMUNICATION IN CHINESE UNIVERSITIES

The article discusses the issues of teaching courses in cultural linguistics and intercultural communication (ICC) to master students of Russian language departments of Chinese universities. Selection criteria for the of educational material, as well as a general model for constructing training courses of a theoretical cycle in Russian based on the analysis of the characteristics of students' contingent are proposed. The purpose of training courses in cultural linguistics and ICC is to form the linguocultural and linguistic competence of students in the educational and professional sphere of communication on the material of texts thematically related to cultural linguistics and ICC. In process of the topic selection of educational material for the educational courses in cultural linguistics and ICC it is important to evaluate its teaching potential, first of all, its accessibility for perception by Chinese native speakers. Due to the lack of theoretical cycle disciplines in the bachelor's programs in many Russian language departments of Chinese universities, in introductory classes students should be given general knowledge of basic structures of scientific style of speech on the material of the sublanguage of linguistics (when studying the course in cultural linguistics) and for the sublanguage of psychology (when studying the course of the ICC). A tested and positively proofed scheme of work on educational material which includes three main blocks (lexical work, grammatical work and textual work) is proposed. A sample of control and measuring materials used in the final certification of first-year master's student is presented. Common features of the training courses in cultural linguistics and ICC taught in the PRC in Russian are the standardization of the texts presented in the classroom and assignments to them, the unification of all educational materials, the availability of visualization and translation into Chinese and English.

Key words: cultural linguistics, intercultural communication, Russian as a foreign language, master courses, Chinese universities.

Появившиеся на рубеже XX и XXI веков новые направления лингвистики лингвокультурология и межкультурная коммуникация (далее – МКК), оформившиеся затем уже как самостоятельные науки, прочно заняли своё место в современном иноязычном образовании. В отечественной научной литературе вопросы лингвокультурологии и МКК получили развитие в трудах Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [1], В.В. Воробьёва [2], В.М. Шаклеина [3], В.В. Красных [4], Д.В. Гудкова [5], Ю.Н. Караулова [6], Ю.Е. Прохорова и И.А. Стернина [7], Л.И. Гришаевой и Л.В. Цуриковой [8] и др. В настоящее время теоретические курсы лингвокультурологии и МКК включены в учебные планы как зарубежных, так и российских вузов.

Особенности учебных курсов, преподаваемых на русском языке в зарубежных вузах, в том числе курсов лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, обусловлены прежде всего спецификой национальной системы образования, определяющей уровень языковой и теоретической подготовки магистрантов, объём, цели, задачи, содержание, структуру учебного курса, формы контроля и др. Курсы лингвокультурологии и МКК включены в учебные программы магистратуры (1 год обучения) большинства факультетов русского языка китайских вузов. Как правило, курс лингвокультурологии, читаемый в первом семестре, предвворяет курс МКК, который изучается во втором семестре [9].

Методическая база рассматриваемых учебных курсов строится на основе трудов В.А. Масловой [10], руководителя Витебской культурологической школы, отечественных учёных А.П. Садохина [11], В.В. Красных [4], В.В. Воробьёва [2], Е.И. Зиновьевой и Е.Е. Юркова [12] и других [13], а также китайских исследователей и методистов [14],[15],[16].

Контингент магистрантов-русистов в КНР не однороден: лишь небольшая часть китайских студентов на третьем курсе бакалавриата проходила годичную или семестровую стажировку в университетах России и обладает коммуникативными навыками, необходимыми для жизни в русской языковой среде [17], [18]. Однако уровень языковой подготовки поступивших в магистратуру языковых факультетов вузов КНР приблизительно одинаковый и соответствует Второму уровню ТРКИ (общее владение). Уровень теоретической подготовки большинства китайских магистрантов-русистов крайне низок, так как в учебных программах бакалавриатов обычно отсутствуют дисциплины теоретического цикла на русском языке, в том числе занятия по научному стилю речи (далее – НСР); у многих поступивших в магистратуру не развито абстрактное мышление. Диссертационное исследование в вузах КНР выполняется магистрантами на китайском языке, резюме / аннотация – на китайском и ан-

глийском языке. Тематика магистерских работ, как правило, не связана с вопросами лингвокультурологии и МКК, однако труды ведущих российских специалистов в области данных научных дисциплин нередко привлекаются молодыми китайскими учеными в качестве источников. По этим причинам целью учебных курсов лингвокультурологии и МКК, преподаваемых в КНР, является формирование не предметной, а лингвокультурной и языковой компетенции учащихся в учебно-профессиональной сфере общения, в частности развитие навыков чтения, письменной и устной речи на материале текстов, тематически связанных с лингвокультурологией и межкультурной коммуникацией.

Каждый учебный курс рассчитан на 36 часов аудиторных занятий, при этом от 4 до 6 часов отводится на вводные занятия, до 6 часов – на практические занятия (в форме презентаций, подготовленных студентами по теме занятий), 2 часа – на итоговый контроль. На вводных занятиях основное внимание уделяется овладению минимальным набором лексико-грамматических конструкций, характерных для НСР, в частности для подязыка лингвистики (при изучении курса лингвокультурологии) и для подязыка психологии (при изучении курса МКК). Так, например, первое занятие традиционно посвящено теме «Определение научной дисциплины и ее связь с другими науками», поэтому лексический материал (названия разделов лингвистики и единиц языка и речи, определение лингвокультурологии и смежных наук и научных дисциплин; названия и определения разделов психологии), а также грамматические конструкции предъявляются в рамках соответствующих логико-понятийных блоков «Определение предмета», «Связь предметов, явлений, процессов». Цикл вводных занятий по каждой теоретической дисциплине должен содержать такие темы, как «Структура предмета» и «Цели, задачи, методы научного исследования (на материале изучаемой дисциплины)». Знакомство с направлениями и научными школами, трудами их основных представителей носит обзорный характер и служит практическим целям, среди них – обучение составлению библиографического списка и библиографическому описанию источника.

После краткого введения следует основной курс по предмету, включающий в себя 5–6 тем не только важных содержательно, но и интересных абсолютному большинству обучающихся, доступных и понятных каждому и при этом имеющих различные трактовки и/или вызывающих неоднозначные оценки в российской и китайской аудиториях. При тематическом отборе учебного материала для разрабатываемых учебных курсов лингвокультурологии и МКК важно учитывать его обучающий потенциал: можно ли с его помощью наглядно продемонстрировать китайским учащимся различия не только самих предметов, процессов, явлений, но и особенности их восприятия, понимания, оценки со стороны представителей разных культур. В курсе лингвокультурологии наибольший интерес у китайских учащихся вызывают такие темы, как «Единицы лингвокультурологии», «Стилистические разновидности русского языка», «Русская национальная личность», «Русская языковая личность», «Стереотипы и предрассудки», «Прецедентные ситуации, тексты, имена, высказывания и их модификации»; в курсе МКК – «Понятие этноцентризма. Культурная идентичность», «Ситуации и стили общения», «Культурная дистанция. Факторы успешности коммуникации. Редукция неуверенности», «Вербальная и невербальная коммуникация. Невербальные и паравербальные элементы коммуникации», «Освоение чужой культуры. Стратегии (формы) аккультурации. Стресс аккультурации (культурный шок)», «Категоризация культур».

Эффективность работы над учебным материалом каждой темы повышается при условии следования общей схеме, состоящей из трёх блоков:

1. *Лексическая работа*: запись терминов с переводом на китайский и английский языки; поиск синонимов и антонимов; толкование; подбор определений (составление словосочетаний).

2. *Грамматическая работа*: трансформация конструкций, составление вопросов к предложениям и абзацам.

3. *Работа с текстом*: чтение текста (с комментариями преподавателя), выделение основной информации, подбор собственных примеров, иллюстрирующих содержание текста;

выполнение заданий в тестовой форме (установление соответствия, установление правильной последовательности, тест множественного выбора); запись экзаменационных вопросов и ответов на них; диктант, пересказ диктанта.

Группы магистрантов, как правило, не многочисленны в сравнении с группами бакалавров, поэтому при работе с магистрантами эффективно применение различных форм самостоятельной работы, в частности, подготовка РРТ-презентаций с последующей их защитой на русском языке. Этот вид деятельности позволяет раскрыть не только творческий, но и коммуникативный потенциал магистрантов. Как правило, китайские учащиеся демонстрируют высокий уровень компьютерной грамотности и подготовки презентационных материалов, поэтому данный вид работы не вызывает у них затруднений. Учащиеся, поступившие на программу магистратуры, уже имеют определённый культурологический багаж, сформированный ещё в бакалавриате. Этому способствуют не только обязательные курсы по основным видам речевой деятельности, которые по традиции ведут китайские преподаватели, но и факультативные курсы, которые преподают носители русской культуры: например, «Лингвострановедение», «Русская культура», «Русские фильмы» и ряд других. К моменту начала обучения в магистратуре студенты уже имеют представление о стереотипах и предрассудках о русских и у русских, об особенностях их национального характера, знают имена основных фольклорных персонажей, могут провести параллели с китайской культурой. К тому же некоторые из магистрантов, как уже было сказано выше, проходили стажировки в российских вузах, и следовательно, уже имеют практический опыт проживания в чужой стране и, соответственно, опыт погружения в чужую культуру. Значит, в некотором плане содержание курсов лингвокультурологии и МКК позволяет систематизировать уже имеющиеся фоновые представления на более высоком – теоретическом – уровне. В рамках дисциплины лингвокультурологии магистрантам предлагается подготовить презентации на такие темы, как «Культурный фон», «Культурные универсалии», «Прецедентные имена», «Свадебный обряд», «Мифологемы» и др., а на занятиях по МКК – «Вербальная и невербальная коммуникация. Невербальные и паравербальные элементы коммуникации», «Автостереотипы и гетеростереотипы русских» и др.

Процесс публичной защиты презентации на русском языке способствует активизации речевых навыков учащихся и готовит их к выходу в активную речь. В группах учащихся с высоким уровнем владения русским языком возможен вариант использования формата мини-дискуссии, в ходе которой участники имеют возможность задать вопрос по содержанию выступления или обменяться мнениями.

Контрольно-измерительные материалы (далее – КИМ) по лингвокультурологии и МКК имеют единообразную структуру и содержат 5–6 заданий разного уровня сложности: ответ на вопрос, задания в тестовой форме (установление соответствия, установление правильной последовательности, тест множественного выбора), задание на выделение основной информации в текстовом фрагменте, развёрнутый ответ на вопрос (мини-эссе) на заданную тему.

Представляем образец КИМ по лингвокультурологии.

Задание 1. Ответьте на вопросы (20 баллов).

1. Что такое лингвокультурология?
2. Когда возникла лингвокультурология?
3. Назовите известных вам российских учёных-лингвокультурологов.
4. Охарактеризуйте предмет лингвокультурологии.

Задание 2. Выберите правильный вариант ответа (20 баллов).

1. *Большой вклад в развитие лингвострановедения внёс*
 - (А) В. Гумбольдт
 - (Б) Ю.Н. Караулов
 - (В) Е. М. Верещагин
2. *Социоллингвистика изучает*
 - (А) безэквивалентную лексику

- (Б) речевое поведение народов
 (В) язык разных возрастных групп
3. *Большинство лингвистов сходятся во мнении, что концепт репрезентируется ...*
 (А) только лексемами и фразеосочетаниями
 (Б) только синтаксическими конструкциями
 (В) языковыми единицами разных уровней
4. *В концептуальной картине мира взаимодействует ...*
 (А) общечеловеческое и национальное, кроме личностного
 (Б) общечеловеческое, национальное и личностное
 (В) национальное и личностное, кроме общечеловеческого
5. *Обряд в отличие от ритуала ...*
 (А) состоит из нескольких этапов и менее длителен по времени
 (Б) состоит из одного этапа и менее длителен во времени
 (В) состоит из нескольких этапов и более длителен во времени
6. *Паремии – это ...*
 (А) эталоны
 (Б) заговоры
 (В) пословицы
7. *В русском языке выделяют ... стилей речи.*
 (А) 6
 (Б) 5
 (В) 7
8. *Зоонимы – это названия ...*
 (А) растений
 (Б) небесных тел
 (В) животных
9. *Народная культура и элитарная культура – это ... лингвокультуры.*
 (А) мирно сосуществующие
 (Б) конфликтующие
 (В) независимые друг от друга
10. *Язык молодёжи называют ...*
 (А) бранью
 (Б) арго
 (В) сленгом
- 1 __, 2 __, 3 __, 4 __, 5 __, 6 __, 7 __, 8 __, 9 __, 10 __,

Задание 3. Установите соответствия (10 баллов).

- | | |
|--------------------------------|------------------------------|
| 1. Хитрый как лиса | (А) обряд |
| 2. Щи | (Б) ритуал |
| 3. Баба Яга | (В) фразеологизм |
| 4. Семеро одного не ждут. | (Г) прецедентное имя |
| 5. Как снег на голову | (Д) цитация |
| 6. Остаться с носом | (Е) эталон |
| 7. Ломоносов | (Ж) поговорка |
| 8. Любви все возрасты покорны. | (З) безэквивалентная лексика |
| 9. Свадьба | (И) мифологема |
| 10. Встречать хлебом-солью | (К) пословица |

1 __, 2 __, 3 __, 4 __, 5 __, 6 __, 7 __, 8 __, 9 __, 10 __,

Задание 4. Закончите предложения (25 баллов).

1. Ментальность – это ...
2. Под менталитетом понимают ...
3. Тип культуры отражает ...
4. Язык культуры представляет собой...
5. К прецедентным именам относят ...

Задание 5. Расскажите о символах в китайской культуре (25 баллов).

Некоторое расхождение в содержании КИМов по рассматриваемым учебным дисциплинам заключается в том, что КИМы по МКК содержат больше заданий со свободно конструируемым ответом, так как данный курс завершает цикл теоретических дисциплин на русском языке. Обязательными для КИМов по МКК являются задания на выделение основной информации в текстовом фрагменте, например:

Прочитайте фрагменты из учебника А.П. Садохина «Введение в теорию межкультурной коммуникации» (с. 140-142). Ответьте на вопросы письменно / устно.

1. Чем предрассудки отличаются от стереотипов? Приведите примеры стереотипа и предрассудка.
2. Какие типы предрассудков наиболее распространены в китайском обществе? Приведите примеры.
3. Что влияет на распространение предрассудков в обществе? Нужно ли с ними бороться?

В зависимости от наполняемости магистерской группы задания со свободно конструируемым ответом, такие как развёрнутый ответ на вопрос (мини-эссе) на заданную тему (например: Расскажите, какие вопросы решает теория межкультурной коммуникации), могут выполняться учащимися письменно или устно. Китайские преподаватели часто предлагают в качестве основной формы контроля по предметам теоретического цикла написание реферата на китайском языке. Русскоязычные преподаватели, как правило, отдают предпочтение устной форме контроля и нередко выносят беседу по самостоятельно составленным учащимися высказываниям об изучаемом предмете за временные рамки экзамена, который, согласно расписанию, продолжается не более полутора часов.

Баллы подсчитываются по 100-бальной шкале на основе анализа результатов выполнения каждого из заданий. Согласно принятой в Китае системе оценивания, баллы не снимаются (в отличие от российской системы), а наоборот, начисляются. К тому же экзаменаторы придерживаются рекомендации не выставять 0 баллов, чего практически не происходит благодаря наличию заданий тестового типа в КИМах, которые обеспечивают фактор «угадывания» и тем самым позволяют учащимся набрать минимальное количество баллов.

Итак, общими особенностями учебных курсов лингвокультурологии и МКК, преподаваемых в КНР на русском языке, можно считать, во-первых, стандартизованность предъявляемых на занятиях текстов и заданий к ним, во-вторых, унификацию всех учебных материалов, в том числе контролирующих, в-третьих, наличие наглядности (изобразительного ряда, видео и др.), а также перевода на китайский и английский языки.

Библиографический список

1. Верещагин Е.М, Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: ИНФРА-М, 2005. 1040 с.
2. Воробьёв В.В. Лингвокультурология. Теория и методы. Москва: РУДН, 1997.
3. Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации: монография. М.: ФЛИНТА, 2012. 301 с.
4. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: лекционный курс. Москва: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
5. Гудков Д.В. Теория и практика межкультурной коммуникации. Москва: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
7. Прохоров Ю.Е. Русское коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. М., 2002. 277 с.
8. Гришаева Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. 368 с.
9. Кожевникова Е.В. Вопросы разработки учебных курсов для магистрантов-русистов в китайском вузе // Поиск. Опыт. Мастерство: актуальные вопросы обучения иностранных студентов. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. Вып. 20. С. 26–32.
10. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
11. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация: Учебное пособие. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. 288 с.
12. Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. Лингвокультурология. Теория и практика. СПб.: МИРС, 2009. 291 с.

13. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков и др. Москва: ИТДГК «Гнозис», 2004. 318 с.
14. 英汉·俄汉现代语言学词汇：王福祥吴汉樱主编北京：外语教学与研究出版社，2008.11 (Англо-китайская и русско-китайская лексика по лингвистике / Гл. ред. Ван Фусян, У Ханьин. Пекин, Издательство Пекинского университета. 11. 2018)
15. 俄语语言文化与跨文化交际：刘宏著北京：外语教学与研究出版社，2018.9 (Русский язык: лингвокультурология и межкультурная коммуникация / Под ред. ЛюХун. Пекин, Издательство Пекинского университета иностранных языков. 9. 2018)
16. 当代俄罗斯人类中心论范式语言学理论研究：赵爱国著北京：北京大学出版社，2015. 3 (Антропоцентрическая парадигма современной российской лингвистики / Гл. ред. Чжао Айго. Пекин, Издательство Пекинского университета, 3. 2015)
17. Кожевникова Е.В., Скрипкина Е.Е. Актуальные вопросы лингвокультурологии в аспекте преподавания русского языка как иностранного // Материалы IV международной студенческой научной конференции «Студенческая наука как ресурс инновационного потенциала развития» (Воронеж, ВГУ, 20 мая 2015 г.). Воронеж: ВГУ, 2015. С. 5–6.
18. Кожевникова Е.В. Методическое обеспечение курса «Лингвострановедение» в китайской аудитории // Русское культурное пространство: сборник материалов XVII Международной научно-практической конференции. Москва: Перо, 2016. Вып. 5. С. 633–636.

References

1. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Language and culture. Moscow, 2005. 1040 p.
2. Vorobyov V.V. Linguocultural studies. Theory and methods. Moscow, 1997.
3. Shaklein V.M. Linguocultural studies: traditions and innovations. Moscow, 2012. 301 p.
4. Krasnykh V.V. Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics. Moscow, 2002. 284 p.
5. Gudkov D.V. Theory and practice of intercultural communication. Moscow, 2003. 288 p.
6. Karaulov Y. N. Russian language and linguistic personality. Moscow, 1987. 264 p.
7. Prokhorov Y. E. Russian communicative behavior / Y.E. Prokhorov, I.A. Sternin. Russian State institute named after A.S. Pushkin. Moscow, 2002. 277 p.
8. Grishaeva L.I. Introduction to the theory of intercultural communication. L.I. Grishaeva, L.V. Tsurikova. Voronezh State University, 2003. 368 p.
9. Kozhevnikova E.V. The issues of development of training courses for master students specializing Russian language in Chinese university // Search. Experience. Skill: topical issues in teaching international students. Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 2017. Issue 20. P. 26–32.
10. Maslova V.A. Linguocultural studies: Textbook for university students. Moscow, 2001. 208 p.
11. Sadokhin A.P. Intercultural communication: a study guide. Moscow, 2004. 288 p.
12. Zinovieva E.I., Yurkov E.E. Linguocultural studies. Theory and practice. St.-Petersburg, 2009. 291 p.
13. Russian cultural space. Linguistic and cultural dictionary / I.S. Brileva, N.P. Volskaya, D.B. Gudkov etc. Moscow, 2004. 318 p.
14. 英汉·俄汉现代语言学词汇：王福祥吴汉樱主编北京：外语教学与研究出版社，2008.11 (English-Chinese and Russian-Chinese vocabulary in linguistics / Editor-in-chief Wang Fuxiang, Wu Hanying. Beijing, Beijing University Press. 11. 2018)
15. 俄语语言文化与跨文化交际：刘宏著北京：外语教学与研究出版社，2018. 9 (Russian language: cultural linguistics and intercultural communication / Ed. By LiuHun. Beijing, Peking University of Foreign Languages Publishing House. 9. 2018)
16. 当代俄罗斯人类中心论范式语言学理论研究：赵爱国著北京：北京大学出版社，2015. 3 (Anthropocentric paradigm of modern Russian linguistics / Editor-in-chief Zhao Aiguo. Beijing, Beijing University Press, 3. 2015)
17. Kozhevnikova E. V., Skripkina E.E. Topical issues of cultural linguistics in the aspect of teaching Russian as a foreign language // Materials of the 4th international student scientific conference "Student science as a resource of innovative development potential" (Voronezh, Voronezh State University, May 20, 2015). Voronezh: Voronezh State University, 2015. P. 5–6.
18. Kozhevnikova E.V. Methodological support of the course "Linguistic and cultural studies" for Chinese audience // Russian cultural space: collection of materials of the 17th International scientific and practical conference. Moscow, 2016. Issue 5. P. 633–636.

ЯЗЫК СМИ LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 81`367.3

DOI 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.016

*Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина*

*доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка,
методики его преподавания
и документоведения*

Селеменова О.А.

Россия, г. Елец, тел. +7 (47467) 6-08-10

e-mail: ol.selemenewa2011@yandex.ru

Bunin Yelets State University

*Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor at the Department of the Russian
language, Russian teaching methodology
and document science*

Selemenewa O.A.

Russia, Yelets, tel. +7 (47467) 6-08-10

e-mail: ol.selemenewa2011@yandex.ru

О.А. Селеменова

БИСУБСТАНТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КОММЕРЧЕСКИХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Синтаксический уровень организации текстов печатной рекламы, функционирование в них определенных структурно-семантических типов предложений все еще является малоизученной областью рекламной коммуникации. Поэтому актуальность исследования бисубстантивных предложений, активизирующих свое присутствие в современных коммерческих рекламных текстах в результате стремления языка рекламы к субстантивности, экономии речевых средств, использования несложных линейных структур, не вызывает сомнений. Источниками исследования послужили российские и международные журналы 2017 – 2020 гг.: «Здоровье», «Золотой квадрат», «Идеи вашего дома», «Красота и Здоровье», «Cosmopolitan», «ELLE», «Tatler», «InStyle», «Yoga Journal» и др. В статье описываются разные типы бисубстантивных предложений: со значением генерализующей идентификации, со значением толкования, с таксономическим значением, с собственно характеризующим и локальным значениями. Автор приходит к выводу, что бисубстантивные предложения разной семантики выполняют ряд специфических функций в рекламных текстах: аттрактивную (привлечение внимания адресата к рекламируемому продукту), информативную (фиксация основных свойств продукта), аргументационно-гарантийную (приведение аргументов в пользу покупки), эмоционально-экспрессивную (создание благоприятного эмоционального фона), стимулирующую (стимулирование желания приобрести продукт), суггестивную (осуществление неаргументированного воздействия на реципиента, формирование психологических эффектов).

Ключевые слова: рекламный текст, бисубстантивное предложение, семантика отождествления, семантика характеристики, полифункциональность.

О.А. Selemenewa

BISUBSTANTIVE SENTENCES IN THE COMMERCIAL ADVERTISING TEXTS

At present the by-way of advertising communication is the syntactic level of organization of advertising texts, the functioning of certain structural-semantic types of sentences. Therefore, there is no doubt in the relevance of the research of bisubstantive sentences activating their presence in the modern commercial advertising texts as a result of the desire of the advertising language to substantiality, saving speech resources, and using simple line structures. The sources of the study were the international and Russian magazines of various directions published 2017 – 2020: “Health”, “Golden Square”, “Ideas for Your Home”, “Beauty and Health”, “Cosmopolitan”, “ELLE”, “Tatler”, “In-

Style”, “Yoga Journal” and others. The article describes different types of bisubstantive sentences with different meaning: with the meaning of generalizing identification, with the meaning of interpretation, with the taxonomic meaning, with the characteristic, with the local meaning. The author comes to the conclusion that bisubstantive sentences of different semantics perform several specific functions in the advertising texts: attractive (attracting the addressee’s attention of to the advertised product), informative (fixing the main properties of the product), argumentative and guarantee (mustering arguments for the purchase), emotionally-expressive (creating a favorable emotional background), stimulating (stimulating the desire to purchase a product), suggestive (realizing the unreasonable impact on the recipient, making the psychological effects).

Key words: advertising text, bisubstantive sentence, identification semantics, characterization semantics, multifunctionality.

Самостоятельным продуктивным типом синтаксических конструкций русского языка являются бисубстантивные предложения. Они представляют собой двусоставные «неглагольные предложения, предикативное ядро которых организовано двумя именами существительными (или их эквивалентами) при участии связки» [1, с. 10]. Такие предложения номинируют экстралингвистические ситуации сопоставления двух объектов действительности посредством различных мыслительных операций, совершаемых человеком в процессе познания окружающего мира: отождествления, характеристики, сравнения и др.

В отечественной синтаксической науке бисубстантивные предложения, их структурно-семантические особенности неизменно привлекают внимание лингвистов, стремящихся показать равноправие глагольных и неглагольных конструкций в современном русском языке и доказать несостоятельность ключевых положений вербоцентрической грамматики [1–5]. Изучаются бисубстантивные предложения как на материале художественных, так и нехудожественных текстов. Присутствие бисубстантивных предложений в самых разных жанрах художественных и нехудожественных текстов (мемуары, статья, интервью, очерк, повесть и др.) обуславливается их способностью выражать авторскую позицию, участвовать в построении субъектной перспективы текста.

Активизацию бисубстантивных предложений в массовой коммуникации первой четверти XXI века объясняют такими причинами, как повышение роли оценочного компонента в современной речи и развитие тенденции к аналитизму [2, с. 126]. Одним из средств организации массовой коммуникации, способствующим продуцированию образов и представлений о продукте, услуге с использованием системы знаков национального языка, выступает печатный рекламный текст.

Цель нашей статьи – выявить основные типы бисубстантивных предложений в коммерческих рекламных текстах и описать их универсальные функции.

Фактическим материалом исследования послужили тексты коммерческой рекламы из журналов различной направленности (семейно-бытовых, элитарных, профессиональных, специализированных по интересам и др.): «Здоровье», «ELLE», «Tatler», «Cosmopolitan», «Marie Claire», «InStyle», «Yoga Journal», «Идеи вашего дома», «Золотой квадрат» и др. Выбор именно журнальной рекламы в качестве объекта изучения обусловлен совокупностью причин:

- качеством размещенных рекламных текстов;
- их тематическим разнообразием вследствие ориентированности журналов на удовлетворение потребностей самых разных целевых групп;
- представленностью рекламных текстов с разным соотношением вербальной и невербальной частей.

Всего в авторскую картотеку примеров вошло свыше 800 текстов рекламных коммерческих текстов, актуальных в 2017 – 2020 гг.

Традиционно основными типовыми значениями бисубстантивных предложений считаются отождествление и характеристика. Между ними выделяется ряд переходных значений: сходства, состояния лица, превращения и др. [6–7; 1]. В рекламных текстах, по нашим

наблюдениям, распространены прежде всего бисубстантивные предложения с семантикой *собственно отождествления*, реализующейся в двух частных значениях: *идентификации* и *толкования*.

В предложениях первого подтипа (бисубстантивные предложения со значением идентификации) отождествление происходит путем «генерализующей идентификации» [1, с. 155], т.е. за счет включения значения субъектива (словоформы, репрезентирующей предмет речи) в значение предикатива (словоформы, вербализующей предикативный признак) и установления видо-родовых отношений между ними. Символически структурную схему таких предложений можно представить как $N_1 - (cop. \emptyset) N_1$, где N_1 – это имя существительное в форме И.п., а *cop. \emptyset* – связки типа *есть, значить, означать* и др., характерные обычно для предложений с идентифицирующим отождествлением, но не выраженные словом в собранных примерах.

В коммерческих рекламных текстах при речевой реализации схемы субъектив рассматриваемых конструкций маркируется особыми именами собственными в И.п. – прагматонимами, позволяющими различать и индивидуализировать товар определенного предприятия, поставщика. Чаще всего это наименования лекарственных препаратов, косметических средств, парфюмерии, продуктов: *Тебодонт, Доктор Шелер, Шоненбергер, Серацин, Mezolux, Woman Code, Карнозин Эвалар* и др. Введение в рекламный текст подобных имен собственных, представляющих в основном лексические и графические заимствования, с одной стороны, привлекает внимание адресата, придает тексту выразительность, а с другой – затрудняет идентификацию рекламируемых продуктов. Препятствует снижению эффективности рекламного текста введение бисубстантивных предложений со значением идентификации, благодаря которым подобные прагматонимические единицы соотносятся с уже хорошо известным адресату понятием. Поэтому предикатив в бисубстантивных предложениях генерализующей идентификации морфологически представлен именами существительным в форме И.п. вещественной и конкретной семантики: *паста, шампунь, жемчуг, косметика, программа, средства* и др. Например: *Серацин – косметика для жирной и проблемной кожи* (ELLE girl, 2019, № 9, с. 5); *Mezolux – индивидуальная программа по омоложению кожи* (Cosmopolitan, 2019, № 8, с. 15); *Карнозин Эвалар – капсулы для приема внутрь* (ELLE, 2018, № 9, с. 307) и др.

В коммерческих рекламных текстах бисубстантивные предложения генерализующей идентификации подвергаются сегментации, проявляющейся в нарочитом разбиении синтаксических конструкций на два контактно расположенных элемента: первый (препозитивный) – идентифицируемый, на который делается смысловой акцент, и второй (постпозитивный) – идентифицирующий. Например: *Тебодонт. Зубная паста из Швейцарии* (Здоровье, 2020, № 3, с. 29); *Доктор Шеллер. Эффективная натуральная косметика из Германии* (Здоровье, 2020, № 3, с. 75); *Шоненбергер. Натуральные шампуни со свежесвыжатыми соками из Германии* (Здоровье, 2020, № 3, с. 77) и др. Предикативы в подобных конструкциях часто распространяются атрибутивными словоформами типа *из + топоним в форме Р.п.* (*из Швейцарии, из Германии*) и тем самым реализуют в рекламном тексте свой суггестивный потенциал. Активизируя в сознании реципиента топонимические стереотипы, идентифицирующий компонент позволяет не критично воспринять информацию и участвует в реализации стратегии имитации высокого качества рекламируемого товара. Так за счет бисубстантивных предложений генерализующего отождествления устанавливается и утверждается «статусообразующее положение товара или услуги» [8, с. 8].

В бисубстантивных предложениях второго подтипа (со значением толкования) разъяснению подвергается какое-либо понятие. Модель, по которой строятся предложения, символически представляем как $N_1 - (cop. \emptyset) N_1$. Бисубстантивные предложения со значением толкования характерны преимущественно для рекламных текстов гляцевых (элитарных) журналов. Это обусловлено тем, что гляцевые журналы представляют собой рекламные ка-

талого длительного хранения, в которых большая часть размещенных текстов связана мифом о вечной красоте и молодости. Реклама услуг пластических хирургов, стоматологических клиник, методик борьбы с первыми признаками старения, косметологических продуктов и т.д. – база для использования бисубстантивных предложений со значением толкования: *ДНК-тестирование – это сейчас новейшая технология, позволяющая диагностировать предрасположенность пациента к патологиям задолго до того, как они дают о себе знать* (Tatler. Красота, 2020, № 2, с. 27); *Малярные мешки – это жировые пакеты в области скул...* (Tatler. Красота, 2020, № 2, с. 29); *Биорепарация – восстановление упругости кожи за счет активизации работы фибробластов и усиления синтеза коллагена...* (Красота и Здоровье, 2020, № 2, с. 63) и др. В таких предложениях часто субъективы представлены терминами, которые получают развернутую дефиницию в целях усиления воздействия на сознание адресата и убеждения его в необходимости применения продукта или использования услуги.

Бисубстантивные предложения с семантикой тождества, таким образом, выполняют несколько основных функций в коммерческих рекламных текстах:

- аттрактивную, когда привлечение внимания к рекламируемому продукту происходит за счет использования прагматонимической единицы в позиции субъектива, смешения кириллицы и латиницы;

- информативную, когда благодаря включению бисубстантивных предложений тождества в рекламное сообщение адресат узнает о наличии продукта, услуги предприятия. Эти предложения обеспечивают опознание того или иного объекта действительности и препятствуют снижению эффективности рекламного текста при наличии в нем лексем, выступающих агнонимами (словами с затемненным значением) для адресата;

- суггестивную, когда в бисубстантивных предложениях генерализующей идентификации происходит неаргументированное воздействие на адресата с целью склонить его к покупке посредством лексем-активаторов топонимических стереотипов. В предложениях с семантикой толкования термины и терминологические сочетания в позиции субъектива создают иллюзию научности текста, формируют психологический эффект доверия к рекламируемому продукту или услуге;

- стимулирующую, когда бисубстантивные предложения выступают средством стимулирования интереса и желания приобрести рекламируемый продукт. Неслучайно предикатив распространяется атрибутивными в широком смысле словоформами, словосочетаниями, указывающими на уникальность продукта, его ориентированность на индивидуальные потребности потенциального покупателя, положительные результаты использования (*необычные, индивидуальные, для жирной кожи, по омоложению кожи, для поддержания гормонального баланса* и др.).

Особую, но небольшую по объему группу в рекламных текстах составляют тавтологические бисубстантивные предложения, в том числе и расчлененные. В их предикативную основу включается повтор одной и той же субстантивной лексемы в форме И.п. при нулевой связке: *Сертифицированная органическая ферма NATURA SIBERICA – единственная и первая в Сибири ферма европейского биостандарта EU 834/07* (Glamour, 2019, № 9, с. 95); *SEBIUM «НОЧНОЙ ПИЛИНГ»*. *Поверхностный пилинг для обновления кожи* (Marie Claire, 2019, № 10, с. 125) и др. Такие тавтологические предложения несут значение неабсолютного тождества. При субъективе и предикативе наличествуют разные распространители, берущие на себя основную семантическую нагрузку. Атрибутивные распространители субъектива конкретизируют, сужают понятие (*сертифицированная, органическая, ночной* и др.), а распространители предикатива дают положительную характеристику объекту (*единственная, первая в Сибири, европейского биостандарта, поверхностный пилинг* и др.).

Тавтологические бисубстантивные предложения выполняют три основные функции:

– аттрактивную за счет повтора лексем в предикативном ядре. Такие лексемы становятся ключевыми словами вербальной части рекламного текста, обеспечивая его локальную и глобальную связность;

– информативную, поскольку в тавтологических предложениях в максимально простой и сжатой форме за счет атрибутивных распространителей субстантивов И.п. внимание реципиента сосредоточивается на основных свойствах объекта;

– суггестивную, потому что в роли распространителей выступают лексемы разных частей речи и с разными значимыми префиксальными словообразовательными морфемами, способными оказывать неаргументированное воздействие на реципиента. Например, префиксоид *био-*, прилагательное *органический* в приведенном выше примере участвуют в создании эффекта доверия: ведь при их помощи актуализируется идея натуральности состава рекламируемого продукта. Поддерживается указанный эффект и прилагательным *европейский*, активизирующим в сознании носителей русской лингвокультуры топонимический стереотип о качестве продукции европейских производителей, и предложно-падежной формой *в Сибири* (стереотипный медиаобраз Сибири как экологически чистого региона с особым ландшафтом и природными богатствами).

Наряду с бисубстантивными предложениями с семантикой отождествления в текстах коммерческой рекламы обнаруживаются предложения *со значением характеристики*. Эта группа неоднородна и представлена несколькими синтаксическими конструкциями.

Во-первых, бисубстантивными предложениями с *таксономическим значением*, для которого характерно установление отношений включения между субъектной и предикатной словоформами. В основе предложений этой подгруппы лежат три структурные схемы: Pron – (сор. Ø) N1, N1 – сор. – (к) N3, N1 – сор. – один (из) N2.

В речевой реализации первой схемы (Pron – (сор. Ø) N1) субъектив морфологически представлен дейктическим местоимением *это*, предикатив – именами существительными в форме И.п. со значением класса объектов, а связка словесно не выражена. Подобные бисубстантивные предложения обязательно предполагают наличие в препозиции еще одного или нескольких высказываний, в которых названо событие, лицо или предмет, соотносящийся с субъективом *это*. Например: *МАГИЯ ИСКУШЕНИЯ. Леденящий огонь и пылающий лед. Интрига. Желание. Страсть. Наслаждение. Это – новая коллекция ароматов НФС* (InStyle, 2018, № 11, с. 159); *Сыворотка придает коже молодость, сокращает морщины, выравнивает тон и текстуру. Это инкапсулированная энергия вашей кожи* (Домашний очаг, 2020, № 3, с. 17) и др.

В речевой реализации схемы N1 – сор. – (к) N3 особенностью субъектной словоформы становится ее регулярное маркирование прагматонимической лексемой в латинской графике. В качестве таксономической связки выступает глагол *относиться*, а словами-классификаторами – ограниченная группа лексем типа *группа, этап* и др. Распространители указанных лексем конкретизируют их значение. Например: *Новинка относится к цветочной группе ароматов...* (ELLE girl, 2019, № 9, с. 99); *Happy Chopard Bigaradia от Chopard относится к группе цитрусовых ароматов...* (ELLE girl, 2019, № 9, с. 80) и др.

Отдельную группу бисубстантивных предложений с таксономическим значением составляют в коммерческих рекламных текстах те предложения, предикатив которых представлен особой конструкцией выделения типа *один/одно/одна из + Р.п. существительного* (структурная схема предложений: N1 – сор. – один (из) N2). Благодаря этому значение выделения осложняется значением иерархии. Глагольная связка *являться* представлена в единичных примерах. *Волжская дельта – одно из лучших мест на планете для фотографов-натуралистов в любое время года* (National Geographic, 2020, № 3, с. 41); *Одним из наиболее важных этапов в уходе за кожей является ее очищение* (ELLE girl, 2019, № 9, с. 15) и др.

Вторую большую группу бисубстантивных предложений со значением характеристики составляют предложения с *собственно характеризующим значением*, построенные по моде-

ли N1 – (сор. Ø) N1. В них дается исключительно высокая оценка рекламируемого продукта с точки зрения его образцового характера, новизны, особых функциональных свойств, результативности воздействия и получаемого эффекта. Например: *Crèmedela Crème от Garnier Fructis – спасатель для волос 10 в 1 на основе жидкого аминокератина и масла амлы* (ELLE, 2019, №10, с. 268); *Отдых здесь – не только эстетическое, но и гастрономическое удовольствие* (Tatler, 2019, № 9, с. 143); *Anne Semonin – пионер в области создания косметических средств, сочетающих олигоэлементы и эфирные масла* (Tatler, 2019, № 9, с. 169) и др.

Структурная схема N1 – сор. – (в/на) N6 лежит в основе бисубстантивных предложений с локальным характеризующим значением (третья группа). Такие конструкции используются для характеристики состава продукта и выступают предложениями синкретичной семантики, совмещающей «признаки бытийных и характеризующих предложений» [1, с. 223]. Например: *В сердце формулы – экстракт марокканской арганы, обладающей уникальными свойствами и признанной эликсиром красоты* (Cosmopolitan, 2019, № 10, с. 229); *В составе формул – экстракты мальвы и габерлеи, ромашка и васильковая вода* (Marie Claire, 2018, № 6, с. 171) и др.

В целом бисубстантивным предложениям характеристики в рекламных коммерческих текстах свойственен ряд функций: информативная, аргументационно-гарантийная, эмоционально-экспрессивная, суггестивная. Информативная функция заключается в том, что подобные предложения способны указывать на ключевые характеристики товара, его состав: *Mexa Milangel – гармоничная совместимость красоты и стиля с комфортом и удобством* (Tatler, 2018, № 10, с. 121); *В составе Масла Atopises Oil Sesderma – масло зверобоя, полученное из цветов, листьев и стеблей растения* (Yoga Journal, 2019, № 99, с. 85).

Аргументационно-гарантийную функцию бисубстантивные предложения выполняют при условии концентрирования аргументов в пользу покупки товара, например, за счет утверждения превосходства рекламируемого продукта над аналогичными, указания на его образцовый, эксклюзивный характер: *Новая косметическая линия Love Beauty and Planet – образец экоосознательности...* (Glamour, 2019, №9, с. 197); *MILAVITSA – один из крупнейших брендов нижнего белья, завоевавших любовь женщин более чем в 25 странах мира* (Золотой квадрат, 2019, № 1, с. 22).

Эмоционально-экспрессивная функция предложений характеристики направлена на активизацию благоприятного эмоционального фона за счет эмоциональной окраски конструкций: *Чеджудо – настоящая водяная бомба и просто отличный способ освежиться!* (Marie Claire, 2018, № 6, с. 171).

Суггестивную функцию бисубстантивные предложения характеристики реализуют при выполнении одного из двух условий:

а) использовании в позиции субъектива антропонима, называющего коммуникатора-эксперта в какой-либо области: *Сергей Левин – один из самых известных пластических хирургов столицы* (Tatler, 2019, № 9, с. 177);

б) совмещении в бисубстантивных предложениях характеристики коммуникативной и эмотивной функций: *Кофейно-молочные коктейли – настоящий приоритет кофеманов со всего света!* (Идеи вашего дома, 2019, № 6, с. 53). Такие предложения заключают в себе положительную эмоциональную оценку продукта, выраженную посредством атрибутивных словоформ, и транслируют эту готовую оценку реципиенту, выступая тем самым одним из средств обеспечения «суггестивной силы вербального внушения» в печатном рекламном тексте [9, с. 315]. Такие синтаксические конструкции создают в рекламном тексте психологический эффект эмоционального переживания.

В бисубстантивных предложениях разного значения важна роль говорящего, которая оказывается более «значительной, чем в глагольном предложении» [1, с. 144]. Однако позиция оценивающего субъекта, несмотря на постулируемую обязательность в структуре бисубстантивных предложений различной семантики, в коммерческих рекламных текстах редко

выражается эксплицитно за счет местоимений или авторизованных конструкций: *Тушь для бровей – наш абсолютный фаворит...* (ELLE girl, 2019, № 9, с. 99); *Как говорит доктор Обаджи, кожа – не стена...* (Tatler. Красота, 2017, № 10, с. 57).

Обычно авторство оценки принадлежит говорящему, позиция которого может быть представлена за счет вводно-модального слова: *Маркер для веснушек от LimeCrime, пожалуй, самая интересная декоративная задумка этого лета* (ELLE girl 2019, № 9, с. 98).

Словесная невыраженность оценивающего субъекта в бисубстантивных предложениях текстов коммерческой рекламы значима: так создается иллюзия максимально объективной оценки товара, его ключевых характеристик и свойств. Прием рассчитан на формирование психологического эффекта доверия к продукту или услуге того или иного бренда, предприятия.

Таким образом, отличительной особенностью синтаксиса текстов коммерческой рекламы является наличие бисубстантивных предложений. Их распространенность, на наш взгляд, обусловлена рядом причин:

- 1) субстантивностью языка рекламы, в котором ключевую роль играют конкретные и абстрактные существительные;
- 2) стремлением к минимализации вербального компонента, экономии речевых средств вследствие выдвигания на ведущую позицию иконического компонента;
- 3) экспансией форм именительного падежа в условиях формирования клипового мышления, способного эффективно воспринимать, обрабатывать и интерпретировать получаемую информацию только в случае использования семиотически несложных линейных структур.

Наиболее частотными в авторской картотеке примеров оказались предложения с двумя значениями: значениями отождествления и характеристики. Обе группы не являются монолитными ни по структуре, ни по семантике и делятся на ряд подгрупп. Предложения отождествления представлены предложениями генерализующей идентификации (структурная схема N1 – (сор. Ø) N1) и толкования (структурная схема N1 – это (сор. Ø) N1), а предложения характеристики – предложениями с таксономическим значением (структурные схемы Prop – (сор. Ø) N1, N1 – сор. – (к) N3, N1 – сор. – один (из) N2), с собственно характеризующим (структурная схема N1 – (сор. Ø) N1) и локальным (структурная схема N1 – сор. – (в/на) N6) значениями.

В коммерческих рекламных текстах бисубстантивные предложения полифункциональны. Так, предложения тождества выполняют аттрактивную, информативную, стимулирующую и суггестивную функции, а предложения характеристики – информативную, аргументационно-гарантийную, эмоционально-экспрессивную, суггестивную функции. Разница функций обусловлена семантикой бисубстантивных предложений, особенностями отражения в них экстралингвистических ситуаций сопоставления объектов.

В целом бисубстантивные предложения создают в коммерческих рекламных текстах «возможный мир, состоящий из определенного набора представлений о предметах» [10, с. 37]. Они служат формой выражения характеристики и оценки рекламируемого продукта (услуги). В сочетании с другими вербальными и паралингвистическими средствами (цветовое выделение, шрифтовое и пространственное варьирование, иконические компоненты и др.) бисубстантивные предложения позволяют сформировать такую картину мира, которая полностью соответствует интенциям адресанта, стремящегося склонить к покупке адресата.

Библиографический список

1. Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование. Монография. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 292 с.
2. Герасименко Н.А. Активные процессы в неглагольных предложениях современного русского языка // Педагогическое образование и наука. 2017. №5. С. 125 – 128.

3. Асланова О.А. Бисубстантивное предложение в отражении особенностей мемуарного текста // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». 2013. № 3. С. 1 – 10. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru> (дата обращения: 10.01.2020)
4. Филиппова О.А. Бисубстантивное предложение как продуктивный способ выражения авторской позиции в мемуарном тексте // Вестник МГОУ. Сер. Русская филология. 2013. № 4. С. 46 – 50.
5. Степанчиков М.А. Особенности функционирования бисубстантивных предложений с подлежащим *это* на страницах современных газет // Вестник МГОУ. Сер. Русская филология. 2016. № 5. С. 129 – 136.
6. Берестова О.Г. Бисубстантивные предложения со значением состояния лица в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 23 с.
7. Прокофьева Е.С. Бисубстантивные предложения с семантикой сходства и сравнения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 22 с.
8. Зырянова Н.С. Особенности рекламного текста как средства коммуникации в обществе массового потребления // Социум и власть. 2012. № 2(34). С. 5 – 8.
9. Ольшанский Д. В. Психология масс. С-Пб.: ПИТЕР, 2002. 368 с.
10. Князева Е.Г., Курбакова С.Н., Мурог И.А. Особенности языкового моделирования действительности в рекламном тексте // Вопросы психолингвистики. 2018. № 3(37). С. 36 – 49.

References

1. Gerasimenko N.A. Substantive sentences in the Russian language: structure, semantics, functioning. Monograph. M.: Moscow State Educational University Publ., 2012. 292 p. (In Russian)
2. Gerasimenko N.A. Active processes in non-verbal sentences of the modern Russian language // Pedagogical education and science. 2017. No 5. P. 125–128. (In Russian)
3. Aslanova O.A. The substantive sentence in reflecting the features of memorial text // Bulletin of Moscow State Regional University. Electronic journal. 2013. No. 3. P. 1–10. URL: <https://vestnik-mgou.ru/en> (accessed 10.01.2020) (In Russian)
4. Filippova O.A. Substantive sentence as a productive way of expressing the author's position in the memorial text // Bulletin of Moscow State Regional University. Ser. Russian philology. 2013. No. 4. P. 46–50. (In Russian)
5. Stepanchikov M.A. Features of the functioning of bisubstantive sentences with the subject *this* on the pages of modern newspapers // Bulletin of Moscow State Regional University. Ser. Russian philology. 2016. No. 5. P. 129–136. (In Russian)
6. Berestova O.G. Substantive sentences with the meaning of the state of the face in the modern Russian language: abstract. dis. ... cand. filol. sciences. M., 2003. 23 p. (In Russian)
7. Prokofieva E.S. Substantive sentences with semantics of similarities and comparisons in the modern Russian language: abstract. dis. ... cand. philol. of sciences. M., 2008. 22 p. (In Russian)
8. Zyryanova N.S. Features of the advertising text as a means of communication in a society of mass consumption // Socium and power. 2012. No. 2 (34). P. 5–8. (In Russian)
9. Olshansky D.V. Psychology of the masses. St. Petersburg: PETER Publ., 2002. 368 p. (In Russian)
10. Knyazeva E.G, Kurbakova S.N., Murog I.A. Features of language modeling of reality in advertising text // Psycholinguistics. 2018. No. 3 (37). P. 36–49. (In Russian).

УДК 811.112.2:81.371
DOI 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.017

Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
кандидат филологических наук
доцент кафедры немецкого языка
Никитина О.А.
Россия, г. Тула, тел. +7(4872)318475
e-mail: kortschigo@mail.ru

Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy
The chair of German language
PhD, associate professor
Nikitina O.A.
Russia, Tula, tel. +7(4872)318475
e-mail: kortschigo@mail.ru

Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
кандидат филологических наук
доцент кафедры немецкого языка
Гудкова О.А.
Россия, г. Тула, тел. +7(4872)354215
e-mail: olga-gudkovva@yandex.ru

Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy
The chair of German language
PhD, associate professor
Gudkova O.A.
Russia, Tula, tel. +7(4872)354215
e-mail: olga-gudkovva@yandex.ru

О.А. Никитина, О.А. Гудкова

КОНТАМИНАЦИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИГРОВОГО СЛОВОТВОРЧЕСТВА В ДИСКУРСЕ О ПАНДЕМИИ COVID-19 (НА МАТЕРИАЛЕ НОВООБРАЗОВАНИЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматриваются новые контаминированные лексические единицы немецкого языка, возникшие в период пандемии коронавируса 2020 года. Выявляются особенности контаминации как способа образования новых слов, описываются формально-структурные и семантические типы контаминантов немецкого языка. Показано, что в анализируемом языковом материале преобладают фонетические фузионные контаминанты. Обосновывается понимание контаминации как особой игровой словотворческой стратегии, направленной на преодоление психологического дискомфорта в период пандемии коронавируса. Использование контаминации при образовании «коронеологизмов» определяется также стремлением к компрессии информации и реализации образно-выразительного потенциала контаминированных новообразований, возникающих благодаря установлению особых ассоциативных связей между синтаксически обособленными словами и привнесению элементов субъективного смысла. Путем анализа мотивационных основ и семантики новых контаминантов делается вывод о том, что языковые игры с контаминированными словами пользуются особой популярностью в «пандемическом» дискурсе за счет их коннотативного эмоционально-оценочного потенциала. Появление подобных в структурном и семантическом отношении контаминантов периода пандемии 2020 года в различных языках можно рассматривать двояко: с одной стороны, можно предположить заимствование уже готовых контаминированных единиц из английского языка, с другой стороны, речь может идти либо о неологическом полигенезисе (параллельном возникновении аналогичных новых слов в разных языках), либо об усилении уже имеющейся в немецком языке тенденции лексического развития под влиянием английского языка. В целом новая «коронавирусная» лексика, образованная путем контаминации, подтверждает тенденцию к лексической глобализации (прежде всего, под влиянием английского языка).

Ключевые слова: контаминация, контаминированные новообразования, языковая игра, дискурс коронавирусной пандемии, немецкий язык.

О.А. Nikitina, O.A. Gudkova

CONTAMINATION AS A MANIFESTATION OF THE LUDIC WORD CREATION IN THE DISCOURSE ABOUT THE COVID-19 PANDEMIC

(BASED ON THE MATERIAL OF THE NEW GERMAN WORDS)

The article deals with the new German contaminated lexical units that appeared during the coronavirus pandemic of 2020. The features of contamination as a way of coining new words are identified, and the formal-structural and semantic types of German contaminants are described. It is shown that the phonetic fusion contaminants predominate in the analyzed material. The article substantiates the understanding of contamination as a ludic word-creating strategy aimed at overcoming psychological discomfort during the pandemic. The use of contamination in the coining of "coroneologisms" is also determined by the wish to compress the information and to realize the figurative and expressive potential of contaminated words, which occurs due to the special associative links between syntactically separate words and the introduction of elements of subjective meaning. By analyzing the motivational basis and semantics of the new contaminants, it is concluded that language games with contaminated words are particularly popular in the "pandemic" discourse due to their connotative emotional and evaluative potential. The appearance of similar structural and semantic contaminants of the 2020 pandemic period in different languages can be considered in two ways: on the one hand, we can assume the borrowing of ready-made contaminated units from the English language, on the other hand, we can talk either about neological polygenesis (parallel emergence of similar new words in different languages), or about the strengthening of the lexical development trend already existing in German under the influence of English. In general, the new "coronavirus" vocabulary formed by contamination confirms the trend towards lexical globalization (primarily under the influence of the English language).

Key words: contamination, contaminated neologisms, language game, discourse of the coronavirus pandemic, German language.

В 2020 году пандемия коронавирусной инфекции охватила практически весь мир. И, судя по всему, человечеству только предстоит оценить ее политические, экономические и культурные последствия. По мнению директора Института немецкого языка профессора Х. Лобина, «коронакризис – это прежде всего вирусологическая и эпидемиологическая проблема, опосредованно – психологическая, экономическая и политическая. Но совершенно точно, он (кризис) влияет и на наше общение, и чем дольше он продлится, тем более заметным станет это влияние» [1; *перевод наш – О.Н., О.Г.*]. Одним из безусловно очевидных последствий пандемии коронавируса является формирование «пандемического» дискурса, прочно обосновавшегося в медиапространстве всего мира – о пандемии коронавируса говорят и пишут во всех СМИ, распространяют правдивую и фейковую информацию, используя различные коммуникативные стратегии и тактики. Более того, как справедливо отмечает В.И. Карасик, «широкое внедрение социальных сетей в современную коммуникативную практику привело к тому, что значительные массы населения подключились к комментированию циркулирующей информации, размывая границу между публичным и приватным общением» [2; с. 25].

Как известно, самой чуткой подсистемой языка, оперативно реагирующей на происходящие в обществе изменения, является лексика. Пандемия Covid-19 повлекла за собой буквально «взрывное» появление новых фактов в словарном составе немецкого языка (как, впрочем, и других языков мира). «Пандемический» дискурс стал той самой «неогенной» средой, в которой массово рождаются и проходят коммуникативную апробацию новые лексические единицы. Немецкие неологи и неографы незамедлительно откликнулись на стремительное появление новых лексических единиц немецкого языка, характеризующих различные явления, связанные с пандемией коронавируса. В рамках проекта «Словарь неологизмов» [3] Института немецкого языка (Мангейм, Германия) был создан постоянно обновляемый и пополняемый список слов под названием «Новая лексика вокруг пандемии коронавируса» (*Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie*) [4], в котором регистрируются новые слова и новые значения слов, а также новые устойчивые сочетания, связанные с самой актуальной на данный момент дискурсивной тематикой в жизни немецкоязычного сообщества. Этот список, безусловно, крайне востребован, поскольку, как верно отмечает одна из его составителей К. Мёрс, «именно неологизмы, возникающие в нынешней дискуссии, по-особому воспринимаются, обсуждаются и отчасти критикуются общественностью, пока новая ситуация ищет новые обозначения во многих областях» [5; *перевод наш – О.Н., О.Г.*].

В указанном списке представлено 595 новых лексических единиц (по состоянию на август 2020 г.), которые далее можно классифицировать по различным критериям. Так, по частеречной принадлежности в указанном списке подавляющее большинство новых слов (93,5%) – это существительные (например, *Herdenimmunität*, *Volksmaske*, *Zoomfatigue*). На прилагательные (например, *coronamüde*, *mundgeschützt*, *pandemiesicher*) приходится около 30%, на глаголы (например, *coronieren*) – 1,5%. Преобладание существительных объясняется, по-видимому, их приоритетной функцией названия и дифференциации как новых конкретных (например, *Alltagsmaske*, *Besuchstandem*, *Helikoptergeld*), так и абстрактных понятий (например, *Corornaangst*, *Niesetikette*, *Wegekonzept*).

По способу образования (появления) представленные слова можно далее распределить по следующим группам: 1) новообразования – всего 492, из них: сложные слова – 485 (98,5%) (например, *Anderdhalbmetergesellschaft*, *Besuchstandem*, *Coronasünder*, *Gabenzaun*, *Isolationseinerlei*, *Schnutenpulli*); производные слова – 7 (1,5%) (например, *Coronaer*, *Lockerer*, *Zoomer*, *coronaesk*); 2) устойчивые сочетания слов, преимущественно номинативного характера – всего 56 (9,5%) (например, *feste Kontaktperson*, *harter Lockdown*, *verteilte Belegschaft*); 3) заимствования из английского языка – всего 47 (8%) (например, *Quarantine and chill*, *Wuhanshake*, *Zoombombing*).

Как показывают приведенные количественные данные, приоритетным способом образования новых слов в период коронавирусной пандемии является словообразование путем словосложения, на втором месте – устойчивые сочетания слов номинативного характера, составляющие по способу номинации новых явлений действительности своего рода конкуренцию сложным словам, и лишь на третьем месте – заимствования из английского языка. При этом для ряда новых слов нельзя однозначно утверждать, что единственно возможным способом их появления было заимствование. Во многих случаях равновероятно предположить, что словообразовательные процессы происходили непосредственно в немецком языковом пространстве. Так, например, если слово *Lockdown* следует определенно отнести к заимствованиям, то производное наименование деятеля *Lockdowner* вполне могло быть образовано непосредственно в самом немецком языке по традиционной суффиксальной словообразовательной модели *nomina agentis*.

Среди доминирующих в медийном дискурсе о пандемии новых номинаций, возникших путем использования традиционных словообразовательных способов немецкого языка, отдельную группу составляют контаминированные слова, образованные посредством структурно-семантической конгломерации частей двух или более слов (например, *Covidiot*, *Coronamour*, *Infodemie*, *Munaska* и др.). Их доля в общем количестве новообразований невелика – не более 4%, однако они заслуживают, на наш взгляд, особого рассмотрения, поскольку именно в контаминированных наименованиях наиболее ярко отражается словотворческий потенциал современной немецкой коллективной языковой личности, стремящейся посредством иронического и сатирического эффекта языковой игры противостоять пандемической угрозе и создаваемой вокруг нее панике в СМИ и социальных сетях, помогая тем самым пережить сложный для всего человечества период.

Говоря о контаминации как об одном из способов образования новых слов, следует сразу указать на разнообразие терминов, описывающих данный феномен. Так, в русском языке используются такие терминологические обозначения, как *контаминация*, *телескопия*, *стяжение*, в немецком языке – *Amalgamierung*, *Kontamination*, *Wortkreuzung*, *Wortmischung*, *Wortverschmelzung* и др. В данной работе мы будем придерживаться наиболее устоявшегося в научно-языковой традиции термина – *контаминация* (*Kontamination*). Этот термин встречается уже в XIX веке в работе Г. Пауля «Принципы истории языка. Он пишет: «Контаминацию я понимаю как явление, заключающееся в том, что две синонимичные или в чем-то родственные формы выражения мысли возникают в сознании рядом друг с другом, так что ни одна из них не реализуется в чистом виде, а вместо этого возникает новая форма, в которой

элементы одной формы смешиваются с элементами другой» [6, с. 191]. Как видно из приведенной цитаты, под контаминацией Г. Пауль понимает, прежде всего, феномен произвольной, неинтенциональной контаминации, возникающей в результате непреднамеренного смешения двух элементов, отчасти подобных в смысловом и/или формальном отношении. Иными словами, речь идет о разного рода оговорках (например, *niet* < *nett* и *lieb* или *das Wasser verdumpft* < *verdampft* и *verdunstet*) (см. список наиболее распространенных немецких оговорок в [7]). По мнению С. Бехманна, речь идет о «нарушениях нормы, не приводящих к изменениям на уровне языковой системы» [8; с. 118, *перевод наш* – О.Н., О.Г.]. От такого рода произвольных контаминантов, остающихся, преимущественно, окказиональными продуктами речи, следует отличать *интенциональную* контаминацию, при которой языковая личность намеренно создает из исходных лексических единиц новое семантически независимое слово, отличающееся особой выразительной и броской формой.

Вслед за другими лингвистами [9; 10; 11 и др.], мы рассматриваем интенциональную контаминацию как уникальный периферийный способ образования новых слов, при котором говорящий совершает над участвующими исходными лексическими единицами одновременно аддитивные и субтрактивные операции: оба исходных компонента объединяются в новое с формальной и семантической точки зрения слова – контаминант, при этом в определенном месте – в т. н. «зоне контакта» – происходит объединение формальных сторон исходных лексических единиц и одновременно их усечение, которое далеко не всегда проходит по границам морфем или слогов.

Из сказанного становится понятным, что контаминацию не следует рассматривать как разновидность словосложения или сокращения [ср. 10; с. 115; 11; с. 78]. В отличие от словосложения, при котором в состав нового слова входят обе основы целиком, при контаминации по меньшей мере одна из участвующих основ подвергается усечению, при этом оставшийся элемент далеко не всегда сохраняет морфемный характер. В отличие же от сокращенных слов, контаминанты являются не лексическими дублетами к соответствующим полным формам, а новыми словами с самостоятельным значением.

Для немецкого языка можно выделить несколько наиболее распространенных типов контаминации. Согласно классификации Р. Виндиша [12; с. 35f.], существуют два основных структурных типа: 1) скрещивание слов (*Wortkreuzung*), при котором в новую лексическую единицу объединяются начальный сегмент первого исходного слова и конечный сегмент второго слова (например, *gruscheln* < *grüßen* и *kuscheln*; 2) наложение слов (*Wortüberscheidung*), при котором исходные лексемы располагаются в фонетическом и/или графическом плане неким общим сегментом, используемым в новом слове лишь единожды (например, *Formularifari* < *Formular* и *Larifari*) [13; с. 93].

По мнению П.О. Мюллера и К. Фридрих [11; с. 82ff.] следует также различать *фонетическую* и *графическую контаминацию*. В первом случае контаминанты можно распознать в звучащей речи как самостоятельные слова (например, *Kurlaub* < *Kur* и *Urlaub*), во втором случае произношение контаминированного слова совпадает с одним из исходных слов, так что только графическая форма слова позволяет отличить контаминант (например, *coolinarisch* < *cool* и *kulinarisch*).

В рамках *фонетической контаминации* можно, вслед за упомянутыми выше исследователями, выделить несколько подвидов.

1. *Фузионная контаминация*, при которой на стыке базисных компонентов происходит слияние (сплавление) их сегментов друг с другом, что делает неочевидным место морфемной границы участвующих основ:

а) фузионная контаминация без сокращения обоих исходных компонентов; наложение может происходить по границам морфем, слогов или букв (например, *elefantastisch* < *Elefant* и *fantastisch*, *weinmalig* < *Wein* и *einmalig*);

b) фузионная контаминация с сокращением первого исходного компонента (например, *akadämlich* < *akademisch* и *dämlich*, *Besserwessi* < *Besserwisser* и *Wessi*);

c) фузионная контаминация с сокращением второго исходного компонента (например, *Fairkehr* < *fair* и *Verkehr*, *schneekorieren* < *Schnee* и *dekoriieren*);

d) фузионная контаминация с сокращением обоих исходных компонентов (например, *Birrane* < *Birne* и *Banane*, *Madalog* < *Magazin* и *Katalog*).

2. *Последовательная* контаминация, при которой, в отличие от фузионной, не происходит сплавления сегментов исходных лексических единиц в месте контакта, так как исходные сегменты («осколки») последовательно присоединяются друг к другу:

a) последовательная контаминация с сокращением первого исходного компонента (например, *Denglisch* < *Deutsch* и *Englisch*, *Sehnflucht* < *Sehnsucht* и *Flucht*);

b) последовательная контаминация с сокращением второго исходного компонента (например, *bierologisch* < *Bier* и *biologisch*, *handyringend* < *Handy* и *händeringend*);

c) последовательная контаминация с сокращением обоих исходных компонентов (например, *fahlaxen* < *fahren* и *relaxen*, *schnoppen* < *schnell* и *stoppen*).

3. *Интегративная* контаминация, при которой один компонент элемент инкорпорируется в другой (например, *anbahndeln* < *anbandeln* и *Bahn*, *Alumüllium* < *Alluminium* и *Müll*).

При *графической контаминации* речь идет о новообразованиях, контаминативный характер которых становится очевидным только на письме: их фонетическая сторона полностью или в значительной степени омофонична более длинному исходному компоненту, в то время как более короткий исходный компонент может быть идентифицирован лишь графически. В рамках графической контаминации можно также выделить несколько подвидов.

1) Контаминация *без смешения кодов*, при которой контаминативный статус новообразованных слов вытекает из отклонений в написании участвующих компонентов, при этом, однако, не происходит смешения различных знаковых систем (например, *Seensucht* < *See* и *Sehnsucht*, *effektief* < *effektiv* и *tief*).

2) Контаминация *путем смешения кодов*, при которой контаминируются исходные компоненты, принадлежащие различным знаковым системам – собственно языковой системе и знаковым системам формул, символов и т.п. (например, *c%l* < *cool* и *%*, *H2Oh!* < *H2O* и *Oh!*).

По мнению Д. Дейви, создание контаминантов может быть обусловлено либо «прагматически» («to coin new words for new things»), либо «эстетически» («to be creative with language») [14; с. 69]. Прагматически детерминированные контаминанты представляют собой, как правило, экономичные номинации новых явлений в жизни общества (например, *Flexitarier* < *flexibel* и *Vegetarier* ‘тот, кто не полностью отказывается от мяса, однако, сильно ограничивает его употребление’). Создание контаминированных слов, продиктованное эстетическими причинами, часто представляет собой попытку обозначить нетривиальным, остроумным, ироничным и одновременно экономичным способом такой концепт, который иначе пришлось бы оязыковлять объемной парафразой, в результате чего был бы утрачен эффект языковой игры (например, *Smombie* < *Smartphone* и *Zombie* ‘тот, кто настолько пристально смотрит в смартфон, что ничего не замечает вокруг’). По мнению Ф. Харма, контаминация представляет собой «весьма игривый словообразовательный тип» [15; с. 28, *перевод наш* – О.Н., О.Г.]. Контаминанты, создаваемые для обнаружения эстетического восприятия обозначаемых понятий, содержат в своей семантике, помимо собственно денотативного, обязательный коннотативный, эмоционально-оценочный компонент.

Поэтому представляется обоснованным рассматривать контаминацию как специфическую словотворческую стратегию, позволяющую говорящему удовлетворить жажду экспрессии, дать выход эмоциям и субъективным оценкам. Это делает контаминацию особенно популярной в дискурсах, где востребовано игровое словотворчество. Под игровым словотворчеством мы в данной работе понимаем создание новых слов для достижения надъязыко-

вого, эстетического, чаще всего – комического эффекта. Игровое словотворчество вытекает из способности языковой личности быть не только «потребителем» уже готовых языковых форм и средств, но и действовать в отношении этих средств по собственному свободному выбору, в том числе выходить за пределы ограничений системы языка и предписаний языковой нормы для реализации коммуникативных намерений. При образовании и/или использовании контаминированных слов приоритетная цель продуцента дискурса состоит в том, чтобы вызвать у реципиента ответную эстетическую, морально-нравственную, но прежде всего эмоциональную реакцию – в виде удивления, улыбки, удовлетворения от осознания игрового смысла, заложенного в контаминанте.

Поскольку языковая игра есть разновидность игры как человеческой деятельности в целом, то следует упомянуть различные теории языковой игры – теорию избыточной энергии, теорию восстановления сил, теорию рекапитуляции, теорию самовыражения (см. подробнее в [16]). В зависимости от тех или иных экстралингвистических условий, игровое словотворчество может преследовать, соответственно, различные цели: «выпустить пар», понизить уровень умственного и эмоционального напряжения, выразить собственную индивидуальность, справиться со страхом или сложной проблемой и т. п.

С этой точки зрения интересным представляется описание процесса создания контаминированных слов как игровой словотворческой стратегии преодоления психологического кризиса в условиях пандемии коронавируса. Материалом для исследования послужили контаминированные слова, выявленные методом сплошной выборки из списка лексических инноваций под рабочим названием «Новая лексика вокруг пандемии коронавируса» (*Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie*), представленного на сайте Института немецкого языка (Мангейм, Германия) в рамках проекта «Словарь неологизмов» [3].

В процессе исследования использовались такие методы исследования, как наблюдение, лексико-семантический и словообразовательный анализ, анализ корпусных данных. В качестве источника иллюстративных примеров привлекаются электронные тексты «Немецкого справочного корпуса» [17] Института немецкого языка (Мангейм, Германия), а также актуальные материалы немецкоязычных СМИ, находящихся в свободном доступе сети Интернет.

Сразу оговоримся, что представленный в статье новейший языковой материал изучается «по горячим следам»: процессы конвенционализации и узуализации новых лексических единиц пока далеки от завершения, однако, уже на данном этапе можно выявить определенные тенденции в их «жизни» в языке с учетом, прежде всего, медийных и сетевых дискурсивных практик.

Анализируя причины возникновения контаминантов в период коронавирусной пандемии (даже на достаточно небольшом, но довольно репрезентативном материале), можно предположить, что одной из основных причин появления новообразований данного периода является стремление к достижению комического (иронического или юмористического) эффекта. Юмор, ирония, сатира являются защитной реакцией человека, помогающей справиться со страхом перед опасной ситуацией (пандемией коронавируса) или сложной проблемой (унынием в связи с вынужденной самоизоляцией и карантином). Также использование контаминации при образовании «коронеологизмов» можно обосновать стремлением к компрессии информации и реализации образно-выразительного потенциала контаминированных новообразований, возникающему благодаря установлению особых ассоциативных связей между синтаксически обособленными словами и привнесению элементов субъективного смысла.

С формально-структурной точки зрения в исследуемом языковом материале представлены контаминанты разных типов: фонетические фузионные контаминанты без сокращения обоих компонентов (*Coronamour, Covidiot*), с сокращением первого компонента (*Quarantini, Quaranteam*), с сокращением обоих компонентов (*Coronials, Quarantini*); фонетические последовательные контаминанты с сокращением второго компонента (*Panikdemie, Plandemie*), с

сокращением обоих компонентов (*Infodemie, Maskomat*); а также графический контаминант без смешения кодов (*Hygiäne*).

Перейдем к описанию эмпирического материала с целью определения мотивирующих основ, участвующих в формировании семантики контаминированных новообразований и обуславливающих возникновение эмоционально-оценочного потенциала «коронеологизмов».

Контаминант *Coronamour* ('карантинная любовь') образован стяжением слов *Corona* и *Amour* и употребляется для обозначения любовных отношений, которые возникли во время контактных и бытовых ограничений, предписанных для сдерживания пандемии Covid-19. Базовые элементы контаминанта употребляются в прямом, конкретном значении и не требуют дополнительной интерпретации. В целом неологизм может быть охарактеризован как обладающий формальной и семантической новизной, связанный с возникновением нового явления периода коронавирусной пандемии, имеет положительную, иронически-шутливую коннотацию.

Контаминант *Coronexit* (ср. русск. *коронаэкза́м*; 'выход из карантинных мер') состоит из компонента *Corona* и основы англоязычного существительного *exit* и обозначает прекращение социальных и экономических ограничений во время пандемии Covid-19. Неологизм образован по аналогии со словом *Brexit*, на основе ассоциативной связи с данным понятием, обозначающим выход Великобритании из ЕС и связанной с ним процедуры, что придает новообразованию эффект каламбура.

Следующий контаминант *Coronials* (ср. русск. *корониалы*) обозначает новое поколение – детей, зачатых во время домашнего карантина, введенного из-за распространения Covid-19 и длительного пребывания пар на самоизоляции. Мотивирующими словами-основами данного контаминанта выступают *Corona* и англоязычное *millennials*. Контаминированный неологизм употребляется метафорически, имеет иронически-шутливую коннотацию.

Ещё один пример контаминанта, образованного с основой *Corona*, – новообразование *Coronoia* (ср. русск. *коронойя*), где в качестве второго компонента выступает заимствованное в немецкий язык слово *Paranoia*. Новая лексическая единица используется для описания слишком сильного, отчасти необоснованного страха заразиться коронавирусом. Данная единица характеризуется отрицательной оценочностью, которая реализуется через второй компонент контаминанта.

Следующие два контаминированных новообразования содержат в своем составе словооснову *Covid*, которое накладывается на последующее слово на основе фонетической схожести обоих мотивационных слов. *Covidarität* (ср. русск. *ковидарность*) состоит из компонентов *Covid* и *Solidarität* и обозначает добровольную помощь, участие в волонтерском движении в эпоху коронавирусной пандемии. Второе новообразование *Covidiot* (ср. русск. *ковидиот*) практически является абсолютным интернационализмом, построено из понятных всем компонентов *Covid* и *Idiot*. Оно обозначает человека, пренебрегающего опасностью заражения и не предпринимающего никаких превентивных мер, либо наоборот того, кто слишком серьезно (неадекватно) относится к пандемии и, например, скупает в больших количествах туалетную бумагу, продукты и т.д. Положительную оценочность в первом и отрицательную во втором случае контаминанты с компонентом *Covid* получают за счет второго определяющего слова, являющегося существительным с коннотацией одобрения и осуждения соответственно.

Контаминанты *Infodemie, Panikdemie* и *Plandemie*, образованные путем последовательной контаминации без наложения слов-основ со вторым компонентом *Pandemie* или *Epidemie*, выполняют, по сути, экспрессивную функцию, обозначая негативные явления периода пандемии, которые приняли масштабный характер. *Infodemie* (ср. русск. *инфодемия*) используется для описания информационного шума на тему коронавируса, в основном когда речь идет о негативных и фейковых новостях о Covid-19. *Panikdemie* – новообразование, со-

стоящее из слов-основ *Panik* и *Pandemie*, – обозначает стремительно распространяющийся, очень сильный и парализующий страх перед пандемией Covid-19, спровоцированный во многом сообщениями в СМИ, которые некоторые критикуют как преувеличенные. Интересным представляется контаминированное новообразование *Plandemie* (ср. русск. *пландемия*), первый компонент которого – *Plan* – определяет общее значение новообразования, которое трактуется (согласно теории заговора) как пандемия Covid-19, сознательно организованная политиками, отсюда отрицательная оценочность единицы.

Безусловным атрибутом эпохи пандемии стали предметы индивидуальной защиты, в первую очередь – маски. В немецком языке появились новое сложносокращенное слово – *Munaschu* (от соответствующей полной номинации *Mundnasenschutz*), используемое для обозначения защитной маски на лицо, а также контаминант *Munaska* от слов-основ *Mund*, *Nase* и *Maske*. Контаминант построен путем слогового усечения формальной структуры участвующих основ и носит экспрессивный характер. Подобным способом образован также контаминант *Maskomat* (от слов *Maske* и *Automat*), основанный на шутовском обыгрывании названия «масочного» автомата (обычно перед магазином), где можно приобрести индивидуально упакованные средства защиты.

Юмористический эффект контаминированных новообразований *Quarantini* и *Huigiäne* также основан на языковой игре с применением фузионной контаминации и фонетической схожести слов-основ. Контаминант *Quarantini* состоит из мотивационных компонентов *Quarantäne* и *Martini* и используется для названия коктейля, который стал популярен во время пандемии Covid-19, приготовляемый из джина, водки, сока лайма, имбирного пива, маракуйи и украшенного свежей мятой. Ср. русск. *карантини*, обозначающее любой алкоголь, который употребляется во время онлайн-вечеринки с друзьями в Zoom или также событие, т.е. видеовстречу с друзьями с обязательным употреблением алкоголя.

Второй пример – графический контаминант *Huigiäne* – является соединением основ слов *Huigiene* и *Huäne*. Игра слов, положенная в основу данного новообразования, создает комический эффект: данным неологизмом можно охарактеризовать человека, который, как гиена, чрезмерно дезинфицирует себя, используя все возможные средства антивирусной защиты. Наличие отрицательной, иронически-шутливой коннотации приведет, скорее всего, к тому, что данная единица не будет долго существовать в языке, и на данном этапе она не фиксируется словарями, но активно используется интернет-пользователями в чатах.

Среди анализируемых примеров представлен также контаминант, соединенный по типу уточнения, при котором значение участвующих основ модифицируется, и новое слово приобретает оценочный характер. Это заимствованный в немецкий язык контаминант *Staycation* (*stay home + vacation*), который в период пандемии стал особенно актуальным. Он используется для обозначения отпуска без путешествий. Первые фиксации данного неологизма не относятся к периоду пандемии, однако именно сейчас благодаря шутивно-иронической коннотации он приобрел коммуникативную востребованность.

Отпуск без путешествий и долгий период самоизоляции в период коронавирусного карантина способствовали тому, что у каждого человека сложился определенный замкнутый круг общения. Для обозначения такого круга людей в немецком языке используется контаминант *Quaranteam*, состоящий из основ слов *Quarantäne* и *Team*. Данная единица используется также для обозначения общего чата, в котором обсуждаются вопросы, связанные с правилами выживания во время пандемии. Новообразование базируется на фонетическом приеме языковой игры, имеет положительную, шутивную коннотацию.

Анализ эмпирического материала показывает, что глобальный масштаб пандемии коронавируса обусловил во многом интернациональный характер «коронеологизмов» в целом и новых контаминантов в частности. Мы можем наблюдать подобные в структурном и смысловом отношении контаминированные новообразования периода пандемии 2020 года в различных языках (в частности, в немецком, английском и русском) (например, таких, как *Co-*

ronoia, Infodemie, Quarantini), которые можно рассматривать двояко: с одной стороны, можно предположить заимствование уже готовых контаминированных единиц из английского языка, с другой стороны, речь может идти либо о неологическом полигенезисе (параллельном возникновении аналогичных новых слов в разных языках), либо об усилении уже имеющейся в немецком языке тенденции лексического развития под влиянием английского языка. В целом новая «коронавирусная» лексика, образованная путем контаминации, подтверждает тенденцию к неологической глобализации (прежде всего, под влиянием английского языка) как основного вектора развития словарного состава. В то же время, следует подчеркнуть и наличие самобытных, собственно немецких контаминированных новообразований (например, таких, как *Munaske, Maskomat*).

Также, подводя итоги, можно заключить, что по типу соединения значений исходных слов отдельные из анализируемых нами примеров образованы по схеме наведения периферийных ассоциативных сем, что предполагает объединение внешне фонетически сходных слов, не связанных семантически, с последующим приобретением производной (часто отрицательной) коннотации. Также среди анализируемых примеров мы встретили слова, соединенные по типу уточнения, при котором значение слов модифицируется, и производная приобретает оценочный характер. Отдельные примеры образованы путем метафоризации доминирующей семной структуры.

Все проанализированные нами примеры носят подчеркнуто оценочный характер, при этом чаще всего объект оценочности наделяется ярко выраженными иронически-шутливыми или отрицательными коннотациями, что сокращает шансы «коронеологизмов» закрепиться в языке, однако данная словотворческая стратегия, как можно предположить, способствует более успешному преодолению психологического кризиса в условиях пандемии коронавируса.

Библиографический список

1. Lobin H. Kommunikation in der Coronakrise [онлайн-публикация] // Spectrum.de. URL: <https://scilogs.spektrum.de/engelbart-galaxis/kommunikation-in-der-coronakrise> / (дата обращения: 25.08.2020).
2. Карасик В.И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 25-34.
3. Neologismenwörterbuch [электронный ресурс]. URL: <https://www.owid.de/docs/neo/start.jsp> (дата обращения: 25.08.2020).
4. Neuer Wortschatz rund um die Coronaepidemie [электронный ресурс]. URL: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp#> (дата обращения: 25.08.2020).
5. Möhr Ch. Grübelst du noch oder weißt du es schon? – Glossare erklären Corona-Schlüsselbegriffe [онлайн-публикация] // Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise. Mannheim: Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS), 28.05.2020. URL: <https://www1.ids-mannheim.de/sprache-in-der-coronakrise/> (дата обращения: 25.08.2020).
6. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 494 с.
7. Leuninger H. Reden ist Schweigen, Silber ist Gold. Gesammelte Versprecher. 4. Auflage. Zürich: Ammann, 1993. 174 S.
8. Bechmann S. Sprachwandel – Bedeutungswandel. Eine Einführung. Tübingen: A. Francke Verlag, 2016. 324 S.
9. Мурысов Р.З., Каштанова Д.Д. Контаминация в системе словообразования // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. №4. С. 1781-1783.
10. Elsen H. Kontaminationen im Randbereich der deutschen Grammatik // Deutsche Sprache: Zeitschrift für Theorie, Praxis, Dokumentation. 2008. Bd. 36.2. S. 114-126.
11. Müller P.O., Friedrich C. Kontamination // Elsen S., Michel S (Hrsg.): Wortbildung im Deutschen zwischen Sprachsystem und Sprachgebrauch. Perspektiven – Analysen – Anwendungen. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2011. S. 75-107.

12. Windisch R. Die Wortverschmelzung – ein ‘abscheuliches Monstrum’ der französischen und deutschen Wortbildung? // *Romanistisches Jahrbuch*. 1991. Bd. 42. S. 34-51.
13. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4., völlig neue bearb. Auflage. Berlin/Boston: de Gruyter, 2012. 484 S.
14. Davy D. Shortening Phenomena in Modern English Word Formation: An Analysis of Clipping and Blending // *Franco-British Studies (Journal of the British Institute in Paris)*. 2000. No. 29 (Special Issue: Perspectives on Second Language Learning and Teaching). Pp. 59-76.
15. Harm V. Einführung in die Lexikologie. Darmstadt: WBG, 2015. 164 S.
16. Нухов С.Ж. Языковая игра: возможные подходы и трактовки явления // *Вестник Башкирского университета*. 2012. Т. 17. №1. С. 165-170.
17. DeReKo. Deutsches Referenzkorpus [электронный ресурс]. URL: www.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora (дата обращения: 25.08.2020).

References

1. Lobin, H. Communication in the Corona Crisis [online publication] // *Spectrum.de*. URL: <https://scilogs.spektrum.de/engelbart-galaxis/kommunikation-in-der-coronakrise/> (access date: 25.08.2020).
2. Karasik V.I. Epidemic in the mirror of media discourse: facts, estimates, positions // *Political linguistics*. 2020. No. 2 (80). Pp. 25-34.
3. Neologisms dictionary [electronic resource]. URL: <https://www.owid.de/docs/neo/start.jsp> (access date: 25.08.2020).
4. New vocabulary around the corona epidemic [electronic resource]. URL: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp#> (access date: 25.08.2020).
5. Möhr Ch. Are you still pondering or do you already know? - Glossaries explain key concepts of Corona [online publication] // *Current statements on the language in the corona crisis*. Mannheim: Leibniz-Institute for the German language (IDS), 28.05.2020. URL: <https://www1.ids-mannheim.de/sprache-in-der-coronakrise/> (access date: 25.08.2020).
6. Paul G. Principles of the history of language. Moscow: Publishing house of foreign literature, 1960. 494 p.
7. Leuninger H. Talking is Silence, Silver is Gold. Collected Miscues. 4. Edition. Zurich: Ammann, 1993. 174 p.
8. Bechmann, S. Language Change – Change Of Meaning. An Introduction. Tübingen: A. Francke, 2016. 324 p.
9. Muryasov R.Z., Kashtanova D.D. Contamination in the system of word formation // *Bulletin of Bashkir University*. 2012. Vol. 17. No. 4. Pp. 1781-1783.
10. Elsen H. Contamination in the Frontier Area of German Grammar // *German Language: Journal for Theory, Practice, Documentation*. 2008. Vol. 36.2. Pp. 114-126.
11. Müller P. O., Friedrich C. Contamination // Elsen S., Michel S. (Ed.): *Word formation in German between language system and language use. Perspectives – Analysis – Applications*. Stuttgart: ibidem, 2011. Pp. 75-107.
12. Windisch R. The word fusion - a 'hideous monster' of French and German word formation? // *Romani Statistical Yearbook*. 1991. Vol. 42. Pp. 34-51.
13. Fleischer W., Barz I. Word formation of the German Contemporary Language. 4., completely new edit. Print run. Berlin / Boston: de Gruyter, 2012. 484 p.
14. Davy D. Shortening Phenomena in Modern English Word Formation: An Analysis of Clipping and Blending // *Franco-British Studies (Journal of the British Institute in Paris)*. 2000. No. 29 (Special Issue: Perspectives on Second Language Learning and Teaching). Pp. 59-76.
15. Harm V. Introduction to Lexicology. Darmstadt: WBG, 2015. 164 p.
16. Nukhov S.Zh. Language game: possible approaches and interpretations of the phenomenon // *Bulletin of the Bashkir University*. 2012. Vol. 17. No. 1. Pp. 165-170.
17. DeReKo. The German Reference Corpus [electronic resource]. URL: www.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora (access date: 25.08.2020).

УДК 81'373.7

DOI 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.018

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук
доцент кафедры иностранных языков
и технологии перевода
Романова Г.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +79012454727
e-mail: rg.victory@yandex.ru*

*Voronezh state technical university.
Ph.D. in Philology,
Associate Professor of foreign languages and
translation department
Romanova G. V.
Russia, Voronezh, tel. +79012454727
e-mail: rg.victory@yandex.ru*

Г.В. Романова

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПЕРИОДА ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

Статья посвящена особенностям функционирования в русском языке корпуса устойчивых выражений (УВ) в условиях новой реальности пандемии и специфике её отражения в языке с помощью использования УВ. Цель работы – изучить и установить особенности использования устойчивых выражений периода пандемии в СМИ: выявить их содержательные и структурные черты, а также с помощью лингвистического и текстового анализа определить функции их употребления. В процессе исследования установлена связь содержательных и структурных параметров УВ с особенностями отражения с их помощью новых пандемических реалий. Сделан вывод о специфическом отборе и структурировании УВ этого периода, которые соотнесены с целями их использования. Описаны четыре основные группы УВ, на которые распадаются отмеченные примеры: УВ книжного происхождения, крылатые слова (апелляция к литературному авторитету); пословицы и поговорки (обращение к народной мудрости); фразы из песен (апелляция к экспрессивным образным средствам, культурному авторитету); терминологические УВ (обращение к актуальным реалиям). Наиболее часто используемые способы структурной трансформации устойчивых выражений (замена слов и образование по модели УВ) предложено рассматривать как виды актуализации языкового материала, выдвинуто предположение, что трансформация является основной и постоянно действующей тенденцией «омолаживания» устойчивых выражений. Выявленные принципы отбора УВ и модели их модификаций, использованные для отражения новых реалий, могут быть ценными для теоретического изучения и прогнозирования дальнейшего пути развития современных языковых процессов, окажутся полезными и в практическом применении при формировании таких языковых контентов, как язык журналистики и язык рекламы.

Ключевые слова: устойчивые выражения (УВ), источники происхождения, структурные особенности, трансформация, средства массовой информации (СМИ).

G.V. Romanova

SUSTAINED EXPRESSIONS IN MEDIA SPACE DURING THE PANDEMIC OF COVID-19

The article is devoted to the peculiarities of functioning in Russian of the corps of stable expressions (SE) in the conditions of the new reality of the pandemic, and the specifics of its reflection in the language using SE. The purpose of the work is to study and establish the features of the use of sustainable expressions of the pandemic period in the media: to identify their substantive and structural features, as well as using linguistic and textual analysis to determine the functions of their use. During the study, a link was established between the content and structural parameters in the media language with the features of reflecting new pandemic realities using SE. The conclusion is made about specific selection and structuring of SE of this period. The selection of the most used SE is made from the following sources: SE of book origin, winged words (appeal to literary authority); proverbs and sayings (appeal to folk wisdom); phrases from

songs (appeal to expressive figurative means, cultural authority); terminological SE (addressing current realities). The most frequent methods of structural transformation of stable expressions (word replacement and formation according to the SE model) are proposed to be considered as types of actualization of language material, it is suggested that this transformation is the main and constant trend of "rejuvenation" of stable expressions. The identified principles of SE selection and models of their modifications used to reflect new realities can be valuable for theoretical study and prediction of the further development of modern language processes and will be useful in practical application in the formation of language content such as the language of journalism and the language of advertising.

Key words: stable expressions (SE), sources of origin, structural features, transformation, mass media (media space).

Пандемия, внезапно нагрянувшая и изменившая обычный уклад жизни людей, несомненно, повлияла и на языковое пространство. Одному из аспектов этих языковых изменений посвящена наша работа: проанализируем, какие устойчивые выражения (УВ), каким образом и с какой целью использованы в средствах массовой информации этого периода; выявим состав данных УВ, определим, что их объединяет в содержательном плане, к каким источникам происхождения чаще всего они восходят, в каком виде употребляются, какие структурные изменения и с какой целью претерпевают.

Цель исследования – проследить тенденции отбора и употребления УВ в средствах массовой информации в период пандемии, выявить список УВ и цели их использования.

Актуальность исследования очевидна – резкое изменение ситуации в стране и мире повлекло и изменение процессов, действующих на всех уровнях языка, что затронуло и такой образный пласт русского языка, как устойчивые выражения. Нашей задачей было установление тенденций в их употреблении в новых речевых реалиях.

Предметом изучения явились устойчивые выражения, использованные в средствах массовой информации для отражения явлений, связанных с коронавирусом. Вопрос о самом понятии «устойчивые выражения» (УВ) по сей день остаётся спорным в лингвистике, поскольку понимают его далеко не единообразно. В нашем исследовании примем за основу следующее определение: устойчивые выражения – это повторяемые словосочетания, приобретшие в языковой системе устойчивый характер: фразеологизмы, крылатые слова, литературные цитаты, терминологические сочетания, пословицы, поговорки, афоризмы, фразы из кинофильмов, литературных произведений и проч. [1; с. 242].

Источниками языкового материала явились новостные программы телевидения, официальная газета Правительства Российской Федерации «Российская газета. Неделя» (в дальнейшем – РГН). Объект исследования – заголовки и фразы из репортажей или выступлений, содержащие УВ, употребляемые в СМИ в связи с темой пандемии.

Исходные теоретические положения. При сборе и изучении языкового материала были выявлены закономерности, которые легли в основу основных теоретических положений исследования, они заключаются в следующем. Значения, в которых употребляются УВ в этот период распадаются на два основные семантические направления: первое – УВ используется для фиксации понятийного и предметного содержания новых реалий пандемии (то, что привычно называется *денотат* при квалификации семантики слова), где даётся характеристика, описание самой реалии; второе – УВ служит для выражения дополнительной семантики: выражается эмоции, оценка, ассоциация или даётся квалификация ситуации (*коннотат*), прочно связанная с основным значением в сознании носителей языка. Соотношение денотативного и коннотативного значения и в целом особенности фразеологической номинации подробно изучены и описаны как семантика фразеосочетаний [2]. Применительно к нашему исследованию следует отметить, что в собранных примерах соотношение значений сдвинуто в пользу явного преобладание коннотата: с помощью УВ чаще всего даётся квалификация ситуации, выражается оценка, фиксируется результат с выражением собственной оценки автора. Это свидетельствует о важности употребляющих УВ выразить своё отношение с их помощью, таким образом «как создатель оценки, как выразитель эмоций говорящий (пишу-

щий) раскрывает свою культурную позицию. В результате культурной интерпретации УВ в процессе его употребления формируется важнейший компонент культурно-языкового значения УВ, «основным содержанием которого является ценностно-эмоциональное отношение к происходящему» [3; с. 3]. Такая мотивационная установка целенаправленного отбора и переформлирования (трансформации) устойчивых выражений в изучаемый период отразилась при их подсознательном отборе как по происхождению, так и по структурным особенностям.

Происхождение устойчивых выражений. С помощью лингвистического и текстового анализа сгруппированы цели, которые преследовали авторы, использовавшие УВ. Установлена связь между источниками происхождения УВ и целью их использования. В этом ракурсе нами был проведён анализ собранных УВ (около 100 примеров), употребляемых в СМИ по тематике коронавирусной инфекции в течение четырёхмесячного периода самоизоляции на предмет источника возникновения в русской языковой системе. Первоначально проанализировали УВ как в исходном, так и в трансформированном виде на предмет источника происхождения, поскольку было важно определить общие черты для мотивации обращения к общеизвестным УВ в современных текстах. По количественному соотношению было установлено, что по происхождению эти УВ распадаются на четыре основные группы (УВ книжного происхождения, крылатые слова (27 примеров); пословицы и поговорки (23 примера); фразы из песен (19 примеров); терминологические УВ (17 примеров). У каждой из четырёх групп описана основная цель или мотивация применения УВ в тексте. Были выявлены общие черты и установлено соответствие группы происхождения УВ и целеполаганию его использования. В целом выявлена общая тенденция: УВ этого периода используются не просто как образные средства, придающие тексту дополнительную экспрессию, а они выполняют более серьёзную функцию, прямо или косвенно указывают на общеизвестный авторитет для подтверждения мыслей автора или апеллируют к нему. Так, УВ книжного происхождения и крылатые слова апеллируют к литературному авторитету, пословицы и поговорки транслируют народную мудрость, использованные фразы из песен выполняют роль экспрессивных образных средства и обращают нас к культурному авторитету; терминологические УВ убеждают воспринимающего информацию в помощью актуализации новых реалий. Таким образом, УВ в современных текстах используются как «комплексный, обобщённый приём оказания влияния (речевого воздействия) на собеседника, поскольку могут использоваться и для неманипулятивного, и для манипулятивного воздействия» [4; с. 49].

Структурные особенности УВ. Выявленные примеры УВ структурно не однородны. Отмечены имплицитные (без кавычек) цитирования УВ, которые используются как образное средство или как способ «подкрепления собственного высказывания мнениями людей, известных или даже знаменитых в какой-либо области (политиков, учёных, писателей и др.)» [4; с. 58], или как языковой приём «указания на социальный авторитет» [4; с. 56] (пословицы, поговорки). Помимо обращения к цитированию, в примерах отмечены структурно трансформированные УВ (около 80 процентов). За основу деления трансформированных УВ на виды в исследовании была взята классификация, предложенная Д.Б. Гудковым: замещение (вместо канонического слова вставляется новое, на которое падает основная смысловая нагрузка), усечение (либо всего УВ, либо какого-то компонента), контаминация (соединение двух УВ в одно), добавление (к исходному УВ добавляется один или несколько компонентов, на которые и падает основная нагрузка) [5, с. 111]. Считаем целесообразным добавить ещё один вид трансформации УВ – это образование по модели УВ [1; с. 244]. Основная цель трансформации УВ – актуализация нового языкового материала с одновременным использованием смыслового и образного подтекста исходных УВ. Проиллюстрируем теоретические установки нашего исследования подробно с помощью примеров.

Источники происхождения. Первая группа – УВ высокого *книжного происхождения*, *крылатые слова*: латинизмы, библеизмы, другие литературные цитаты (27 УВ). Они употребляются особенно часто в начале пандемии для демонстрации собственного отношения к

ситуации с распространением коронавируса и жизни в новых условиях. Используются серьёзные УВ из общеизвестных международных источников, в которых даются глубокие умозаключения и рекомендации к поведению людей. Это такие УВ, как латинизмы, библеизмы, например, между Сциллой и Харибдой (латинизм), всё проходит и это пройдёт (библеизм), на войне как на войне (французский афоризм). Основная мысль, которую они несут, что всё в конце концов будет хорошо, но надо немного потерпеть. Пожалуй, несложно объяснить такую тенденцию в частотном использовании общеизвестных (международных чаще всего) устойчивых выражений именно книжного происхождения. Так, в ситуации растерянности общества в речи всё чаще обращаются к вечным ценностям и языковому авторитету, чтобы успокоить воспринимающих информацию, ищут общепонятные аргументы для убеждения, а в языке эту роль выполняют всем известные УВ именно книжного, литературного происхождения, несущие умозаключения, и используемые как способ выражения вечной (незыблемой) истины. Приведём несколько примеров.

1. «Это должны быть детально просчитанные решения глав субъектов федераций. Опасно безрассудно забегать вперёд, но и сидеть сложа руки, уклоняясь от ответственности, также нельзя. Нужно *пройти между Сциллой и Харибдой*» (речь идёт о постепенном снятии ограничений в регионах, о том, что снятие ограничений по коронавирусу в регионах Президент РФ возлагает на глав субъектов). Цитирование латинизма *между Сциллой и Харибдой* – крылатой фразы из литературного источника («Одиссеи» Гомера), используется для квалификации ситуации. Данный афоризм имеет значение «оказаться между двумя враждебными силами в положении, когда угрожает опасность и с той, и с другой стороны» [6; с. 366], поскольку, по верованиям древних греков, на прибрежных скалах по обе стороны Мессинского пролива обитали два чудовища: Сцилла и Харибда, поглощавшие мореплавателей (фраза из обращения Президента РФ В.В. Путина к россиянам, ТВ канал «Россия-24», прямой эфир от 11.05.20).

2. «Сейчас все *между Сциллой и Харибдой*: с одной стороны, надо избежать новых заражений, с другой, не угробить экономику в целом» (заключительная фраза из репортажа журналистки Жанны Агалаковой о проблемной ситуации с большим количеством больных в Италии в настоящий период). Цитирование, повторяет фразу из недавно произнесённой речи Президента РФ В.В. Путина, и этот факт придаёт произнесённой фразе в репортаже журналистки дополнительную функцию воздействия на аудиторию с помощью апелляции к политическому авторитету (Новости, телепрограмма «Доброе утро», 1 ТВ канал, эфир от 18.05.2020).

3. Не беда, что увидимся летом.

Не беда, слышишь, солнце взойдёт.

Не беда, что ломает, нас выточит.

Всё проходит, и это пройдёт.

Использовано цитирование надписи на кольце библейского царя Соломона для квалификации ситуации (текст нового рекламного ролика «Дело-банка», ТВ Канал «Россия-24», эфир от 18.05.20).

Следует особо отметить источник происхождения выражения «всё проходит, и это пройдёт», которое связывают с книгой Библии «Екклесиаста, или Проповедника», где повествуется о царе Соломоне, но на самом деле этого дословного выражения там не обнаруживается, его происхождение же связано с дальнейшим бытованием легенд о нём. Считается, что в XIX веке эту фразу в речевой обиход ввёл Вальтер Скотт, которая в дальнейшем закрепились в базисе устойчивых выражений многих языков. Это выражение находим в рассказе 1908 года А.И. Куприна «Суламифь»: «На указательном пальце левой руки носил Соломон гемму из кроваво-красного атерикаса, извергавшего из себя шесть лучей жемчужного цвета. Много сотен лет было этому кольцу, и на оборотной стороне его камня вырезана была надпись на языке древнего, исчезнувшего народа: «Всё проходит»» [7; с. 278].

4. *«Всё пройдет и это пройдет, но как мы будем подготовлены к нашим будущим испытаниям здесь предстоит задуматься и найти своё место в этом процессе»* (речь идёт об отношении к ситуации с коронавирусом). Фраза из речи главы республики Дагестан Владимира Васильева на совещании в режиме видеоконференции Президента РФ с руководством и представителями общественности республики Дагестан. Использовано частичное цитирование с изменением формы «проходит» на «пройдёт» (ТВ Канал «Россия-24», прямой эфир от 18.05.20.).

5. *«В ответе за тех, кого заразили»* (название статьи о введении административной и уголовной ответственности за «бегство» из карантина). Для демонстрации отношения к событию произведена замена слова в литературной цитате из повести-сказки «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери «Мы в ответе за тех, кого приручили» (РГН № 70 (8124) 1-7 апреля 2020. С.5).

6. *«Разделяй и здравствуй. Готовим сбалансированный обед на самоизоляции»* (название статьи). Контаминация из 1УВ) «разделяй и властвуй» и 2УВ) разговорного пожелания «здравствуй(те)», использованном в прямом значении пожелания здоровья. Цель – дать модель поведения и указать, что именно при этой модели будет положительный эффект (т.е. здоровье). Авторство выражения «разделяй и властвуй» трактуют неоднозначно: оно принадлежит либо французскому королю Людовику XI, либо итальянскому мыслителю Никколо Макиавелли [8; с. 279], [9; с. 420] (РГН № 94 (8148) 29 апреля-5 мая 2020. С.21).

7. *«Тройка, семёрка, туз! Как пандемия повлияет на успеваемость школьников»* (название статьи). Трансформация знаменитой фразы-рефрена игрока Германна из повести «Пиковая дама» А.С. Пушкина, которая, исходя из сюжета повести, должна была принести ему удачу «Тройка, семёрка, туз», произведена замена слова на пароним сообразно новой ситуации (туз > вуз) с целью описать поступление в вуз в экстремальный период пандемии с помощью подтекста самого УВ, сравнив его с игрой в карты, в которой можно как выиграть, так и проиграть (РГН № 101 (8155) 13 – 19 мая 2020. С.8).

Вторая группа УВ по происхождению является *пословицами и поговорками* (23 примера). В этом проявляется своеобразная апелляция к афоризмам и умозаключениям, а в итоге таким способом привлекается народная мудрость в качестве беспрекословного авторитета для разрешения возникших проблем.

1. *«С больной головы на уже почти здоровую»* (название репортажа о том, что США обвиняют в распространении коронавируса Китай). Произведена вставка дополнительных слов в пословицу «с больной головы на здоровую» для выражения оценка ситуации. (телепрограмма «Новости», 5 ТВ канал, эфир от 09.04.2020).

2. *«Конечно, борьба с коварным вирусом ещё продолжается, и цыплят по осени считают, но можно подвести некоторые итоги»* (фраза из речи комментатора Евгения Киселёва). Произведено цитирование пословицы с целью фиксации результата (телепрограмма «Итоговые вести», 2 ТВ канал, эфир от 27.04.2020).

3. *«Что посеешь»* (название репортажа о видах на урожай в ковид). Усечение пословицы «что посеешь, то и пожнёшь», но слово «посеешь» использовано в прямом значении для квалификации ситуации (телепрограмма «Время», 1 ТВ канал, эфир от 20.05.2020).

4. *«Твой дом – твоя крепость»* (название статьи о том, как регионы России переходят на режим самоизоляции). Из пословицы «мой дом – моя крепость», в которой произведена замена слов, с их помощью даётся читателям указание на необходимую модель поведения (РГН № 70 (8124) 1-7 апреля 2020. С.3).

5. *«Моя хата – не с краю»* (название статьи о том, как объединилась вся страна в стремлении помочь в сложной ситуации). Усечение пословицы и подстановка отрицания НЕ, с помощью этой подстановки НЕ идёт реализация обратного значения содержанию пословицы «моя хата с краю – ничего не знаю» (РГН № 76 (8130) 8-14 апреля 2020. С.5).

Третью группу по частотности УВ представляют собой *фразы из песен* (19 примеров), которые выполняют функцию наиболее понятного читателям или слушателям экспрессивно насыщенного подтекста в УВ, апеллируют к культурному авторитету.

1. «*Очень вырос в целом мире. Вирус вырос*» (название репортажа о повторном росте заболеваемости в мире COVID-19). Дана часть фразы из песни «Утренняя гимнастика» (1972 г.) В.С. Высоцкого «Очень вырос в целом мире / Вирус гриппа / Три-четыре». На этом примере можно увидеть, как меняется тон, общий настрой в конце режима самоизоляции, формируется и демонстрируется более шутливое, лёгкое отношение в т.ч. и в выборе УВ (Программа «Время», эфир от 02.07.20.).

2. «*Словно мухи, ходят слухи*» (название статьи о сайте, на котором размещена информация о фейках про коронавирус). Цитирование с усечением строк из ироничной «Песенки о слухах» (1969 г.) В.С. Высоцкого: «Словно мухи, тут и там / Ходят слухи по домам / А беззубые старухи их разносят по умам». Цель – дать квалификацию и выразить негативное отношение, которое так же должно сформироваться у читателя с помощью привлечения произведения культурного авторитета В.С. Высоцкого (РГН № 88 (8142) 22-28 апреля 2020. С.22).

3. «*Всё это стоит носить*» (название статьи о том, как использовать маску). Произведено построение по модели фразы популярной песни «Диалог у новогодней ёлки» (1970 г.) на стихи Юрия Левитанского: «...– Следует жить! Шить сарафаны и лёгкие платья из ситца. / – Вы полагаете всё это будет носиться? / - Я полагаю, что всё это следует шить...» Цель – настроить на позитивное отношение к маскам и жизнеутверждающее поведение в самой этой ситуации (РГН - № 82 (8136) 15-21 апреля 2020. С.5).

4. «*Их работа и опасна, и трудна*» (название статьи о том, что прокуратура проверит, как врачам производятся стимулирующие выплаты). Образование по модели крылатой фразы их песни-гимна правоохранительным органам «Наша служба и опасна, и трудна» (1971 г.) на стихи Анатолия Горохова и Эдуарда Лабковского. Цель – дать характеристику субъектам действия в описываемой ситуации (РГН - № 101 (8155) 13 – 19 мая 2020. – С.19).

5. «*Каких приматов берут в испытатели*» (название репортажа об испытании вакцины на COVID-19 на приматах, и о том, что вышли на очередной этап испытаний). Построено название по модели фразы из популярной песни 90-х годов группы «Манго-манго» «Таких не берут в космонавты» (автор – Александр Богданов) с изъятием отрицания (Вечерние Вести, 2 ТВ канал, эфир от 30.05. 20.).

Четвёртая группа имеет в качестве источника происхождения профессиональную речь – это *терминологические УВ* (17 примеров). Причём по вполне объяснимым причинам преобладает медицинская профессиональная лексика и терминология, сформировавшая общераспространённые УВ.

1. «*Пик не пройден*» (название статьи; Владимир Путин о системе здравоохранения, которая должна работать как единый механизм). Идёт цитирование терминологического медицинского УВ для характеристики положения дел (РГН № 82 (8136) 15-21 апреля 2020. С.2).

2. «*Вызов принят*» (название статьи о том, что Воронежская область готова лечить больных с коронавирусной инфекцией). Возможно двойное происхождение УВ: 1) цитирование терминологического медицинского УВ; 2) трансформация (замена слов) в терминологическом военном УВ: пост сдал – пост принял. Цель – с помощью использования термина показать серьёзность отношения к теме статьи (РГН № 82 (8136) 15-21 апреля 2020. С.18).

3. «*Есть контакт*» (название статьи о том, как волонтеры на расстоянии научились поддерживать стариков и больных). Цитирование терминологического военного УВ из диалога: «← Контакт? – Есть контакт!». С помощью использования военного термина идёт квалификация ситуации и демонстрируется, что старики и больные в этой сложной ситуации находятся под обязательной защитой волонтеров, как гражданское население в период войны (РГН - № 82 (8136) 15-21 апреля 2020. – С.25).

4. «*Правила переноса*» (название статьи о том, на что имеет право сотрудник при корректировке сбившихся графиков отпусков). Цитирование терминологического филологического УВ, но использование его идёт уже в значении «перенос отпуска», а не «перенос слов». Цель – с помощью терминологического УВ квалифицировать ситуацию: показать, что отправка в отпуск работника под контролем, и всё с ним осуществляется по правилам (РГН - № 82 (8136) 15-21 апреля 2020. – С.29).

5. «*Тушение кошмара*» (название статьи о работе дома во время самоизоляции, и о том, возможно ли работать, если рядом – маленький ребёнок). Трансформация профессионального УВ «тушение пожара» замена слова на пароним (пожара>кошмара). Цель – описать ситуацию с помощью подтекста самого УВ, построено скрытое сравнение: присутствие детей дома во время работы родителей оценивается, как пожар (РГН - № 101 (8155) 13 – 19 мая 2020. С.9).

В процессе исследования была выявлен и зафиксирован массив свежееоформленных устойчивых выражений, которые в период пандемии в языковом поле претерпели изменения. Если ранее эти словосочетания не были устойчивыми или часто употребляемыми, то в настоящее время они резко поменяли свой статус на УВ из-за актуальности и частоты использования, перейдя из пассивного словарного запаса большинства носителей языка в активный. В этот период появляется, закрепляется в русском языке или входит в активный языковой запас новый массив, как правило, медицинских терминологических устойчивых выражений: *красная зона, выйти на плато, пик вируса пройден (не пройден), режим самоизоляции, подтверждённый диагноз, коэффициент распространения инфекции, свободный коечный фонд, COVID-19, масочный режим, снятие ограничений, работа на удалёнке, дистанционное обучение, соблюдение социальной дистанции* и проч.

1. «*Иду в красную зону*» (название статьи о том, зачем кинопродюсер добровольно отправился в инфекционную больницу). Цитирование нового УВ, вошедшее в активное употребление. Цель использования – дать более точное описание реалии (РГН - № 125 (8179) 10 – 16 июня 2020. – С.31).

2. «*Музей эпохи COVID-19*» (название статьи о том, что калининградцы создают экспозицию, посвящённую карантину). Трансформация: замена слова в профессиональном (терминологическом) историческом УВ-клише «эпоха (чего?) палеолита, мезозоя, застоя и проч.». Цель – дать характеристику, указать на важность периода пандемии коронавируса (РГН - № 88 (8142) 22-28 апреля 2020. – С.25).

Структурные особенности УВ. Обратимся ко второй части нашего исследования – характеристике структурных особенностей УВ, употребляемых в СМИ период распространения коронавируса. Проанализируем, в каком виде чаще всего используются УВ, выскажем предположение, с какой целью структуры УВ подвергаются авторской трансформации. Иногда структурные особенности УВ описывают, как «характеристику использования УВ» [9; с. 8], но в нашем исследовании будем придерживаться первой формулировки. Если, отталкиваясь от этой характеристики, обобщить собранный языковой материал, то получится следующая система структурного построения устойчивых выражений в СМИ. Устойчивые выражения в речи могут быть оформлены двумя способами: каноническим (выступают как цитаты, чаще всего без кавычек (имплицитно) по причине статуса общераспространённости) и трансформированным. Среди УВ, отражающих период пандемии коронавируса, наиболее часты цитирования, и отмечены два преобладающих вида трансформированных УВ: замена слов и образование по модели устойчивого выражения. Приведём несколько примеров цитирования и структурных модификаций УВ и определим цели их использования. Цитирование.

1. «*Когда в товарищах согласья нет*» (название репортажа о распространении коронавируса и отсутствии взаимной помощи в странах Евросоюза). Цитирование фразы из басни И.А. Крылова «Лебедь, Щука и Рак», выражается оценка (телепрограмма «Время», 1 ТВ канал, эфир от 19.03.2020).

2. «*А ВОЗ и ныне там*» (название репортажа). Цитирование оценочной фразы из той же басни И.А. Крылова. Использован приём игры слов: замена на омоним слова «воз» = «телега» на ВОЗ= аббревиатура «Всемирная организация здравоохранения» (Новости. Доброе утро. 30.05.20).

Следует отметить, что использование устойчивого выражения в том или ином виде имеет целью обращение к языковому авторитету для подтверждения собственных мыслей автора текста у воспринимающего этот текст. Сущностью одного из приёмов воздействия на читателя или слушателя является обращение к общепринятой банальной истине (трюизму): пословице, поговорке, популярной литературной цитате, фразе известной личности и под. «Банальные истины», заложенные в устойчивом выражении, могут быть употреблены в чистом (исходном) виде, а могут быть подвергнуты языковой трансформации. Используя общеизвестные устойчивые модели УВ может быть выстроено собственное высказывание [4; с.55]. Полагаем, что виды структурных трансформаций устойчивых выражения следует рассматривать как структурные способы актуализации языкового материала, одновременно использующие экспрессивное и содержательное наполнение, а также структурное построение уже хорошо знакомого устойчивого выражения. В нашем исследовании отмечено два наиболее распространённых способа структурной актуализации языкового материала: замена слов в устойчивом выражении и образование по модели устойчивого выражения (самый сложный из структурных способов трансформации). Подробно опишем каждый из них.

Замена слова УВ. 1. «*При пандемии часов не наблюдают*» (название репортажа о том, что врачам, которые работают с коронавирусными больными в нарушение распоряжения Президента единовременные выплаты начисляли в зависимости от часов работы с пациентами). Произведена трансформация с заменой слов из крылатой фразы героини комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» Софьи «влюблённые часов не наблюдают», с помощью которой даётся описание ситуации (телепрограмма «Новости». ТВ Канал «Россия-24». Эфир от 18.05.20).

2. «*На том сидим*» (название статьи о том, какие онлайн-проекты могут обучать на карантине»). Трансформация: замена слова из разговорного УВ «на том стоим», использование с целью убеждающего высказывания. Цель – описать новую ситуацию обучения, выразить или подчеркнуть новое место обучения, которое теперь находится у обучаемых дома (РГН - № 88 (8142) 22-28 апреля 2020. С.10).

3. «*Бизнес в помощь*» (название статьи о том, как купить маски, бахилы и средства для дезинфекции для восьми домов-интернатов центральной России помогут благотворители). Трансформация: замена слова из православного напутственного УВ «бог в помощь». Цель – дать позитивную характеристику поступку бизнесменов с помощью привлечения коннотата позитивности УВ (РГН - № 88 (8142) 22-28 апреля 2020. С.13).

4. «*Истина в воде*» (название статьи о рекомендации больным коронавирусом, которые лечатся дома). Трансформация: замена слова на пароним из знаменитого латинизма на русском языке, который в полном виде звучит как: *in vino veritas, in aqua sanitas*, что означает: в вине – истина, в воде – здоровье [8; с. 92] (пароним: ...в вине > ...в воде). Цель – прибегнув для убеждения читателей к языковому авторитету (латинизму), дать описание отношения к новым реалиям (РГН - № 94 (8148) 29 апреля-5 мая 2020. С.6).

5. «*Я поведу себя в музей*» (название статьи о том, какие экспозиции можно посетить, не выходя из дома). Трансформация: замена слова на пароним в стихотворных строках «Я поведу тебя в музей», - сказала мне сестра» из произведения С. Михалкова «В музее В.И. Ленина». Цель – лаконично с помощью привлечения известной фразы указать на реалию «поход в музей», а с помощью замены «тебя» на «себя» указать на разницу нынешнего виртуального посещения музея (РГН - № 94 (8148) 29 апреля – 5 мая 2020. – С.24).

6. «*Иду на вирус*» (название статьи о том, что врачи испытывают около десятка медицинских препаратов против COVID-19). Трансформация: замена слова на актуальное соотношение ситуации «вирус»; из исходных, возможно, 2 УВ: 1) «*Иду на Вы*» (девиз русского кня-

зя Святослава Игоревича периода становления и расширения Киевской Руси; 2) название романа Даниила Гранина «*Иду на грозу*», посвященного физикам учёным-испытателям. Цель – описать ситуацию «поединка» с вирусом, дать позитивный (исторический или научный) подтекст с помощью этого УВ (РГН - № 101 (8155) 13 – 19 мая 2020. С.4).

7. К таким же языковым источникам восходит ещё одна отмеченная фраза «*Иду на COVID*» (название статьи о том, что Костромскую набережную украсили портреты врачей и открыли фотовыставку «Спасибо врачам»). Так же произведена трансформация, заменено слова на актуальное «COVID» с целью описать ситуацию с новыми актуализируемыми реалиями, с помощью исходного УВ дать позитивный подтекст разрешения ситуации (РГН - № 160 (8214) 22 – 28 июля 2020. С.20).

8. «*И ты, бот*» (название статьи о том, как пандемия дала зелёный свет «цифровым людям», что фиксируется бум виртуальной реальности как неизбежное последствие пандемии). Трансформация крылатой латинской фразы о предательстве «И ты, Брут!». Эта фраза дословно взята из трагедии В. Шекспира «Юлий Цезарь», с нею Цезарь перед смертью обращается к одному из своих убийц Марку Юнию Бруту, бывшему в числе заговорщиков. Однако в латинском источнике историка Светония «Жизнь двенадцати цезарей» и «Боже-ственный Юлий» зафиксирована реальная историческая фраза «И ты, дитя моё?» [6; с. 259] [8; с. 176]. Цель трансформации – охарактеризовать ситуацию, показать таким образом повсеместность распространение явления (РГН - № 101 (8155) 13 – 19 мая 2020. С.22).

Образование по модели УВ является самым сложный и интересным видом трансформации. В теории прецедентных текстов, автором которой стал Ю.Н. Караулов [10], он приобрёл бы статус продолжения прецедентного текста (т.е. УВ) в связи с тем, что, во-первых, все трансформации произведены намеренно, во-вторых, УВ в нашем исследовании входят в наименования, которые являются по определению самостоятельной законченной единицей, в-третьих, обязательно предполагается знание и понимание всех смысловых нагрузок УВ. Продолжение прецедентного текста, в качестве которого выступает УВ, «состоит в создании самостоятельного законченного произведения, действие которого разворачивается в «воображаемом мире», уже известном носителям культуры» [11; с. 39].

1. «*Ухань открыт, но нам туда не надо*» (название репортажа о том, что Ухань – город в Китае, который длительное время был закрыт для въезда, и с которого началось распространение по миру коронавирусной инфекции, теперь открыт для посещений). Трансформация, образование по модели УВ из песни В.С. Высоцкого (1967 г.) «Москва-Одесса»: «Открыты Киев, Харьков, Кишинёв / И Львов открыт, - но мне туда не надо»; демонстрируется отношение к событию (программа «Время», 1 ТВ канал от 08.04.2020).

2. «*Измучить уже себя нарзаном – это ли не мечта горожанина, находящегося длительное время в самоизоляции в заточении*» (начальная фраза из репортажа о подготовке Ростуризма к летнему отдыху россиян после карантина). Использован перифраз слов литературного героя монтёра театра «Колумб» Мечникова «Я человек, измученный нарзаном» из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (программа «Вечерние новости», 1 канал, эфир от 28.06.20).

3. «*Трое в доме, не считая пылесоса*» (название статьи о том, как пережить карантин и не развестись). Образование по модели УВ из литературного источника (названия произведения Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки») с использованием переноса ситуации по смежности (РГН - № 76 (8130) 8-14 апреля 2020. С.3).

4. «*Наши люди в булочную не ходят – карантин*» (название статьи о том, как выходят на улицу жители в разных регионах России» после самоизоляции). Образование по модели крылатой фразы из кинофильма: «Наши люди в булочную на такси не ездят». Цель – квалифицировать ситуацию, придать категоричную обязательность исполнения всеми (РГН - № 82 (8136) 15-21 апреля 2020. С.6).

5. «*Курортному сезону быть*» (название репортажа о планировании открытия курортов в Крыму). Образование по модели крылатой фразы, которая принадлежит Петру I «Здесь граду быть», сказанная им на месте личного осмотра Заячьего острова, где в дальнейшем был построен г. Санкт-Петербург. Использована модель общеизвестного УВ для выражения категорической обязательности с привлечением исторической личности Петра I с помощью его слов (телепрограмма «Время покажет», 1 ТВ канал, эфир от 20.05.2020.).

Подведём итоги. Новые пандемические реалии отразились в специфике отбора и использования УВ. С помощью использования УВ общеязыкового фонда в этот период преимущественно даётся характеристика ситуации, её квалификация, выражается оценка, демонстрируется собственное отношение автора к новым реалиям, фиксируется результат. В семантическом плане устойчивые выражения этого периода сконцентрированы в поле коннотата.

1. Выявлено, что для описания, характеристики и оценки этих реалий производится отбор УВ из особых источников происхождения, которые распадаются на 4 группы: 1) УВ книжного происхождения, крылатые слова (латинизмы, библеизмы, литературные цитаты) – это способ апелляции к культурному авторитету; 2) пословицы и поговорки (апелляция к народной мудрости: афоризмам, умозаключения); 3) фразы из песен (апелляция к экспрессии и образности, особый способ создания подтекста); 4) терминологические УВ, особенно медицинские (апелляция к тематической языковой среде, непосредственно связанной с COVID-19).

2. Установлено, что в описываемый временной период состав устойчивых выражений подвергся активному пополнению из числа свободных терминологических сочетаний, перешедших в устойчивые выражения общелитературного языкового фонда, по причине резкой актуализации и высокой частотности употребления (*красная зона, выйти на плато, режим самоизоляции, снятие ограничений, масочный режим, работа на удалёнке, соблюдение социальной дистанции* и проч.)

3. Среди структурных особенностей обнаружены общие черты, в частности в способах введения устойчивых выражений в этот период в тексты СМИ. Чаще всего используется либо натуральный способ введения УВ с помощью цитирования (цель – обращение к смыслу цитаты в чистом виде, отражение её идеи для подтверждения мыслей автора), либо трансформированный: с помощью замены слов в УВ (цель – дополнительная семантическая актуализация заменяемого слова) или путём построения УВ по модели общеизвестного (цель – выражение нового авторского содержания с использованием исходного УВ в качестве фона или подтекста). В нашем исследовании способы структурной трансформации устойчивых выражений предложено рассматривать как виды структурной актуализации языкового материала. При использовании старых языковых форм для выражения новых реалий, происходит обновление языка. И можно предположить, что этот процесс в любом естественном языке идёт постоянно: старые формы (УВ), несущие свой смысловой флёр, с помощью структурных модификаций дополнительно получают новое содержание, «омолаживаются».

Таким образом, в исследовании установлен состав и специфические особенности устойчивых выражений. Произведена классификация по источникам происхождения (выявлены 4 группы) и структурным особенностям (отмечено цитирование и два вида трансформации УВ: замена слов и построение по модели УВ). Установлены цели автора, преследуемые им при использовании УВ того или иного источника происхождения. УВ книжного происхождения и крылатые слова апеллируют к литературному авторитету, пословицы и поговорки транслируют народную мудрость, использованные фразы из песен выполняют роль экспрессивных образных средства и обращают нас к культурному авторитету, терминологические УВ убеждают воспринимающего информацию с помощью актуализации новых реалий. Использование УВ в современных текстах рассматривается как приём оказания влияния (речевого воздействия) на собеседника. Отмечено, что новая ситуация породила возникновение и закрепление в общеязыковом фонде УВ первоначально терминологических сочетаний профессионального происхождения.

Структурные способы введения УВ распадаются на цитирование и трансформацию УВ с заменой слов или построением по модели устойчивого выражения. С помощью цитирования достигается эффект подтверждения мыслей автора с использованием общеизвестных истин, заложенных в устойчивых выражениях. С помощью же трансформированных УВ актуализируется новый языковой материал с одновременным привлечением смыслового и образного подтекста исходных УВ, что обеспечивает процесс «омолаживания» устойчивых выражений, а следовательно, развития языка.

Библиографический список

1. Романова Г.В. Тенденции в современном употреблении устойчивых выражений //Актуальные проблемы профессионального образования: цели, задачи, перспективы развития. Материалы 17-ой всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: Научная книга, 2019. С. 241-245.
2. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии (проблемы, методы, опыты). Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1978. 141 с.
3. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... доктора филологических наук. М.: Институт языкознания РАН, 2009. 37 с.
4. Балахонская Л.В. Лингвистика речевого воздействия и манипулирования: учеб. пос. 4-е изд. стер. М.: ФЛИНТА, 2019. 352 с.
5. Гудков Д.Б. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко // Вестник МГУ. 1997. № 4. С. 106-117.
6. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. М.: Правда, 1986. 768 с.
7. Куприн А.И. О любви. М.: Изд-во Рusanова, 1993. 448 с.
8. Крылатые латинские выражения / Авт.-сост. Ю.С. Цыбульник. Харьков: Фолио. М.: Эксмо, 2006. 992 с.
9. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: около 4000 единиц. М.: Издательство «Русские словари», ООО Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2000. 624 с.
10. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.:Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
11. Слышкин Г.Г. От текста к символу: Лингвокультурные концепции прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000г. 128 с.

References

1. Romanova G.V. Trends in the modern use of stable expressions//Current problems of vocational education: goals, tasks, development prospects. Materials of the 17th All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: Scientific Book, 2019. P. 241-245.
2. Kopylenko M.M., Popova Z.D. Essays on general phraseology (problems, methods, experiments). Voronezh: Publishing House of Voronezh University, 1978. 141 p.
3. Kovshova M. L. Semantics and pragmatics of phraseologisms (linguoculturological aspect): autoref. dis.... Doctors of Philology. M.: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2009. 37 p.
4. Balakhonskaya L.V. Linguistics of speech influence and manipulation: educational pos. 4th ed. I erased. M.: FLINTA, 2019. 352 p.
5. Gudkov D.B. Some features of the functioning of case studies/D.B. Gudkov, V.V. Krasnykh, I.V. Zakharenko//Bulletin of Moscow State University. 1997. № 4. P. 106-117.
6. Ashukin N.S., Ashukina M.G. Winged words: Literary quotes; Figurative expressions. M.: True, 1986. 768 p.
7. Kuprin A.I. About love. M.: Publishing House Rusanova, 1993. 448 p.
8. Winged Latin expressions/Aut.-sost. Yu.S. Tsybulnik. Kharkov: Folio; M.: Eksmo, 2006. 992 p.
9. Berkov V.P., Mokienko V.M., Shulezhkova S.G. Large dictionary of winged words of the Russian language: about 4,000 units. M.: Publishing House "Russian Dictionaries," LLC Publishing House Astrel ": Publishing House AST, 2000. 624 p.
10. Karaulov Yu.N. Russian language and language personality. M.: Publishing House of LKI, 2010. 264 p.
11. Slyshkin G. G.From Text to Symbol: Linguistic and Cultural Concepts of Case Texts in Consciousness and Discourse. M.: Academia, 2000. 128 p.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

1) УДК;

2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;

3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);

4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);

5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);

8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

*Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел.+7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

*Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after M.V. Lo-
monosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel.+7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег... (200-250 слов).

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, признаки образа, ...

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, ...

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуночной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания его современники и исследователи творчества, в т. ч. Л.Я. Гинзбург [2].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 4(39) 2020

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 15.12.2020. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 13,7. Усл. печ. л. 17,8. Тираж 500 экз. Заказ №
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84